

4 РУССКАЯ РЕЧЬ 1979

ИЮЛЬ
АВГУСТ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

В номере:

Ф. П. Филин. Насущная потребность нашего времени 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 175-летию В. Ф. Одоевского
Н. П. Руднева. Мыслитель и художник 8
А. Д. Жижина. Во славу жизни 14
В. Н. Захаров. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» 21
С. В. Белов. Почему братьев Карамазовых было трое? 28
Е. Н. Киндякова. О языке народных рассказов и повестей Л. Н. Толстого 33
Е. А. Некрасова. Синее, голубое у С. Есенина 37

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

В. М. Мокиенко. Как с гуся вода 42
В. В. Митрофанова. Загадка, разгадка, да семь верст правды (в ней) 46

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Николай Асеев — поэт неугасающей молодости 52

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Н. И. Формановская. Речевой этикет 62
В. А. Ицкович. Всевозрастающий и все возрастающий 66
С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» (запасной или запасный) 69

ЛЕКСИКА. ГРАММАТИКА

Е. П. Ходакова. От конкретного — к абстрактному 72

| | |
|--|-----|
| Н. В. Чурмаева. Заметки по словообразованию | 76 |
| Н. П. Кабанова. О жизни одного суффикса | 82 |
| <hr/> | |
| НАШИ КОНСУЛЬТАЦИИ | |
| В. Н. Сергеев. Как пользоваться словарями | 86 |
| <hr/> | |
| ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ | |
| А. Н. Стеценко, И. Г. Добродомов. | |
| И. А. Василенко (1899—1970) | 92 |
| И. А. Попов. Первая диалектологическая карта восточнославянских языков | 95 |
| <hr/> | |
| ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ | |
| И. Б. Голуб. Ищите «свои слова» | 100 |
| В. А. Филатов.оборот с предложением <i>кроме</i> | 107 |
| <hr/> | |
| ДРЕВНЯЯ КУЛЬТУРА И ПИСЬМЕННОСТЬ | |
| Улла Биргегорд. Славянский словарь Спарвенфельда (XVII в.) | 112 |
| Е. С. Отин. Древние названия на Воронежской земле | 118 |
| <hr/> | |
| РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ | |
| Ш. Г. Магидов. Язык, который понятен всем | 123 |
| А. И. Кудряшов. К расширению сотрудничества | 126 |
| <hr/> | |
| ОЛИМПИЙСКИЕ АРЕНА МОСКВЫ | |
| Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Зубовский бульвар. Сретенка | 130 |
| <hr/> | |
| ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ | |
| В. Н. Вакуров. Аз да буки — и все науки | 134 |
| О. И. Александрова. Как создаются прозвища | 138 |
| Е. Э. Биржакова. Рог изобилия | 143 |
| <hr/> | |
| В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий (продолжение) | 146 |
| <hr/> | |
| ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ» | |
| Ошибки — они бывают разные...; Вологодчина, Туретчина, Одесчина; Десант строителей | 150 |
| <hr/> | |
| М. М. Маковский. Русские имена | 158 |
| <hr/> | |
| Кроссворд | 159 |
| <hr/> | |

Происходящий в жизни процессе добровольного изучения, наряду с родным языком, русского языка имеет положительное значение, так как это содействует взаимному обмену опытом и приобщению каждой нации и народности к культурным достижениям всех других народов СССР и к мировой культуре (из Программы КПСС).

НАСУЩНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

На земном шаре существует несколько тысяч языков. Одни живут уже тысячелетия, другие — всего несколько веков. На одних говорят миллионы людей, а другими пользуются всего несколько десятков человек. Одни языки являются местными, другие — обслуживают целые страны, регионы, превращаются в международные.

Какое же место среди великого языкового разнообразия занимает русский язык?

Русский язык принадлежит к числу наиболее развитых языков мира. Он приобретает все больший авторитет на международной арене и у миллионов людей разных стран вызывает желание овладеть им.

Огромную социально-экономическую, политическую и культурную роль играет русский язык в жизни нашего государства. Более ста наций и народностей населяют нашу страну и около ста тридцати языков звучит на ее территории. Естественно, что многонациональное население

Советского государства, тесным образом связанное в экономическом, политическом, культурном отношениях, должно иметь одно средство языкового общения, понятное и доступное всем. Таким средством стал добровольно избранный всеми народами СССР русский язык.

Превращение именно русского языка в средство межнационального общения является объективной закономерностью, обусловленной многими причинами.

На русском языке говорит больше половины населения нашей страны. А если учесть, что украинский и белорусский — близкородственные русскому языки, то на восточнославянских языках как на родных в нашей стране говорит более трех четвертей населения. Естественно, что средством межнационального общения был избран именно тот язык, который наиболее широко распространен в нашей стране.

Истоки русского языка уходят в седую древность.

В первые века нашей эры говорили на праславянском, или общеславянском, языке с небольшими местными, диалектными различиями. Племена хорошо понимали друг друга, но жили они раздельно, расселялись все дальше, и связи между ними ослабевали. Примерно с VII—IX веков единый общеславянский язык перестал существовать. Он распался на отдельные, самостоятельные славянские языки. Тогда же возник единый восточнославянский (древнерусский) язык, непосредственный предок русского, украинского и белорусского, выделившихся как самостоятельные значительно позже других славянских языков.

Уже в Киевском государстве древнерусский язык обслуживал не одну древнерусскую народность, а служил средством общения восточных славян с другими многочисленными племенами и народностями, входившими в древнюю Русь.

Всем, кто изучал историю нашей Родины, хорошо известно, что к XIV веку на территории образовавшегося Московского государства сложилась великорусская народность с самостоятельным русским языком, уже отличавшимся от своих ближайших «родственников» — украинского и белорусского, но по-прежнему выполнявшим такую важную функцию, как средство общения между народами многонационального государства.

Проходили столетия... Росло и крепло могущество

нашей Родины, развивались культура народа, наука, литература. Стали всемирно известны имена замечательных русских писателей и поэтов — Пушкина, Гоголя, Герцена, Тургенева, Достоевского, Толстого, Горького... На русском языке написаны лучшие произведения мировой классики, создана богатейшая научная литература.

На русском языке формировалась важная политическая литература, призывавшая народ на борьбу с самодержавием, отразившая учение Маркса — Ленина, достижения самой передовой, пролетарской культуры.

Великая Октябрьская социалистическая революция, уничтожив социальное и национальное угнетение, создала необходимые условия народам многонациональной России для их всестороннего развития и сотрудничества, предоставила им великое право самим определить свою судьбу, развивать свою государственность, экономику, культуру, свой национальный язык.

Русский народ своими революционными традициями, богатством науки и культуры, глубоко интернациональной и бескорыстной помощью другим братским народам снижал их искреннее уважение. Благодаря этому русский язык стал, говоря словами В. И. Ленина, языком братского единства народов при строжайшем соблюдении принципа добровольности выбора языка, создании максимально благоприятных условий для развития национальных языков, расцвета национальных культур народов СССР.

В современных условиях крепящего сотрудничества, взаимной помощи и дружбы народов добровольное использование русского языка в качестве межнационального является жизненной необходимостью. Русский язык сплачивает советские народы, укрепляет их братское единство, через посредство русского языка советские люди усваивают лучшие достижения отечественной и мировой культуры и науки. Достаточно сказать, что в наши дни знание русского языка открывает доступ к 75—80 процентам информации, существующей в мире.

В. И. Ленин, проявляя неустанную заботу о развитии национальных языков, видел необходимость того, чтобы «каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку». Сегодня массовое стремление к овладению русским языком составляет характерную черту

жизни всех народов, населяющих нашу многонациональную страну.

Русский язык как средство межнационального общения оказывает огромное влияние и на развитие национальных языков. При этом происходит интенсивный процесс их взаимообогащения.

Одним из исключительно важных результатов успешного решения национального вопроса в нашей стране является создание национальной письменности у тех народов, которые не имели ее до Октябрьской революции. После революции национальную письменность впервые обрели около пятидесяти народов.

Сейчас перед нами стоит очень важная задача: добиться полного расцвета всех языков нашей страны и вместе с тем способствовать развитию такого прогрессивного процесса, как двуязычие на основе национального и русского языков. Двуязычие способствует сближению, взаимному обогащению и пополнению лексических запасов каждого из языков, участвующих в нем.

Развиваясь на собственных основах, за счет своих внутренних возможностей, национальные языки народов СССР постоянно обогащаются, используя неиссякаемые созидательные источники русского языка.

Русский язык имеет и огромное международное значение. Для народов всего земного шара он является источником новых понятий и терминов социалистической культуры, политики подлинного демократизма, мира и социального прогресса. В настоящее время русский язык изучают около 20 миллионов людей более чем в 90 странах мира. Естественно, что притягательная сила русского языка объясняется в первую очередь теми симпатиями, которые питают к Советскому Союзу трудящиеся всего мира. В сознании миллионов людей русский язык связан со строительством коммунизма, с мечтой о счастье, о мире на Земле. Став языком межнационального общения народов Советского Союза, он выражает сегодня думы и стремления прогрессивного человечества.

Сегодня русское слово не только знакомит население планеты с замечательными победами нашей Родины в науке и технике, культуре и искусстве, но и обогащает внутренний духовный мир человека. Во многих странах

русский язык включен в учебные программы средних школ.

Русский язык, став международным, выступает теперь в качестве рабочего языка в Организации Объединенных Наций. Он успешно выполняет функции рабочего языка в СЭВе. Его используют и десятки других международных организаций.

Язык Ленина, выражающий интересы миролюбивого советского народа, звучит ныне во всех частях света, включая и такой необжитой континент, как Антарктида.

Сорок лет назад А. Н. Толстой писал: «Настанет время (и оно не за горами), — русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара». Это время пришло, знание русского языка стало насущной потребностью нашего времени.

Ф. П. ФИЛИН

Русский человек нам дорог не только потому, что он русский, но, прежде всего, потому, что мы видим в нем носителя лучших, передовых черт своей эпохи. Русский язык стал для нас вторым родным языком. Русскую литературу мы воспринимаем как свою собственную литературу, русская литература помогла нам писать лучше, сильнее, писать точнее, конкретнее, выразительнее излагать мысли и чувства. В русской литературе горцы видели не только Россию, не только русского человека, русский характер, но видели самих себя, свою судьбу, свои мысли, думы, чаяния. В русской литературе наш народ нашел правду о себе.

Расул Гамзатов



К 175-летию
МЫСЛИТЕЛЬ
И
ХУДОЖНИК

Дореволюционный исследователь П. Н. Сакулин считает именно Одоевского создателем философской повести, в определенном смысле предвосхитившим Герцена. «В нем... сочетались мыслитель и художник, но в такой пропорции, что мыслитель превалирует над художником» (П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М., 1913).

В. Ф. Одоевский одним из первых обратился к созданию «философствующей беллетристики», прозы, требующей, по выражению Пушкина, мыслей и мыслей, и пошел по пути развития «метафизического языка».

В связи с поисками новых выразительных средств в системе литературного языка в 30—40-е годы наблюдается интенсивное развитие отвлеченно-книжной лексики и фразеологии. На этот процесс, как известно, решающее влияние оказали Белинский и Герцен. Но правомерно поставить вопрос и о роли Одоевского в развитии отвлеченно-книжной лексики литературного языка первой трети XIX века.

Отвлеченно-книжная лексика формировалась, как правило, за счет словообразовательных возможностей и изменения значений слов в самом русском языке и с помощью иноязычных, главным образом, европейских заимствований или калек.

Наиболее характерными для русских моделей отвлеченно-книжной лексики были существительные, выражающие

В. Ф. Одоевского

...ученость, политика и философия еще по-русски не изъяснялись; метафизического языка у нас вовсе не существует.

А. С. Пушкин

свойство определенных предметов и явлений или действие, состояние, со словообразовательными суффиксами *-ость-* (типа: *деятельность, будущность*), *е(ни)-е* (*движение, просвещение; ств(о)* (*человечество, множество*). Как отмечает Ю. С. Сорокин, «в 30—40-е годы и в связи с развитием различных стилей публицистической, научной и научно-популярной речи, в связи с вторжением элемента публицистичности, в частности, в сферу художественной литературы, находится и особенная продуктивность этих образований» (Ю. С. Сорокин. «Развитие словарного состава русского языка», 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965).

В большинстве случаев эти слова относятся к области общественных отношений, политической жизни, нравственных качеств, взаимоотношений между

Владимир Федорович Одоевский принадлежит к плеяде замечательных русских писателей, оставивших заметную вежу на пути развития художественной и публицистической прозы 20—40-х годов XIX века. В 30-е годы он сотрудничал в пушкинском «Современнике».

Одоевскому, увлекавшемуся естественными науками и философией, было свойственно стремление познать природу в ее целостности и полноте. Это стремление в сочетании с его разносторонними интересами отразилось в центральном его произведении «Русские ночи», которое можно считать основным литературным памятником русского «любомудрия». Интересен и его роман «4338 год» — один из первых русских утопических романов, где научное предвидение сочетается с сатирой на современное общество.

Произведения писателя читались современниками, по словам Белинского, «с восторгом», «с жадностью», и «благодатны были плоды этого чтения».

Современники отмечали чистоту, меткость языка, оригинальность и выразительность слога Одоевского.

людьми, то есть именно к тем сферам, которые требовали «метафизического языка».

Сравнение показаний словарей (Академии Российской, словаря 1847 г., словаря Даля) и словоупотребления в художественной литературе и критике 30—40-х годов (Одоевский, Белинский, Герцен, Гончаров) приводит к следующим выводам:

1. В процессе формирования отвлеченно-книжного стиля речи ряд слов, существовавших ранее, получил в первой трети XIX века новые семантические оттенки, которые, как правило, не фиксируются словарями того времени.

2. В таких словах происходили определенные семантико-морфологические сдвиги. Так, существительное, выражающее отвлеченное понятие качества или свойства и морфологически образованное от соответствующего прилагательного, приобретает новое значение, отходит от первоначальной категории и становится обозначением какого-то другого предмета или явления, существующего отдельно и независимо.

Отвлеченно-книжные слова такого типа мы находим не только в таких философски-публицистических произведениях Одоевского, как «Русские ночи», «Город без имени», но и в светских повестях «Княжна Мими», «Княжна Зизи» и других.

Выдвижение на первый план новых семантических оттенков происходит, например, в словах *деятельность*, *направление*, *движение*, *назначение*, *убеждение*, *будущность*, *влияние*, *вопрос* и других.

Переосмыслению целого ряда подобных слов сопутствовала обычно способность их к сочетанию с теми или иными оценочными словами-определениями. Слово *вопрос* как публицистический термин (т. е. в расширенном значении — «проблема, актуальные общественные задачи») выступает чаще всего в сочетании с конкретными определениями. Например, у Одоевского: *вопросы философские, экономические, народные* и т. п. (позднее — у Герцена — *современные вопросы, общие вопросы, исторические и политические вопросы*).

Семантическому развитию слова *вопрос*, сближению его по смыслу с его синонимом *проблема*, не нашедшему отражения в словарях 40—60-х годов, способствовало словоупотребление в первой трети XIX века в творчестве та-

них писателей, как В. Ф. Одоевский. В предисловии к «Русским ночам» он пишет: «Между тем эта эпоха имела свое значение: кипели тысячи *вопросов, сомнений, догадок...*; *вопросы* чисто *философские, экономические, житейские, народные*, ныне нас занимающие, занимали людей и тогда...» (курсив здесь и далее мой — Н. Р.).

Слово *деятельность* выступает в произведениях Одоевского в сочетаниях с определениями-прилагательными: *человеческая деятельность, благородная деятельность, умственная деятельность* и т. п. Ср. позже у Герцена: *гражданская деятельность, полезная деятельность* (Кто виноват?).

В свою очередь, прилагательные *общественный* и *гражданский* как оценочные слова несут в себе основную смысловую нагрузку и вступают в сочетание с целым рядом слов. Ср. у Одоевского: *общественное благоустройство, общественная жизнь, общественная атмосфера, общественная нравственность; труды гражданские, гражданская доблесть* и т. п.

Как указывал В. В. Виноградов, в этот период «перестраивается само понятие „литературы“. В центре ее становится „беллетристика“, то есть жанр полупублицистической полухудожественной прозы, направленной на культурно-политическое и идейно-моральное перевоспитание общества» (В. В. Виноградов. «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX веков»).

Отсюда в произведениях Одоевского — обращения к читателю, авторские рассуждения, различные отступления, обобщения афористического характера, насыщенные отвлеченно-книжной лексикой.

Даже диалоги в светской повести Одоевского «Княжна Мими» содержат в себе элементы отвлеченного языка, представленного, например, в таких словосочетаниях и фрагментах: «...*общественная нравственность.., нынешняя литература.., исповедь в старых прегрешениях человечества.., общество нашего века.., безнравственность, пустота души, отсутствие всякой мысли, всякого религиозного, всякого благородного чувства...*».

Одоевский, мыслитель-философ, писатель, публицист, критик, музыкант и музыковед занимался также серьезным изучением естественных и общественных наук. В произведениях его затрагиваются самые разнообразные проблемы

философии, истории, общественной жизни, естествознания, искусства, религии, воспитания. Наиболее полное выражение они получили в замечательном литературно-философском произведении «Русские ночи». Здесь особенно заметна группа существительных с суффиксом *-изм-*, представляющих собой, главным образом, философские и научные понятия: *мистицизм, догматизм, скептицизм, фанатизм, магнетизм, эмпиризм, педантизм, романтизм* и другие.

К этой смысловой группе примыкают отвлеченно-книжные прилагательные с иноязычными основами: *хронологический, физиологический, метафизический, термометрический, гигрометрический, эстетический, драматический, догматический* и другие.

Не все иноязычные отвлеченные слова, употреблявшиеся Одоевским, фиксируются даже словарями иностранных слов 30—40-х годов XIX века.

Целый ряд европеизмов в разных произведениях Одоевского относится к группе книжных существительных на *-ия*, связанных с областью литературы, науки, искусства: *поэзия, история, теория, аллегория, метонимия, симфония, библиография, библиомания, мистификация, гармония, стихия, аналогия, хартия*.

Следует заметить, что в словоупотреблении В. Ф. Одоевского мы находим начало того процесса, который В. В. Виноградов назвал «обобществлением» естественно-научных терминов, то есть когда естественно-научный термин расширяет свое значение и начинает употребляться в применении к общественной жизни. Такое явление происходило, например, со словами *среда, сфера, атмосфера*.

У В. Ф. Одоевского слово *атмосфера* употребляется не только как научный термин, он и в переносном смысле, с «обобществленным значением» — окружающая обстановка, среда. Например, в повести «Княжна Мими»: «...В обществе действуют сильные страсти, от которых люди бледнеют, краснеют, желтеют, занемогают и даже умирают, но в высших слоях *общественной атмосферы* эти страсти выражаются одною фразою, одним словом...». Ср. у Герцена в «Былом и думах»: «...*Вся атмосфера* нашего дома была тяжела для живого мальчика...».

Словари 30—40-х годов XIX века этого нового значения не отмечают. Впервые, как свидетельствует исследование Ю. С. Сорокина, переносное значение этого слова находим

в академическом словаре 1891 г. (Социальная атмосфера, общественная, политическая, умственная).

«В „Русских ночах“ Одоевский,— по словам Е. Ю. Хин,— выдвинул тему, смыкавшую его с лучшими представителями литературы первой половины XIX века. Тема эта — критика капитализма. Осуждение власти денег, соединенной с жестоким эгоизмом общественных отношений, не раз звучит на страницах его диалогов» (В. Ф. Одоевский. Повести и рассказы. М., 1959. Вступительная статья Е. Ю. Хин).

Отсюда — использование писателем терминологии политической и экономической: *кредит, банкир, фабрики, мануфактурист, парламент, биржевая игра*, которая получит свое широкое распространение в русском литературном языке позже, в 50—60-е годы XIX века.

В его научно-фантастическом произведении «4338 год» часто встречаем сугубо научные термины из области химии, физики, техники. Он пишет об электроходах, локомотивах, гальваностатах, аэростатах, телеграфах.

Чрезвычайно интересно, что Одоевский, мечтая о русском воздухоплавании, создает словосочетание *воздушные силы*. (Ср.: современное сочетание *военно-воздушные силы*).

Его научная фантазия безгранична. Он в 1835 году предвидит изобретение нашего капрона и нейлона, называя их «эластичным стеклом»: «...человек в широкой одежде из эластичного стекла выскочил из гальваностата» или «...дамы были одеты великолепно, большею частью в платьях из эластичного хрусталя разных цветов».

Таким образом, своеобразное творчество В. Ф. Одоевского, его энциклопедизм, просветительская деятельность, стремление приобщить широкие массы к знаниям способствовали формированию и развитию отвлеченно-книжной лексики литературного языка первой трети XIX века.

Н. П. РУДНЕВА

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.
В пустыне блуждая три дня и три ночи,
И зноем и пылью тягчимые очи
С тоской безнадежной водил он вокруг,

И кладязь под пальмою видит он вдруг.
И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы,
И лег, и заснул он близ верной ослицы —
И многие годы над ним протекли
По воле владыки небес и земли.

Настал пробужденья для путника час;
Встает он и слышит неведомый глас:
«Давно ли в пустыне заснул ты глубоко?»
И он отвечает: уж солнце высоко
На утреннем небе сияло вчера;
С утра я глубоко проспал до утра.

Но голос: «О путник, ты долее спал;
Взгляни: лег ты молод, а старцем восстал,
Уж пальма истлела, а кладязь холодный
Иссяк и засохнул в пустыне безводной,
Давно занесенный песками степей;
И кости белеют ослицы твоей».

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...
И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рев издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.



Заключительная баллада пушкинского цикла
«Подражания Корану»

В пору ссылки в Михайловское в ноябре 1824 года Пушкин создает стихотворный цикл «Подражания Корану». Внешне стилизованные в духе Корана, «Подражания» вновь открыли миру неисчерпаемые возможности художественного воплощения замыслов поэта.

Заключительная, девятая баллада цикла привлекает широтой обобщения. Как и циклу в целом, ей свойственны многогранность изображения, совершенство словесного выражения.

Проследим, как слова, развернутые в соотносимые между собой «словесные ряды» (В. В. Виноградов), рождают образы-пере-

живания, подводят к восприятию авторского идеала, основной философской мысли произведения.

Несмотря на то, что в самом общем плане сюжетная схема стихотворения заимствована из Корана, ее тематическая основа совершенно иная. Если глава Корана предназначена служить подтверждением могущества бога: его способности воскрешать мертвых, — то в пушкинском произведении появляется новый мотив — мотив недовольства богом, ропота и наказания (кары господней).

На первый взгляд, в стихотворении изображена традиционная ситуация: человек возроптал на бога, за что был превращен в старца; видя его раскаяние, бог возвращает ему молодость. Развитие поверхностного сюжетного слоя стихотворения должно было бы привести к поучению: довольствуйся малым, смирайся. Однако вывод оказывается совершенно иным благодаря своеобразному внутреннему развитию словесно-образной системы произведения. В основе этого развития — столкновение контрастов. Противопоставлены пустыня и оазис, затем — картины гибели и возрождения оазиса. Эта цепь образов переплетается с другой: жизнь — угасание, старость — и снова жизнь, молодость. На этом фоне возникают контрасты, связанные с душевным состоянием, настроением человека: недовольство судьбой (усталость) — успокоение (отдых) — горе (разрушение) — радость жизни (воскрешение). В каждой цепи контрастов свои повторы (возвращения). Но в этих повторах нет полного совпадения с предыдущим. Возникает одно из интереснейших композиционных решений.

Проследим, какие метаморфозы происходят с центральными сменяющимися друг друга картинами оазиса и пустыни и с лирическим настроением, которое им сопутствует.

В стихотворении дважды возникает перед нами животворный оазис. Один и тот же, затерянный в пустыне, долгожданный, он, казалось бы, должен быть описан наиболее подробно и ярко при первом его появлении, а при повторном — достаточно было бы простого упоминания, чтобы вновь оживило уже сложившееся впечатление. Но обратимся к пушкинскому тексту. Изнемогая в пустыне, путник теряет надежду — «И кладязь под пальмою видит он вдруг» (здесь и далее цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. II, Л., 1977). Вот и всё по существу, что узнаем из первого описания. Примыкающие к нему строки второй строфы не вносят в пейзаж никаких красок, не придают ему рельефности:

И к пальме пустынной он бег устремил,
И жадно холодной струей освежил
Горевшие тяжко язык и зеницы...

Эпитет *пустынная* лишь оттеняет то, что уже сообщалось в предыдущей строфе: пальма выросла в пустыне, она одинока. А слова *холодной струей освежил* больше относятся к путнику, к утолению физической жажды.

Что касается второго описания оазиса, то важно отметить его расположение в стихотворении: оно сменяет картину опустошения («Уж пальма истлела...») и вырастает в развернутое сравнительно с первым изображением:

И чудо в пустыне тогда совершилось;
Минувшее в новой красе оживилось;
Вновь зыблется пальма тенистой главой;
Вновь кладязь наполнен прохладой и мглой.

На протяжении всего стихотворения отдельный образ, мотив, переживание возвращаются каждый раз в новом качестве, в новом словесном оформлении. При повторном появлении оазиса дается лаконичное, но мастерски исполненное изображение. Большая конкретность и красочность его в сравнении с предыдущим закономерна: смысл первой встречи с оазисом — в избавлении от физического страдания, ведь путник не в силах любоваться красотой пальмы, спешит утолить жажду и тут же засыпает; а пережив трагедию внезапной старости и вновь обретая молодость, наблюдая, как все вокруг возрождается из тлена, человек начинает иначе, обостренно-радостно воспринимать ожившую природу.

«Вновь зыблется пальма тенистой главой» — этот новый образ пальмы создается по существу двумя художественно значимыми деталями: глаголом *зыблется* и прилагательным *тенистая*, которые на контекстовом фоне знойной пустыни приобретают дополнительные оттенки. Острее ощущается передаваемое словом *зыблется* освежающее дуновение. Постоянное жаркое дыхание пустыни усиливает и впечатление, оставляемое эпитетом *тенистой*. Однако он не только выступает синонимом слова *прохладный*, но и участвует в создании зрительного образа. «Тенистая глава» пальмы — это густая, сочная зеленая крона в ее «новой красе». Два основных признака (прохлада и тень) повторены и в описании колодца: «Вновь кладязь наполнен *прохладой* и *мглой*». Описанию возрожденного оазиса предшествуют слова: «Минувшее в новой красе оживилось». Именно в этом месте произведения совершается перелом от разрушения, страданий к возрождению и затем — ликования. Впервые здесь говорится о красоте — раньше о ней не упоминалось: путнику было не до нее. Относящийся к ней эпитет *новая* наполняет особым смыслом понятие *чудо*. Чудесно не само оживление минувшего, то есть возвращение вспять. Минувшее оживилось не в прежней, а в невиданной «новой красе», доступной

лишь тому, кто понял, что чудо — это сама жизнь человека, природы... чудо — это молодость: в ней полнота жизни.

Итак, наблюдения убеждают нас в том, что в балладе контрастны образы пустыни и оазиса (при первом его появлении), картины разрушения, вызванного беспощадным бегом времени («Уж пальма истлела...»), — и воскрешения оазиса; контрастен характер изображения живого оазиса при первом и повторном его появлении; и наконец, как следствие, контрастны настроения, переживания, возникающие по мере развития «событий». И вся эта «система динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве» (В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика М., 1963, с. 141) подчинена общей цели: утвердить радость бытия и саму жизнь как высшую на земле ценность. Всё подводит к финалу, славящему жизнь в любом ее проявлении. И захваченный общим развитием контекста, фрагмент, в котором изображается сломленный горем старик, приобретает вполне определенный смысл: так велико может быть только страдание, вызванное самой большой потерей. Человек потрясен, видя, что гибнет всё вокруг и сам он превратился в дряхлого старца — на грани жизни и смерти:

И горем объятый мгновенный старик,
Рыдая, дрожащей главою поник...

Интересно, что неожиданность превращения поэт передает предельно кратким и точным эпитетом *мгновенный*, а переживание героя передано рыданием, согбенной позой.

Вместо покорности всемогущему богу и неизбежной отрешенности от всего земного в этих двух стихотворных строках воплощена сила страдания, вызванного прямо противоположной причиной — привязанностью к жизни, к земному бытию со всеми его муками, невзгодами. В пушкинском стихотворении прозвучал призыв сполна принять жизнь, насладиться красотой природы, молодостью, научиться дорожить всем, что живет на земле, и самому почувствовать, как велико это чудо — жить. Вот откуда те «святые восторги», которые делают человека сильным, помогают ему (вначале — упавшему духом) одолеть невзгоды. Пустыня, по которой он блуждал «три дня и три ночи» и на которую взирал «с тоской безнадежной», — осталась, и по ней предстоит ему возобновить свой путь. Но теперь ропот бессилия сменился иным отношением к жизни, дающим силы для трудного пути.

И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.

Так, всё отчетливее звучит и, наконец, торжествует жизнеутверждающий пафос произведения.

Оптимистическое мировосприятие подчеркнуто изображением присущей миру стройности, гармонии. Прекрасна природа, гармонично всё живое в расцвете сил. Соответственно пластично, музыкально и само стихотворение, чему в значительной мере способствует необычное употребление союза и. Он придает словам дополнительные смысловые оттенки и, возвращаясь в строгой последовательности, сообщает произведению особое, плавное звучание.

Открывая стихотворение союзом и, поэт сразу ставит нас перед свершившимся фактом — последствиями того, что происходило ранее, задолго до начала «лирического повествования», и что продолжается сейчас, на наших глазах:

И путник усталый на бога роптал:
Он жаждой томился и тени алкал.

Начальное и, неоднократно повторяясь в других строфах, служит в стихотворении и целям стилизации, но в первой строке его роль особенно значительна. Эта внезапно прорвавшаяся речь, начатая словно с середины мысли, создает повышенный эмоциональный настрой.

Заключительная строка стихотворения тоже начинается союзом и: «И с богом он дале пускается в путь». Человек пришел из пустыни и после злоключений, а затем — возрождения снова уходит в нее. Жизнь-борьба продолжается. Такая согласованность первой и последней строк словно очерчивает происходящее замкнутым кругом, придавая произведению законченность.

Есть в стихотворении и дополнительное обрамление: две центральные строфы окружены строфами с характерным употреблением союза и. Он начинает каждую из обрамляющих строф. В них в свою очередь союзом и неоднократно начинается новая мысль (и соответственно — новая стихотворная строка): «И к пальме пустынной он бег устремил...»; «И чудо в пустыне тогда совершилось...»; «И ветхие кости ослицы встают...» и т. д.

Союз и многократно встречается также внутри стихотворных строк, придавая произведению своеобразное звучание. Оно создается, в частности, двухтактными соединениями: «встает он и слышит», «несяк и засохнул», «прохладой и мглой», — а в последней строфе повтор союза: «и силу, и радость», — усиливает слова наиболее важные, передающие перелом в состоянии, мироощущении человека.

Парные соединения свойственны и двум первым строфам: «жаждой томился и тени алкал», «небес и земли». Но помимо на-

званных, поэт вводит в первую и вторую строфы сдвоенные союжные образования, в которых *и* повторено четыре раза. Поэт располагает их пропорционально в двух средних строках (конец третьей — начало четвертой) каждой из названных строф:

В пустыне блуждая три дня *и* три ночи,
И зноем *и* пылью тягчимые очи...

I строфа

Горевшие тяжко язык *и* зеницы,
И лег, *и* заснул он близ верной ослицы...

II строфа

Итак, союз *и* во всех вариациях его применения связывает между собой отдельные детали, делает их взаимно обусловленными, сообщает «лирическому повествованию» стройность и пластичность.

Интересна в балладе и перекличка образов пятой строфы: «Рыдая, дрожащей главою поник...» (вторая строка) — «Вновь зыблется пальма тенистой главою» (предпоследняя строка). Сходство предметов («главою», «главой») и их состояния, действия («дрожащей», «зыблется») не мешает поэту использовать их для передачи явлений прямо противоположных: дрожащая голова старца — и красивая, свежая крона пальмы, которую слегка колеблет ветер, играя листвою. Некоторое сходство внешних признаков, их словесного выражения помогает острее воспринять внутреннюю контрастность образов.

Анализ стихотворения приводит к выводу, что всё оно, подчиняясь единому внутреннему замыслу, отличается симметричностью построения. Перекликаются первая и последняя строки; второй и предпоследний стихи пятой строфы; симметрична внутренняя организация строф, которые в свою очередь стройно соотносятся между собой. Так возникает особая, пушкинская гармония, которая в таком чистом виде не повторилась больше ни у кого из поэтов.

А. Д. ЖИЖИНА
Рисунок Ю. Космынина



СЛОВО
И
КУРСИВ
В
«ПРЕСТУПЛЕНИИ
И
НАКАЗАНИИ»



В художественном тексте слово часто получает дополнительные (эмоционально-стилистические), а иногда и новые значения. Один из способов такого расширения многозначности слов у Достоевского — графическое выделение их курсивом. В «Преступлении и наказании» эта интересная особенность языка писателя выразилась во всей полноте и универсальности.

У Достоевского есть своя система, которая исключает выделение курсивом «случайных» слов, «случайных» предложений. Выделяются только опорные, ключевые слова, своего рода смысловые стяжения в тексте, — именно те слова, которые обязательно должны прочно войти в сознание.

Уже с первых страниц романа читатель оказывается в необычной языковой ситуации «Преступления и наказания», в которой выделенное курсивом слово играет важную, но для читателя пока загадочную роль. Что значат слова *это, проба, дело, тогда?* Их смысл неясен, текст романа сколько-нибудь определенного значения еще им не дает, они — тайна, но внимание читателя уже сосредоточено на том, что становится в романе формой «уяснения» происходящего.

Прежде всего следует отметить, что курсив создает в романе условную систему понятий. Обычно это слова, лишенные определенных «именных» и предметных значений или меняющие свое

исконное значение в данном контексте. Так, в начале романа Раскольников решился на *это*; вынашивая идею убийства, дважды ходил на «*пробу* своему предприятию» (по объяснению Достоевского, *проба* — «визит с намерением окончательно осмотреть место»). Для исполнения *дела* был приготовлен «заклад». Муки больной совести настолько невыносимы для Раскольникова, что каторга для него — «*покой*», «*свобода*».

Среди этих условных понятий больше таких, которые следовало бы назвать понятиями-табу (понятия, связанные с местом, временем и обстоятельствами убийства старухи-чиновницы и Лизаветы).

Когда-то, на стадии мифологического мышления человечества, табу рождал ужас и страх. Ужас перед задуманным и содеянным заставляет Раскольникова инстинктивно ограждать свое сознание от слов, которые ему и выговорить страшно: *убийство, убийца, грабеж*... Вместо этих «неэстетичных» слов — слова «благозвучные» (эвфемизмы): *это, то, дело, то дело; тогда* («после того, как убью»), *после того, вчерашняя улица, с того вечера; тот дом, у того дома, там, у ней* (у старухи), *сюда* (в квартиру старухи); *те деньги*.

Место, время и обстоятельства убийства — табу не только для Раскольникова, но и для всех героев романа. В том числе и для автора. Проникая в подсознание читателя и вызывая то же охранительное чувство, слово в романе как бы напоминает читателю о нравственном законе, право нарушить который никому не дано. «Есть один закон — закон нравственный», — этот взгляд автора на преступление и наказание, заявленный им в подготовительных материалах, выражен в стиле романа.

Близки к понятиям-табу понятия «символизованные», намекающие читателю на некие устойчивые связи между ними — сверх обычного лексического значения слова. Почти у каждого из героев романа есть свои «оппозиции»: *он, она, они, та, те...*; *там и здесь; тогда, вдруг, теперь*... Эти «символизованные» понятия либо раскрывают особые отношения в системе образов героев, либо становятся пространственно-временными выражениями коллизий произведения.

Фиксирует курсив и развитие сюжета в романе. Слова «*проба*» и «*дело*» (в значении убийство — не только условные понятия, но и элементы развития сюжета. В письме Пульхерии Александровны курсивом выделены всего два слова: «уже *навверно* решено, что...» и «*до свидания*». В этом случае курсив — предварение новой сюжетной линии: о переезде в Петербург речь идет как об окончательно решенном деле.

Развитие сюжета в романе во многом обусловлено эволюцией самосознания Раскольникова. Курсив отмечает наиболее суще-

венные черты этого сложного и противоречивого процесса. Так, до преступления выделенные курсивом понятия-табу, внутренний спор его — «подлец или не *подлец* человек», проникновенно-горестный анализ письма матери, постоянные проявления и изъявления внутренней работы («он *предчувствовал*», ему необходимо «самому во всем *убедиться*» и т. д.) — эти, казалось бы, «по случаю» возникшие мысли и состояния Раскольникова передают поглощенность его сознания «ужасным, диким и фантастическим вопросом». Эта доминанта самосознания Раскольникова — его идея. И хотя «праразрешенных пунктов и сомнений оставалась еще целая бездна» — идея недодумана, но на Сенной Раскольников узнает то, что предопределило его судьбу: «старуха, ровно в семь часов вечера, *остается дома одна*». Разрушенная преступлением прежняя система мышления героя перестает существовать как дисгармоничное целое. Уже на следующий после преступления день Раскольников сознает, что «*не хочет так жить*». Это состояние — мотивировка поступков героя в последующие дни: «обрадовался *делу, как выходу*» (на этот раз «дело» — поиски выхода). Раскольников напряженно испытывает все и всех вокруг, прежде чем определиться в окончательном выборе.

М. М. Бахтин удачно назвал идею у Достоевского «живым событием, разыгрывающимся в точке диалогической встречи двух или нескольких сознаний». Сущность идеи Раскольникова, ее содержание, раскрывается в спорах Раскольникова с Порфирием Петровичем, Разумихиным, Соней, Дуняшей, Свидригайловым и, наконец, с самим собой. Но то обстоятельство, что предметом анализа идея становится лишь на третий день после преступления, меняет характер изображения ее в этих частях романа. Курсив отмечает появление новых интонаций в речах Раскольникова: горечь поражения, сомнение в истинности своей идеи. За его словами уже не позиция, не свое мироотношение, а поза — подчас саморазоблачительная: «*устранить* этих десять или сто человек», люди «разделяются *вообще* на два разряда», «озлился», «я захотел *осмелиться* и убил», «не вошь человек *для меня*»; «тварь ли я дрожащая или *право* имею»; «я только *попробовать* сходил»; «настоящий *властелин... забывает* армию в Египте, *тратит* полмиллиона людей в московском походе» — ему «*все разрешается*»; «повинуйся, дрожащая тварь, и — *не желай*»; «они *правы*».

Выделяет курсив «новое слово» в идее Раскольникова — его теорию. Дело в том, что нельзя отождествлять теорию и идею Раскольникова. В отличие от сложной и дисгармоничной идеи, теория Раскольникова последовательна и проста. «Новое слово» (то, что «оригинально» в идее, что «действительно принадлежит одному» ему) — это «разрешение крови *по совести*». В теории Рас-

Кольникова совмещаются воедино преступление и совесть, Раскольникову не «все позволено», а лишь то, на что есть позволение «совести». Это подтверждает автор, выделяя ключевые положения этой теории курсивом.

В сцене первого визита Раскольникова к Соне (вторая их встреча) курсив превращает цитату из евангелия в сюжетную метафору, создавая в романе многозначительный подтекст. Это не только Христос, но и Соня говорит Раскольникову: «Я *есть* *воскрешение и жизнь*»; не зная и не догадываясь еще о преступлении Раскольникова, Соня «энергично ударила на слово: *четыре*»: «ибо *четыре* дни, как он во гробе» (и четыре дня, как убил и преступлением умертвил свою душу Раскольников). В цитате возникает второе, переносное значение — текст о воскрешении Лазаря дан не сам по себе, а по отношению к судьбам Сони и Раскольникова.

В сцене второго «допроса» Раскольникова курсив передает характер психологического изобличения преступника Порфирием Петровичем.

Подчеркивает курсив и логику развития той или иной художественной ситуации романа. Так, обращаясь к Разумихину, Раскольников многозначительно говорит: «Оставь меня, а их... *не оставь*». После скандала на поминках Раскольников «*почувствовал*», когда спешил к Соне, что «*должен был* объявить ей, кто убил Лизавету». В конце шестой части Раскольников «*идет*» (явка в полицейскую контору с повинной).

Предваряет курсив и будущее развитие сюжета. Раскольников уверен, что Свидригайлов имеет «замыслы против Дуни»: «Почти наверное можно сказать, что *да*»; после разговора со Свидригайловым он «заклучил *положительно*» об этом. Свидригайлов обманул бдительность Раскольникова, но для читателя такой поворот сюжета уже внутренне оправдан, художественно мотивирован, поэтому он ждет его.

Иногда выделенное курсивом слово — единственная «точка опоры» для неожиданного поворота сюжета. В сцене лужинской интриги против Сони Мармеладовой, Лебезятников торжественно благодарит: «Я все слышал и всё видел...». Смысл того, что «*видел*» Лебезятников, разъяснится через двадцать восемь страниц в сцене заступничества Лебезятникова за Соню и разоблачения подлой проделки Лужина.

В этих случаях курсив — своеобразная мотивировка тех или иных художественных решений.

Для всех убийца — «он». Но трижды табу в романе нарушено. Первый раз мещанином, «человеком *из-под земли*», который «как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества» проговорил Раскольникову. «*Ты убивец*». Второй раз — Порфирием Петровичем.



Иллюстрация к роману Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Раскольников. Художник Д. Шмаринов

чем во время их третьей беседы: «да *вы* убили, Родион Романыч!» Третий раз — самим Раскольниковым: «*Это я убил тогда старуху-чиновницу и сестру ее Лизавету топором, и ограбил*». И каждый раз это нарушение табу (вместо *он* — *ты, вы, я*) — кульминация, событие в романе.

Отмечает курсив параллелизм однотипных ситуаций в сюжете романа: в предопределении судеб Сони и Дуняши (*чистоту наблюдать*), Раскольникова и Сони («*ты загубила жизнь... свою (это все равно!)*», «*останешься одна, сойдешь с ума, как и я*»).

Передаются курсивом и нюансы психологических состояний героя. Это один из распространенных случаев выделения слов курсивом. Раскольникову «хотелось остаться *наедине* с этим письмом». После преступления курсив передает напряжение и психо-

логическую подоплеку «наказания» Раскольникова, когда «нервы раздражаются, волнение усиливается». Интересна психологическая окраска курсива в эпилоге романа после окончательного освобождения Раскольникова от призрака своей идеи, когда у героя возникает духовный энтузиазм — восторженное предвосхищение «воскрешения из мертвых», порыв в новую жизнь: «Да и что такое эти все, *все* муки прошлого!»; «Семь лет, *только* семь лет!».

Используется курсив как один из способов создания образа. Достигается это иногда выделением эпитета в словосочетании: «*невежливая* язвительность Порфирия», «*ненасытимое* страдание» в чертах лица Сони, «*детская* улыбка» Сони и Лизаветы, «*подмигивающее*, веселое плутовство» Свидригайлова, приоткрывающего свою игру Раскольникову; иногда — выделением курсивом слов, характеризующих героев. Так, в характерах Дуняши и Пульхерии Александровны подчеркивается их моральная щепетильность. Дуняша: «если Родя вас действительно оскорбил, то он *должен* и *будет* просить у вас извинения»; «*всю* мою жизнь» — «*мало* цены?» (ср. у Раскольникова: «А выдержит *эта* или не выдержит?... Нет, не выдержит; *этаким* не выдержать!»). Пульхерия Александровна: «доказательство... то, что мы *здесь*». В образе Катерины Ивановны курсив передает трагический надрыв героини: «*гордость* *бедных*», Катерину Ивановну можно было «убить обстоятельствами, но *забить* ее нравственно... нельзя было»; «*яростно* стала желать и требовать, чтобы все жили в мире и радости и *не смели* жить иначе»; «*чуть* не вслух, *прошептала* Раскольникову...».

Фиксирует курсив множественность точек зрения на предмет, что само по себе уже создает образ — характер в обстоятельствах.¹ Для Раскольникова Соня — «она», он «ее» и на диван не может посадить, «вспомнив, что этот диван был слишком *фамильярное* место и служит ему постелью». Уничижительно мнение Сони о себе: «вдруг показалось ужасно неприличным, особенно *ей*, глядеть на чужие деньги». Пульхерия Александровна неодобрительна и ревнива к Соне («*своей*», «*своя-то*»). Для двух приезжих дам, соседок Мармеладовых, Соня — «*эта* *девица*». Для Лужина Соня — «юное и в некотором смысле *интересное* существо».

Передает курсив и жест в слове другого персонажа. Соня рассказывает о просьбе Катерины Ивановны: «...*пожалуйста*». *Пожалуйста* попросила, и уж так ей хотелось». Выявляет важнейшие семантические отношения в системе образов романа. Для Разумихина Раскольников — «*приятель*». С Порфирием Петровичем Разумихин собирается поговорить «*по-родственному*» (они на самом деле родственники, но здесь еще и «с пристрастием»). По мнению Порфирия Петровича, Разумихин мешает дознанию: «он *добрый* человек для этого». Содержательницу «благород-

ного дома» Луизу Ивановну поручик Порох третирует в полицейской конторе: «почтеннейшая *Лавиза* Ивановна» (намек на ее «профессию»). Отмечена курсивом смена «вы» на «ты» в отношении Дуняши к Свидригайлову (правда, парадокс этой ситуации в том, что это не сближение, а бесконечное отдаление Дуни от Свидригайлова).

Создает курсив устойчивую систему оппозиций идее Раскольникова. Явь задуманного настолько гадка Раскольникову, что тут же после «пробы» и «безобразного сна» он отрекается (тщетно, правда) от идеи: «ведь меня от одной мысли *наяву* стошнило и в ужас бросило...». Студент в трактире не собирается убивать старуху «сам» — Раскольников собрался и убил. Не случайна в общей концепции романа (концепции преступления и наказания) апология жизни в споре Разумихина с «новейшими теоретическими веяниями»: «живым путем», «живого процесса» «живой души». Торжество ее — в эпилоге: «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое».

Таковы основные функции курсива в романе «Преступление и наказание». Но композиционное мышление Достоевского никогда не было схематичным. Слово Достоевского — всегда живое слово. Вот, к примеру, использование курсива в одной сцене — в сцене первой встречи Раскольникова с Порфирием Петровичем: понятия-табу, иронический перенос слов из одних уст в другие; слова Разумихина с апологией жизни, создающие оппозицию раскольниковской идее; слова, подчеркивающие позу («устранить», «вообще»), а затем выделяющие и сущность идеи Раскольникова — его «новое слово», теорию; художественно эффектен психологический анализ, отмеченный курсивом: внешне Раскольников уверен в себе, более того — самоуверен, курсив же раскрывает психологическую «подкладку» этой маски — унижительный страх и лихорадочную работу мысли.

Осознание закономерностей в выделении писателем слов курсивом — ключ к верному пониманию не только смысла прочитанного текста, но и творчества Достоевского в целом.

В. Н. ЗАХАРОВ

ПОЧЕМУ БРАТЬЕВ КАРАМА- ЗОВЫХ БЫЛО ТРОЕ?



— Я поздно... Одиннадцать часов есть? — спросил он, все еще не подымая на нее глаз.

— Есть, — пробормотала Соня.

Ф. М. Достоевский.
Преступление и наказание

Всю жизнь Достоевский жаловался на то, что он работает в страшной спешке, подгоняемый долгами и кредиторами, сетовал, что из-за этого не может создать истинно художественное произведение. Писатель не понимал, что он уже творец художественных шедевров, не понимал, что если бы у него была возможность работать спокойно, он все равно бы спешил, ибо в этом и состоял его стиль работы, когда преодолеваются пространство и время, будто «времени больше не будет».

Но парадоксальный факт: как бы быстро ни писал Достоевский, в его произведениях нет ничего случайного, даже незначительные, на первый взгляд, детали у него глубоко оправданны. Проследим это хотя бы на примере употребления им чисел.

В романе «Идиот»: «...князь понял, наконец, почему он холодел каждый раз, когда прикасался к этим трем письмам», три дочери генерала Епанчина, три целковых, за которые Ганя «доползет на Васильевский».

Роман «Бесы» состоит из грех частей, на месте убийства Шатова три пруда, причем его убийца Верховенский не случайно носит имя апостола Петра, трижды отрекшегося от своего учителя.

«Подросток» тоже состоит из трех частей, события в каждой из них происходят в течение трёх дней, три часа дня — роковое время для героя «Подростка» — Аркадия Долгорукова; «именя»

третьего ноября» решил застрелиться смешной человек в рассказе Достоевского «Сон смешного человека».

Наконец, в романе «Братья Карамазовы» — три брата, три главы «исповеди» Мити, три главы о «надрывах», три главы о «хождении души по мытарствам», три «свидания» Ивана со Смердяковым, три главы в эпилоге романа.

А вот менее заметные, на первый взгляд, случаи употребления числа «три» в этом произведении: «Алексей Федорович Карамазов был третьим сыном помещика нашего уезда Федора Павловича Карамазова»; «у него было три сына»; «трехлетнего мальчика Митю взял на своё попечение верный слуга этого дома Григорий»; «Ровно три месяца по смерти Софьи Ивановны генеральша вдруг явилась в наш город лично»; три тысячи берёт Митя у Катерины Ивановны, три тысячи он хотел бы получить от отца; три тысячи Федор Павлович припрятал для Грушеньки, три тысячи Алеша, Катерина Ивановна и Иван (их тоже трое) платят адвокату.

Употребляя так настойчиво число *три*, Достоевский воскрешает сказочный фольклорный элемент: три дороги, три встречи, три сына. В «Братьях Карамазовых» речь идет о трех братьях — трех сыновьях. Как и в обычной сказке, где младший брат оказывается самым умным, так и у Достоевского Алёша Карамазов умнее своих братьев, ибо он обладает «высшим», «главным» — «сердечным» умом (недаром Лев Николаевич Мышкин в романе «Идиот» любил говорить, что у человека два ума — «главный» и «неглавный»).

Многие числа, часто употребляемые в фольклоре, были в свое время усвоены христианской литературой.

Соединяя в употреблении чисел фольклорные и христианские начала и придавая им символическое значение, Достоевский следовал глубоко укоренившимся традициям. Роман «Братья Карамазовы» состоит из 12 книг, четырех частей (по числу евангелий), а каждая часть включает три книги. В эпилоге 12 мальчиков слушают Алёшу Карамазова около большого камня, как 12 апостолов слушают нагорную проповедь Христа. На знаменитом празднике у губернатора в «Бесах» двенадцать «молодых людей с бантом были распорядителями».

Но особенно поразительна символика чисел в «Преступлении и наказании» — романе, задуманном писателем ещё на каторге, когда он все четыре года читал единственную книгу, разрешенную для чтения на каторге — евангелие, подаренное Достоевскому в Тобольске женами декабристов. Этот экземпляр евангелия писатель хранил до конца своей жизни. В настоящее время его можно увидеть в отделе редких книг Государственной Библиотеки СССР

им. В. И. Ленина. Отдельные пометы свидетельствуют о том, что Достоевский выделял и евангельские числа.

Так, Марфа Петровна оставила Дуне три тысячи рублей по завещанию; Соня вынесла Мармеладову на похмелье свои последние тридцать копеек, и он не мог в эту позорную для него минуту не ощутить себя Иудой; Марфа Петровна выкупила Свидригайлова за тридцать тысяч сребреников; Катерина Ивановна оказалась Раскольникову лет тридцати; Свидригайлов хотел предложить Дуне «тысяч до тридцати». Месяца за полтора до «пробы» Раскольников решил отправиться к старухе, чтобы заложить «маленькое золотое колечко с тремя какими-то красненькими камешками», придя к старухе, Раскольников три раза позвонил в колокольчик, три раза ударил её топором. «Три встречи» Раскольникова с Порфирием Петровичем конденсируют философское содержание романа. На третий день после убийства «объявляется вдруг самый неожиданный факт», в трёх шагах стреляет Дуня, три билета вручает Соне Свидригайлов, три часа дожидается Разумихин, когда Раскольников проснётся, «три раза приходила» Марфа Петровна к Свидригайлову, у Сони три дороги, думает Раскольников, когда она стояла в трёх шагах от стола, о трёх тысячах рассуждает Свидригайлов, у Сони «большая комната с тремя окнами», во дворе старухи «служили три или четыре дворника».

Фольклорно-евангельское число 4 тоже играет важную роль в романе. Соня посылает Раскольникова покаяться и поклониться «всему свету на все четыре стороны», в сцене чтения притчи о Лазаре Соня «сурово прошептала: „Не там смотрите... в четвертом евангелии“. «Сестра умершего Марфа говорит ему: „Господи! уже смердит: ибо четыре дни, как он во гробе“. Она энергично ударила на слово: четыре». Мармеладов и старуха-процентщица жили на четвертом этаже, полицейская контора помещалась тоже на четвертом этаже, лишь на четвертый день пришел в себя Раскольников.

Но наиболее устойчивым символическим числом в «Преступлении и наказании» является число *семь*. Сам роман семичленен (шесть частей и эпилог), первые две части состоят из семи глав каждая, роковое время для Раскольникова — 7 часов вечера. Цифра 7 буквально преследует Раскольникова: «Приходите-тко завтра, часу в семом-с»; «В семом часу, завтра»; «Он узнал, он вдруг, внезапно и совершенно неожиданно узнал, что завтра, ровно в семь часов вечера, Лизаветы, старухиной сестры и единственной её сожительницы, дома не будет и что, стало быть, старуха, ровно в семь часов вечера, *останется дома одна*». «Только что он достал заклад, как вдруг где-то на дворе раздался чей-то крик: — Семой час давно!».



Иллюстрация к роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Семейка. Художник В. Минаев

Но цифра 7 здесь совсем неслучайна. Еще у пифагорейцев это число было символом святости, здоровья и разума. Вслед за ними и теологи так же трактовали символику библейского числа 7, называя его «истинно святым числом», как соединение числа 3 — божественного совершенства и 4 — мирового порядка; следовательно, говорят теологи, число 7 является символом союза бога с человеком, или общения между богом и его творением.

Знакомый и с библией, и с трудами современных ему теологов, Достоевский сознательно приурочивает преступление Раскольникова к 7 часам. Идя на убийство старухи-процентщицы в 7 часов, Раскольников тем самым уже был заранее обречён на поражение, так как, согласно замыслу Достоевского, хотел «разорвать» этот «союз» бога с человеком.

Вот почему, чтобы снова восстановить этот «союз», чтобы снова стать человеком, Раскольников должен еще раз «пройти» через это «истинно святое число». Поэтому в эпилоге романа снова возникает число 7, но уже не как символ гибели, а как спасение: «Им оставалось еще семь лет; а до тех пор столько нестерпимой муки и столько бесконечного счастья!.. Семь лет, только семь лет! В начале своего счастья, в иные мгновенья, они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней».

Двойник Раскольникова — Свидригайлов тоже прожил с Марфой Петровной семь лет, но для него они были не как семь дней счастья, а как семь лет каторги. Любопытно, что об этих годах, прожитых с Марфой Петровной, Свидригайлов настойчиво упоминает в романе: «Во все наши семь лет... Семь лет из деревни не выезжал...»

Можно отметить также семь детей портного Капернауова, у которого Соня нанимает комнату, семилетний голосок, певший «Хуторок», сон Раскольникова перед убийством, когда он представлял себя семилетним мальчиком, семьсот тридцать шагов от дома Раскольникова до дома старухи, семьдесят тысяч долга Свидригайлова.

Некоторые числа в «Преступлении и наказании» связаны непосредственно с евангельским текстом. «Был час одиннадцатый, когда он вышел на улицу», — отмечает Достоевский время ухода Раскольникова от Мармеладова. А вот время прихода Раскольникова к Соне:

«— Я поздно... Одиннадцать часов есть? — спросил он, всё ещё не подымая на неё глаз.

— Есть, — пробормотала Соня. — Ах да, есть! — заторопилась она вдруг, как будто в этом был для неё весь исход, — сейчас у хозяев пробили.. и я сама слышала... Есть».

После посещения Сони, «на другое утро, ровно в одиннадцать часов, Раскольников вошел в дом N-й части, в отделение пристава следственных дел, и попросил доложить о себе Порфирию Петровичу». В последовавшем затем разговоре Порфирия Петровича с Раскольниковым следователь говорит о том, что мог бы «огоршить» подозреваемого вопросом: «А что, дескать, сударь, изволили вы в квартире убитой делать в десять часов вечера, да чуть ли ещё и не в одиннадцать?»

Не случайно у Достоевского здесь и число 11. Писатель хорошо помнил евангельскую притчу о том, что «царство небесное подобно хозяину дома, который вышел рано поутру нанять работников в виноградник свой». Выходил он нанимать работников в третьем часу, в шестом, в девятом и, наконец, вышел в одиннадцать.

А вечером, при расплате, все работники одинаково получили по динарию. Управляющий, по распоряжению хозяина, заплатил всем поровну, начав с пришедших в одиннадцатом часу. И последние стали первыми во исполнение какой-то высшей справедливости.

Отнеся встречи Раскольникова с Мармеладовым, Соней и Порфирием Петровичем к 11 часам, Достоевский напоминает, что Раскольникову всё ещё не поздно сбросить с себя наваждение, ещё не поздно в этот евангельский час признаться и покаяться и стать из последнего, одиннадцатого,— первым.

«Огарок уже давно погасал в кривом подсвечнике, тускло освещая в этой нищенской комнате убийцу и блудницу, странно сошедшихся за чтением вечной книги»,— читаем мы в романе.

Ещё не всё потеряно для Раскольникова, пришедшего к Соле в одиннадцать часов, ещё не всё погасло в его душе.

Таким образом, употребление чисел у писателя не является случайным. И надо быть предельно внимательным при чтении Достоевского, обращая внимание буквально на всё, и на числа тоже, чтобы понять замысел его гениальных произведений.

С. В. БЕЛОВ
Ленинград

О ЯЗЫКЕ НАРОДНЫХ РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО



НЕКОТОРЫЕ современники Л. Н. Толстого называли его поздние произведения «замечательными художественными примитивами».

Действительно, народные рассказы и повести Толстого как бы «опрощаются»: незатейливой становится фабула, почти полностью отсутствует психологический анализ, исчезает пейзаж, описания достигают необычной для Толстого законности. И тем не менее художественный эффект поздних произведений несомненен.

Вероятно, секрет эстетического воздействия поздних произведений Толстого в большей степени, чем его ранних и зрелых произведений, заключается в самом языке.

Первое, что становится заметным при сравнении языка большой прозы Толстого с языком его поздних рассказов и повестей — это большее единообразие лексики, большая определенность и строгость в выборе языковых средств. Если в языке Толстого периода «Войны и мира», по словам В. В. Виноградова, «трудно даже заметить приоритет каких-либо грамматических категорий слов или пристрастие к определенным частям речи, вроде глагола, как в прозе Пушкина, или прилагательных и наречий, как у Тургенева, или имен существительных, как у Гончарова...», то в поздних произведениях Толстого преобладают существительные и глаголы, остается как бы очищенная предметно-глагольная основа речи.

Представление о стиле позднего Толстого могут дать следующие отрывки из повестей «Алеша Горшок» и «Корней Васильев».

«Алешка был меньшей брат. Прозвали его Горшком за то, что мать желала его снести горшок молока дьяконнице, а он споткнулся и разбил горшок. Мать побила его, а ребята стали дразнить его „Горшком“. Алеша Горшок — так и пошло ему прозвище».

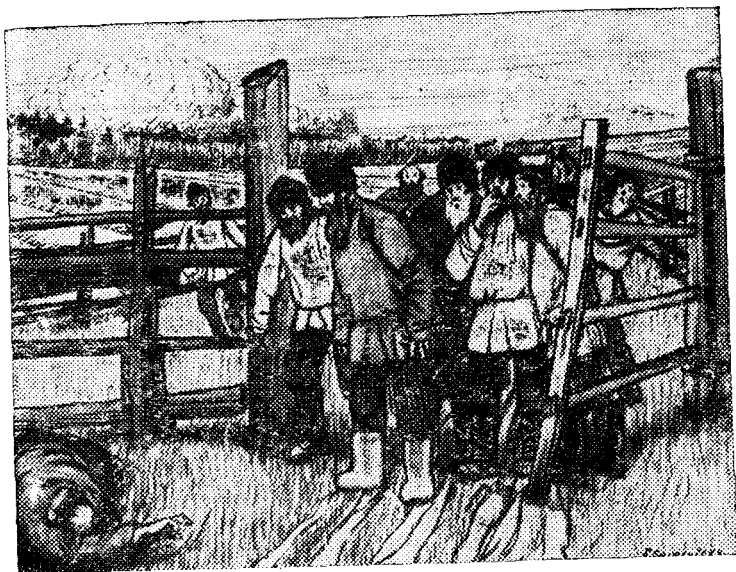
«Во всю эту ночь Марфа не могла заснуть и все думала о Корнее. Наутро она надела зипун, накрылась платком и пошла узнавать, где вчерашний старик. Очень скоро она узнала, что старик в Андреевке. Марфа взяла из плетня палку и пошла в Андреевку».

Лексика народных рассказов — главным образом, нейтральная, экспрессивно-неокрашенная — придает повествованию необычный для большой прозы Толстого предельно-неэмоциональный характер. Создается впечатление объективности сказанного, «неучастия» автора в ходе повествования.

«Толпа надвинулась. Петр Николаевич хотел уйти, но его не пускали. Он стал пробиваться. Ружье выстрелило и убило одного из крестьян. Сделалась крутая свалка, Петра Николаевича смяли. И через пять минут изуродованное тело его стащили в овраг».

Выбор глаголов у позднего Толстого нарочито однообразен. Как правило, предпочитают глаголы самые «примитивные», называющие жизненно-необходимые действия и состояния.

«Было утро. Погода была тихая, пасмурная, с легким морозцем»; «Алешка был меньшей брат»; «В селе, из которого был портной»; «На полдороге был постоялый двор» и т. д. Эти глаголы общеславянского периода, причем, в контексте толстовских произведений их отнесенность к древнейшему лексическому пласту становится художественно-значимой: именно эти глаголы создают как бы фон, канву повествования позднего Толстого и несут своеобразный экспрессивный оттенок — устойчивости, неизменности бытия, непрерывности потока жизни.



*Иллюстрация к рассказу
Л. Толстого «Свечка». Художник Б. Кустодиев*

Этот оттенок поддерживается еще одной особенностью лексики — частым употреблением слов с нестершейся, «прозрачной» внутренней формой, по своей стилистической окраске принадлежащих к сфере народно-разговорной, просторечной лексики. Например, слово *неладно* в значении (плохо), (нехорошо) (в рассказе «Чем люди живы», в контексте — «Ай, Сема, неладно») более выразительно по сравнению с литературными эквивалентами, благодаря нестершейся внутренней форме: «лад — мир, согласие, дружба, любовь, отсутствие вражды, порядок» (Словарь В. И. Даля).

Также ярки благодаря своей внутренней форме слова *водить* в значении (обманывать), *биться* в значении (мучиться), *убраться* в значении (управиться) и т. д.

К этой особенности лексики в народных рассказах могут быть отнесены слова А. А. Потебни о том, что «...исследование этимологически неясного слова приводит к открытию в нем представления, связующего это слово со значением предшествующего слова и так далее в недостижимую глубину веков...» (А. А. Потебня. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905).

Хотя народная лексика, употребляемая Толстым, и не требует специальных этимологических разысканий, но осязаемость в слове его внутренней формы углубляет его, создавая колорит исконно-русского, древнего.

Мир поздних произведений Толстого — устойчивый, как бы «вещный», прочно стоящий на своих исконных, издревле идущих нравственных основах. Слова в народных рассказах неизменно употребляются в своих прямых лексических значениях, точно указывая на те реалии, которые они обозначают. Для прозы позднего Толстого становится нехарактерным экспрессивно-индивидуальное словоупотребление, допускавшееся им в «Войне и мире», особенно часто в речи Наташи Ростовой, например, в ее знаменитом импрессионистском высказывании о Борисе Друбецком: «узкий, серый, светлый, как часы столовые». Подобное словоупотребление диктовалось определенной художественной задачей: «Выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам...» (Л. Н. Толстой. Дневник).

У позднего Толстого изменяется художественная задача и вместе с ней — отношение к слову. Вместо стремления к познанию и выражению жизни во всей ее сложности и многообразии, появляется тенденция к утверждению в художественном произведении уже познанной истины и вместе с этим к сужению круга изображаемых явлений жизни. «Если мне есть что сказать, то не стану описывать гостиную, закат солнца и тому подобное. Как забава, невредная для себя и для других — да. Я люблю эту забаву. Но прежде на это смотрел, как на что-то важное. Это кончилось» (Л. Н. Толстой. Письмо Наживину, 1906).

Вместе с описанием «гостиной и заката солнца» из ткани художественного произведения «изгоняются» и описания тончайших духовных движений как «неважного», и, следовательно, те сложные лексические формы, которые были приспособлены для их выражения. Слова же, употребляемые в своих прямых лексических значениях, (их семантическая однозначность) как бы символизируют устойчивость картины мира, определенность запечатленного в слове мироощущения.

Тот небольшой анализ лексики народных рассказов и повестей Толстого, который был проведен, еще раз подтверждает справедливость слов В. В. Виноградова о том, что представить себе языковое своеобразие позднего Толстого можно лишь «с изложением философии слова Толстого и в связи с изучением последовательных изменений в семантической системе его языка» (В. В. Виноградов. О языке Толстого).

Е. Н. КИНДЯКОВА



СИНЕЕ, ГОЛУБОЕ у С. Есенина

О любви С. Есенина к синему и голубому цвету писали многие исследователи творчества поэта. Эта особенность художественного почерка детально проанализирована в специальных работах. Можно считать, что сине-голубой цвет преобладает в его поэзии. Но несмотря на это у читателей не создается ощущения монотонности цветной гаммы, ее неуместности; напротив, мы чувствуем особую значительность некоторых цветовых характеристик.

Какими же художественными средствами создается такое навязчивое, собственно есенинское значение этих цветообозначений? Условно говоря, можно выделить три группы слов, с которыми сочетаются прилагательные *синий* и *голубой*: *глаза*, *вода*, *небо*. Естественно, что эти прилагательные передают наиболее обычные, устойчивые признаки предметов, обозначаемых названными существительными: «Я играю на тальяночке про *синие*

глаза) («Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»); «Только и было в нем, что волосы как ночь Да *глаза голубые, кроткие*» (Товарищ); «Не от ветра *море синее* кипит» («Не от холода рябиночка дрожит...»); «И смотреть, как над речкою режет *Воду синюю* солнца соха» («Хорошо под осеннюю свежесть...»); «*Синее небо*, цветная дуга, Тихо степные бегут берега...» («Синее небо, цветная дуга...»). Такая устойчивость выделения наиболее обычного признака объясняется тем, что для С. Есенина характерно использование приемов устного народного творчества. Но не только этим. Простые и естественные определения позволяют С. Есенину усложнять образное наполнение стихотворения, не нарушая ясности и кажущейся простоты его поэтического стиля.

Употребляя свойственный данному предмету цвет, С. Есенин метафорически преобразует существительное, заменяя его перифрастическим описанием. Обратимся к примерам: «Что ж ты смотришь так *синими брызгами?*» («Сыпь, гармоника. Скука... Скука...»); «Не с того ли глаза мне точит, Слово *синие* листья червь?» («Я усталым таким еще не был...»); «Пой и шуми, Волга! В *синие* ясли твои опрокинет она Младенца» (Сельский часослов); «В неколебимой синеве, Ягнечок кудрявый – месяц Гуляет в *голубой траве*» («За темной прядью перелесиц...»); «Там с утра над церковными главами *Голубеет небесный песок*» («За горами, за желтыми долами...»); «Месяц рогом облако бодает, В *голубой* купается *пыли*» («Месяц рогом облако бодает...»). Здесь слова, обозначающие цвет, употреблены в прямом значении, а соответствующее существительное – в метафорическом, переносном: *голубая пыль* – это ведь о *голубом небе*. Казалось бы, в подобных употреблениях ощущение привычности цвета должно сохраняться. Однако этого не происходит, потому что поэт расширяет круг предметов, которые употребляются со словами *синий* или *голубой* – *пыль, трава, песок, листья*. Так в образных сочетаниях вырабатывается собственно есенинское ощущение цвета.

В приведенных примерах были названы сочетания, в которых смысловые изменения затрагивали только существительные, а прилагательные сохраняли основное цветовое значение. Теперь рассмотрим употребления, когда изменение смысла происходит в прилагательном, то есть обратимся к анализу индивидуально-есенинских метафор цветообозначения. Постараемся и в данном случае показать постепенное формирование в творчестве поэта индивидуальных цветовых метафор, которые на фоне других цветообозначений воспринимаются как вполне понятные и реальные.

В поэзии С. Есенина прилагательные *синий* и *голубой* (и другие слова, обозначающие цвет) часто соотносятся с такими существительными, которые служат для названия обширных участ-

ков земли — *поле, степь, пастбище*: «Опять передо мною голубое поле...» (Голубень); «На тропу голубого поля Скоро выйдет железный гость» («Я последний поэт деревни...»); «Мне бы в ночь в голубой степи Где-нибудь с кистенем стоять» (Хулиган); «Там в полях, за синей гущей лога, В зелени озер...» («В том краю, где желтая крапива...»); «Защищать эти пастбища синие...» (Пугачев). Цветовая характеристика здесь переходит в описание далей, смыкающихся с линией горизонта и сливающихся в единую цветовую гамму с воздухом, небом.

К таким употреблением очень близки цветовые характеристики атмосферы, воздуха в какое-то определенное время: «Синий сумрак над ширью равнин» (Пугачев); «И тебе в вечернем синем мраке...» (Письмо матери); «Синий, звенящий День...» (Поэма о 36). Это обычные (или почти обычные) употребления прилагательных. Но С. Есенин не останавливается только на таких сочетаниях; он включает в них и такие существительные, которые образуют с данными прилагательными необычные сочетания: «Весенний вечер. Синий час» (Цветы); «Вечером синим, вечером лунным Был я когда-то красивым и юным... Сердце остыло, и выцвели очи... *Синее счастье!* Лунные ночи!» («Вечером синим, вечером лунным...»).

Некоторые исследователи сочетание *синее счастье* связывают с образом синей птицы — символом счастья. Но такое предположение можно рассматривать как дополнительную, находящуюся за пределами собственно есенинских текстов трактовку этого образа. Это словосочетание, конечно, обозначает не только определенный период, в нем соединены и ощущение цвета светлой (лунной) ночи и эмоциональной приподнятости, связанной с данной цветовой характеристикой. Приведем еще один пример:

Я помню, ты мне говорила:
«Пройдут голубые года,
И ты позабудешь, мой милый,
С другою меня навсегда.»
«Я помню, любимая, помню...»

Такие метафоры в творчестве С. Есенина (и это важно подчеркнуть) вбирают в себя многие черты индивидуального стиля поэта. Они выступают как закономерное, естественное продолжение цветовой гаммы, характерной для его творчества; они связаны с ощущением реального цвета, наполнявшего любимые поэтом рязанские просторы. В подтверждение этой мысли обратим внимание еще на одну цветовую метафору С. Есенина: «*Май мой синий! Июнь голубой!*» («Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»). В основе такого обозначения лежат реальные цвета — более яркие,

сочные (синие тона весеннего неба, реки, степных далей) и менее яркие (цвета летнего месяца июня). Но объединение в одно сочетание конкретного цветового эпитета и названия временного отрезка создает ощущение необычности, неожиданности данного употребления. Так рождается метафора.

Образование индивидуальных метафор цветообозначения, например *синее счастье*, можно условно представить схематически: *синий сумрак* → *синий свет* → *синий вечер* → *синий час* → *ощущение счастья* этот период → *синее счастье*. Разумеется, это весьма упрощенная схема, иллюстрирующая, как формируется новое, метафорическое значение прилагательного, теперь уже соотносимого не столько с синим цветом, сколько с положительной эмоциональной характеристикой предмета. Сравните: *синий вечер* → → *синий счастливый вечер* → *синее счастье*. Наряду со сквозными образами (так многие ученые называют характерные для всего творчества поэта образы березы, клена, черемухи и др.) рассмотренные художественные приемы создают контекст творчества, общий устойчивый фон, формирующий чисто есенинское видение мира, его индивидуальный стиль.

Для сравнения разных творческих манер обратимся к стихотворению В. Луговского «Синяя весна»

А *синий, синий* ветер
ложится на откосы.
Миром овладела
синяя весна.
Родина, ты вся в пути —
Россия, Украина —
В этой пограничной,
безграничной тишине.
Реки твои *синие*,
синие долины
В глуховской и брянской
дремучей стороне.

Даже из этого отрывка, содержащего некоторые употребления прилагательного *синий*, видно, как В. Луговской формирует определение, ставшее не только метафорой, обозначающей цветное видение весны, но и авторским символом, связанным с представлением о яркости, неповторимости Весны Страны Советов. Индивидуальная символика цвета у В. Луговского сосредоточена в одном стихотворении (давшем название циклу стихов), у С. Есенина — свойственна всему творчеству. Поэтому, казалось бы, даже обычные цветовые характеристики приобретают в контексте творчества Есенина четкое художественное значение: «Ой ты, *синяя*

сирень, Голубой палисад!) (Песнь о великом походе). Или: *«Голубая кофта. Синие глаза»* («Голубая кофта. Синие глаза...»). Или: *«Да, мне нравилась девушка в белом, Но теперь я люблю в голубом»* (Сукин сын).

Мы рассмотрели три способа (из четырех возможных) использования сочетаний прилагательного, обозначающего цвет, с существительным: 1) нормативные, обычные сочетания — *синие глаза, синее небо*; 2) в сочетаниях изменено значение существительного при неизменном значении прилагательного: перифразы типа *голубая пыль* (о небе); 3) смысловые изменения затрагивают прилагательные при нормативном значении существительного — *синее счастье, голубые года*. Все эти типы сочетаний широко используются в творчестве поэта. Остается только один способ, теоретически возможный, но для творчества С. Есенина неприемлемый, так как он связан с отходом от реалистического принципа описания. Это способ, при котором смысловое изменение затрагивает и существительное и прилагательное.

Любовь С. Есенина к краскам родного края находит в его творчестве более разнообразное, чем было описано, воплощение. Так, поэт несколько раз употребляет существительное со значением цвета — *голубень*. Таким существительным в рязанских говорах (как можно судить по данным «Словаря современного русского народного говора». М., 1969) свойственно значение интенсивности, предельности проявления качества или признака (см. в этом словаре: *сластовень, хоховень, стуковень* и др.). Слово *голубень* вынесено в заглавие стихотворения, а в самом тексте его нет; оно при чтении сразу понимается как обобщенное обозначение любимого поэтом цвета, потому что такое восприятие подкреплено всем контекстом творчества С. Есенина. Однако другое слово той же словообразовательной модели *громовень*: «Громовень подняли волки...» (Егорий) обычно остается незамеченным, потому что не является центральным в образной системе поэта.

Таким образом, контекст всего творчества Есенина создает и поддерживает особое ощущение гаммы сине-голубых тонов. При этом следует подчеркнуть, что в конкретных текстах поэта данные прилагательные, как правило, употребляются не чаще одного-двух раз, а ощущение органической и в то же время ненавязчивой связи их с поэтическим миром С. Есенина остается. Значит, дело не только в количестве употреблений, а и в том, какое место они занимают в художественной системе поэта.

Е. А. НЕКРАСОВА
Рисунок В. Толстоногова

Во фразеологическом фонде любого языка особое место занимают образы, взятые человеком из животного мира. Названия животных стали своеобразным метафорическим мерилом окружающей нас действительности. Рассматривая растения, человек давал им «животные» характеристики: *львиный зев*, *собачья петрушка*, *медвежья* и *заячья ушки*, *мышинный хвост* или *волчьи ягоды*. Создавая необходимые инструменты и бытовые предметы, он брал «напрокат» метафоры из животного мира: устройство для вытаскивания воды из колодца назвал *журавлем*, небольшой выступ на стволе ружья для прицела —

мушкой, резное деревянное украшение крыши — *коньком*.

«Животной» меркой человек измерял не только окружающие его предметы, но и своих собратьев. *Волк (бирюк)* стал символом злого, нечелюдного человека, *заяц* — труса или безбилетного пассажира, *медведь* — неуклюжего добряка. Эти символы входят в наше сознание с детства, со сказками и баснями, они делают наш язык ярким и выразительным. Повторяя привычные, стершиеся от частого употребления «животные» метафоры, мы порой и не догадываемся, какая седая древность стоит за ними.

В древних мифах и сказках



ГУСЯ
ВОДА

В живой русской речи бытует немало пословиц, поговорок и загадок о гусе. Гусь криклив, раздражитель и заносчив: *Гусь да баба — торг, два гуся, две бабы — ярмарка*; *Гусей дразнить* — раздражать кого-либо без надобности; *Напал, как гусь на мякину*; *Друзей, как гусей около мякины*; *Гусь свинье не товарищ*; *Летит гусь на святую Русь* (о Наполеоне); *И большому гусю не высидеть теленка*; *Одним гусем поля не вытопчешь*. Известна также эта птица и своими забюкими красными лапками (*Спросили бы у гуся, не забюкли ли ноги; гусиные лапки* — покрасневшие от мороза ноги) или *гусиной кожей*, которая у человека появляется от озноба или от страха. В русской и славян-

животные выступают помощниками или врагами человека, являются добрыми или злыми богами. Здесь «животная» метафора — это не просто яркий выразительный образ, но — прежде всего — религиозный культ.

У славян-язычников самыми влиятельными божествами были *птица, конь, бык, корова, змея и волк*. С этими животными были связаны многие языческие обряды и ритуалы, не исчезнувшие и после принятия христианства. Так, в белорусских и польских деревнях до недавнего времени еще сохранялся обычай «приглашать волка» в рождественский сочельник. Хозяин дома перед праздничным ужином подхо-

дил к хлеву, открывал дверь и зывал «серого гостя» словами: «Приди, волк, и поешь хорошо раз в год, это мы тебе дарим. Если сегодня не придешь, не приходи к нам и целый год!». До сих пор на рождество у многих народов Европы из дома в дом ходят «ряженые» в масках животных — чаще всего коня, медведя, козы, ворона, аиста. За этими «маскарадами», ритуальное значение которых затерялось в глубине веков, стоит почитание каких-то языческих божеств.

Подобные обычаи и обряды откладывались в языковую копилку многих народов, становились основой пословиц и поговорок.

ской фразеологии отражена и такая черта гуся, как походка — хождение *гуськом* или (народное) *гусем*. *Гусями* в русских говорах называют цыпки на ногах, а *Гусиной дорогой* — Млечный путь, по направлению которого дикие гуси улетают осенью.

Наиболее точное представление о внешности гуся, пожалуй, дано в загадках: «Красные лапки, длинная шея, Щиплет за пятки, беги без оглядки»; «На одной ноге стоит, рожком воду пьет»: «Белый, как снег, Надутый, как мех, Лопатами ходит, а рогами ест»; «Белы хоромы, красны подпоры».

Основная черта характера русского гуся, судя по пословицам и поговоркам, — хитрость, изворотливость и «непрошибаемость». Это особенно примечательно на фоне фразеологии других славянских языков, где гусь и гусыня являются прежде всего символами глупости. Вспомним хотя бы, что гоголевский Иван Никифорович именно потому назвал Ивана Ивановича *гусаком*, что по-украински — это метафора со значением «дурак, глупец». Правда, и в русской литературе можно найти сравнения, где гусь является мерилем глупости: например, в рассказе Чехова «Скверная история» юноша «со страстными грузинскими глазами» Ногтев — «малый добрый, но глупый, как гусь». О гусиной глупости напоминает и диалектное выражение *гусиная память* — такая же плохая, как куриная. И все же ассоциация гуся с глупостью в русском языке второстепенна. На первое место выступает именно хитрость и изворотливость: *гусь*

лапчатый! хорош гусь! каков гусь! ну и гусь! — обычные неодобрительные и иронические характеристики пронырливых обманщиков и проходимцев.

Закрепление в русском языке именно таких ассоциаций во многом связано с историей фразеологизма *как с гуся вода*, употребляющимся обычно по отношению к людям, которым все нипочем: «Ведь вот что досадно: Вышел себе — ему и горя мало, с него все это так, как с гуся вода...» (Гоголь. Женитьба).

Выражение *как с гуся вода* принято считать частью русского знахарского заговора. Так, Б. А. Ларин в книге «История русского языка и общее языкознание», описывая превращение пословиц в поговорки, приводит и оборот *как с гуся вода* в качестве типичного примера такого превращения: «...старая формула [этого оборота] была значительно конкретней и не допускала такого широкого и вольного применения: „Што с гуся вода — небыльные слова“. Еще более определенно эту идею выразил А. И. Федоров в работе: «Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в.»: «...старорусская пословица „как с гуся вода, небывалые слова“ имела узкое применение, когда речь шла о лживой молве, клевете, навете. Ее превращение во фразеологизм *как с гуся вода*... придало обороту расширенный смысл: случившееся легко, быстро забывается; все нипочем».

Приговор, на который ссылаются историки фразеологии, действительно существует. Его описывает в книге «Крылатые слова» писатель-этнограф С. В. Максимов: «Когда ребенка мыли в бане, обязательно приговаривали: „Вода б книзу, а сам бы ты кверху“, а чтобы заговорить от злого глаза (сглаза), сырскивали его водой, приговаривая: „С гуся вода, с лебедя вода, а с тебя, мое дитяtko, вся худоба на пустой лес, на большую воду“».

Такой путь появления устойчивого сравнения как будто бы хорошо объясняется и его переносным смыслом: человеку, которого уже в детстве заговорили от всех болезней, все нипочем, ему всё — как с гуся вода. Пословицы, приговоры, басни, действительно, довольно часто преобразовываются в поговорки. Тем не менее, всегда существует и вероятность обратного развития: от поговорки, фразеологизма, образа — к более пространному контексту. Точный диагноз того или иного способа образования оборота помогает поставить лишь объективный анализ языковых фактов. Проверим, подтверждают ли они «знахарскую» историю русского сравнения.

Мы уже видели, что в качестве источника нашего выражения Б. А. Ларин, А. И. Федоров и С. В. Максимов приводят две разные формулы заговора: *Што с гуся вода — небыльные (небывалые) слова* и *С гуся вода, с лебедя вода, а с тебя, мое дитяtko, вся худоба*... Уже в Толковом словаре В. И. Даля можно найти и такие варианты

заговора: *С нас беда, как с гуся вода; Лейся беда, как с гуся вода!.. С гуся вода, а с меня молодца небывлые слова.*

Если признать, что более пространные пословицы или приговоры являются источником устойчивого сравнения, то возникает вопрос, а какая же именно из них была первичной?

На него можно было бы ответить лишь предположением, что исходным было устойчивое сравнение, а все остальные устойчивые фразы — его развернутые варианты, которые могли стать и заговорами, и пословицами, и более детализирующими фразеологизмами. Убедительным аргументом в пользу такого пути развития заговорной формулы является целый ряд славянских устойчивых сравнений с аналогичным значением и формой: укр. *як з гуски (з гуся) вода*; белор. *як з гусі вада*; польск. *jak z gęsi woda (spłynie, zleci)*; чешск. *со z husy voda, spadne z něho, со z husy děšť*. Чешские, например, встречаются в письменных памятниках XVI века.

Сравнение *как с гуся вода*, следовательно, было исходным уже потому, что образ, лежащий в его основе, был более известен славянам, чем знахарский заговор, не получивший распространения нигде, кроме как на русской территории. Образ гуся, с которого вода стекает, не смачивая оперения, пропитанного жировой смазкой, естественен и конкретен. Он вошел и в другие русские пословицы, поговорки и загадки: *Гусь не намочется, утка не наполощется, кура не нашаркается; Как гусь, до воды жаден; В воде купался, сухим остался*. Кстати, последняя загадка стала основой фразеологизма *выйти сухим из воды* и тоже первоначально относилась к гусю.

Первичный образ мог обогащаться в отдельных славянских языках, мог разрастаться в пословицы или заговорные заклинанья. Они, в свою очередь, отражались на смысле исходного сравнения, порождали особые национальные ассоциации. Таково и представление о гусе как пройдохе и ловкаче, «продувной бестии», заговоренной от всех болезней и случайностей еще в детстве. Это представление, несмотря на свою вторичность, обогатило древнее славянское сравнение и придало ему особый, «русский» фразеологический колорит. Выражение *как с гуся вода* в русском языке, следовательно, сохранило свою исходную форму — форму устойчивого сравнения, но обогатилось семантически, пройдя сквозь горнило «заговорного» и пословичного употребления.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок С. Гавриловой



Загадка, да семь верст

Такое народное выражение приводит к слову загадка в своем Толковом словаре В. И. Даль.

Загадка — краткое, требующее отгадки, опирающееся на иносказание (чаще всего метафору), поэтическое произведение о явлениях природы, животных и предметах, окружающих человека в его повседневной жизни и труде. Большинство загадок ритмичны, но есть и прозаические варианты.

В древнейшие времена у разных народов, в том числе и у русского, загадки учили понимать тайную, иносказательную речь. Летописи рассказывают, что княгиня Ольга, жена князя Игоря, желая отомстить древлянам за убийство мужа, решила закопать в землю живыми их послов. Описывая почести, которые должны потребовать для себя послы, она говорила о почестях, воздаваемых покойникам. Князь Ярослав Мудрый, переговариваясь через лазутчика со своим сторонником, находящимся во вражеском стане, говорил о битве, как о пире. По старинным поверьям звери и растения наделены были способностью понимать речь людей. Собираясь на охоту, необходимо было скрыть намерения и не называть своими именами животных и растения. Во многих местностях женщины, особенно молодые, недавно вошедшие в семью, не имели права называть вещи своими именами. Существовала особая бытовая речь женщин. Загадка развивала поэтическое видение мира, сообразительность, умение сопоставлять, видеть сходство предметов на первый взгляд очень непохожих. Эту задачу она выполняет и по сей день. И не случайно, что бытует загадка в среде детей. Она очень хорошо входит в тот период детства, когда ребенок познает окружающий его мир, начинает подходить к нему аналитически, сопоставляет, угадывает, ищет ответ на бесконечные

РАЗГАДКА, ПРАВДЫ // В НЕИ //



«почему». Фантазия его направлена в это время не на отвлеченные понятия, а на конкретный, повседневно видимый мир предметов и явлений, в котором столько интересного и таинственного, сходного и своеобразного. Дети охотно загадывают и отгадывают загадки, сочиняют сами.

Загадка кратка, образна, метка. В ней целый мир образов и представлений:

Черный Ивашка — деревянная рубашка.
Карандаш

Без рук, без ног на брюхе ползет.
Червяк

Всегда ходят, а с места не сходят.
Часы

Скручен, связан, по горнице пляшет.
Веник

Иносказания, требующие ответа, разнообразны по способу создания образа, по тем намекам, которые помогают отгадыванию. Можно назвать характерную особенность предмета или животного, о котором загадывают:

Зимой и летом одним цветом.
Ель и сосна

Лапка мягонька, а коготок востер.
Кошка

Можно рассказать об особенностях создания предмета, способе его изготовления, применения:

Без рук, без топоренка построена избенка.
Гнездо

В воде родится, а воды боится.
Соль

Иногда загадка подчеркивает какое-то внешнее сходство предмета (или его деталей) с другим:

Сидит на ложке, свесив ножки.

Лопша

В лес идет — холсты стелет,
Из лесу идет — перестильвает.

Лыжи

В загадках описывается и назначение предмета, производимое им действие, издаваемый при этом звук:

Летят гуськи — дубовые носки,
Летят, говорят — то-то мы, то-то мы.

Цепами молотят

Кланяется, кланяется, придет домой — растянется.

Топор

Быстро грызет, мелко жует, а сама не глотает.

Пила

Типичным и наиболее распространенным способом создания образа является замена предмета загадывания другим. Так, например, еж — ползу н; иглолка — конь и т. д.:

Ползун ползет, иглы везет.

Еж

Конь стальной, хвост льняной.

Иголка с ниткой

Пап Панович унал в колодец,
Воды не смутил и сам не потонул.

Лист дерева

Утка в море — хвост на заборе.

Ковш

Без окон, без дверей —

Полна горница людей.

Огурец

В данных примерах на необходимость отгадывания указывает несовместимость признака предмета и его именования. Это происходит потому, что признаки принадлежат отгадке. Так, ползун везет почему-то иглолки, утка оставила свой хвост на заборе, конь оказался стальным с льняным хвостом. Признаки останавливают внимание, заставляют подумать, угадать скрытый смысл, найти отгадку, так как принадлежат именно ей.

Все это загадки метафорические, к которым применимо определение Аристотеля: загадка — хорошо сформулированная метафора. И хотя большинство русских загадок сравнивает предметы, оборот как для них не типичен. Мы не услышим: с хвостом, как мышшь; со шпорами, как воин. Загадка «оформляется» через отрицательные сравнения:

Кругла, а не месяц,
Зелена, а не дубрава,
С хвостиком, а не мышь.

Репа

Не воин, а со шпорами,
Не караульщик, а кричит.

Петух

Возможно потому, что в основе большинства загадок лежит метафора, перед нами мир существительных. Мир яркий, красочный, нарядный. Как в русском свадебном обряде, участники которого простые крестьяне, на время становятся князем и княгиней, тысяцким, боярами (их так называют, так величают); в загадке есть тенденция заменить простой бытовой предмет более красивым, возвышенным, ярким, неодушевленный — одушевленным. Так, простая кочерга — черныи конь; морковь — девица и т. д.:

Черный конь скачет в огонь.

Кочерга

Красная девица
Сидит в темнице,
А коса на улице.

Морковь

Два брата бегут,

Два догоняют, а догнать не могут.

Колеса телеги

Загадка не любит осложняющих ее слов и оборотов, тем более вводных и придаточных предложений. Наличие всевозможных пояснений обычно указывает на книжное происхождение иносказания. Предложения в загадках по преимуществу простые. Велика роль назывных, неполных, нередко встречается пропуск различных членов предложения, союзов.

Желтая курица под тыном дуется.

Тыква



Одна нога и шапка, а головы нет.
Гриб

Все поле в сережках.
Овес

Красный сапог в земле горит.
Свекла

Краткость — типичная черта загадок. Но есть среди них и рассказы. Тоже очень сжатые, не допускающие длиннот и лишних слов, но все же рассказы.

Был я на копанце, был я на хлопанце, был на пожаре, был на базаре, молод был — людей кормил, стар стал — пленаться стал, умер — мои кости негодящие бросили в ямку и собаки не гложут.

Это своеобразная биография глиняного горшка. Тип таких загадок-рассказов пришел в устную традицию из литературы, древнерусских притч. Литература во все времена пополняла репертуар загадок. В XVIII веке популярны были сборники загадок многословных, описательных, часто жеманных. Черты их можно обнаружить и в устных загадках.

Чист и ясен, как алмаз,
Дорог не бываю,
Я от матери рожден,
Сам ее рождаю.

Лед

Это уже стихотворение, сложное предложение, с нетипичным для загадок оборотом к а к.

Литература нового времени внесла в загадку рифмованные четверостишия:

Принялась она за дело,
Завизжала и запела,
Ела, ела дуб, дуб,
Поломала зуб, зуб.

Пила

В загадочном репертуаре бытуют разнообразные замысловатые вопросы, серьезные и шуточные. Очень древними являются вопросы о свойствах предметов и явлений:



Что без огня горит?
Солище

Что без умолку?
Вода, река

Что без учета?
Звезды

Рядом с такими встречаются каверзные вопросы-шутки, не являющиеся собственно загадками, но издавна сопутствующие им. В сборниках они обычно помещаются в особый раздел.

За что ученика выгнали из класса?
За дверь

Чего не устанешь всю жизнь делать?
Вдыхать, дышать

Что будет делать ворона, прожив три года?
Будет жить четвертый

Что находится между рекой и берегом?
И

Что посреди земли стоит?
М

Особо следует отметить воспринимаемые как загадки шуточные вопросы и задачи, вызывающие недоумение своей непонятностью, кажущейся заумью.

Пришла кувашта, просит мутавта.

— На что тебе мутавта?

— Гоголя бить, младежа кормить.
Баба, цец, сноп, дети

Это типичная иносказательная речь. Для ее понимания нужно знать значение подставных слов. Эта речь не требует и даже не допускает отгадывания, ведь она существует для того, чтобы общеупотребительные слова не прозвучали.

Загадка существенно отличается от иносказательной речи тем, что обязательно требует отгадки, без которой не существует; дает к ней ключ, подчеркивая характерные признаки предмета или явления.

В. В. МИТРОФАНОВА



НИКОЛАЙ АСЕЕВ — ПОЭТ НЕУГАСАЮЩЕЙ МОЛОДОСТИ

Поэзия Николая Асеева, 90 лет со дня рождения которого исполняется в этом году, занимает особое место в советской литературе. Нас захватывает созданный поэтом образ летящего времени, неудержимой и стремительной современности, радуется точная и радостная мелодия асеевского стиха.

Первое десятилетие творчества Н. Асеева (начал печататься в 1913 году) проходило в сложных поэтических исканиях. Увлечение древнеславянской поэзией наложило отпечаток на поэтический язык Асеева, определив его интерес к «жизни слова», к фольклору. Поэт учился, по его словам, у летописей, у старинного говора орловско-курских речений, которыми в совершенстве владел его дед.

Когда поэт входил в близкие к футуристам литературные группы «Лирика» и «Центрифуга» (вместе с Б. Пастернаком и др.), он широко обращался к словотворчеству, к усилению выразительности слова, искал «речи точной и нагой» (см.: М. Бакина «Словотворчество Н. Асеева». «Русская речь», № 2, 1978). Позднее он писал об этом времени: «Мне хотелось своих, неизбитых выражений чувств — и вот рождались и слова и отдельные сочетания их, непохожие на общепринятые».

В период зрелого творчества поэт преодолел усложненность поэтической образности, стремясь к простоте и ясности стиха. В поэзии Н. Асеева, соединяющей, по его словам, «с березою и мятою стальные дни», сплелись песенные и ораторские интонации.

Последние стихотворения поэта [сборники «Раздумья» (1955), «Лад» (1961)] отмечены напряженными лирико-философскими размышлениями об исторических судьбах XX века, полны мотивов добра, мира, братства.

На литературной странице мы публикуем стихотворения Н. Асеева, относящиеся к разным периодам его творчества. Стихотворения цитируются по изданиям: Собрание сочинений в 5-ти томах, М., 1963; «Лад». Стихи последних лет, М., 1963,

ЗАПОВЕДНАЯ БУЩА

Триневластная твердыня
заневоленных сердец.
Некуда дремлюге ныне,
некуда от шумей деться:
мечутся они во стане,
ярествуют на груди.

А в те дни, смеясь, предстанет
везичь везей впереди!

Бунь на поляне Цветляны,
осень взбежала — олень, —
только твои не сгубляны
ясовки, яблочный день;
только твои не срубляны
белые корни небес...

Дивится делу Цветляны
детская доля живес.

1913



НЕ ТОЛКАЙТЕСЬ!

По тротуарам
народ спешащий —
не народ,
а зверь,
убежавший из чащи.
Толкаются в спину
и в грудь,
пока

сам не начнешь
отжимать бока.
А что касается
наступления на ноги,
так это не люди,
а какие-то танки!
Сначала урезониваешь, —
дескать, ведь
и я не мураш,
и вы не медведь!
А потом,
когда продавлен ботинок,
орешь:
«Осторожнее!
Ты, скотина!»
И так постепенно,
себе не веря,
глядишь —
и сам превращаешься
в зверя;
прешь,
выставляя плечо и локоть,
чтоб встречным
также спешилось плохо;
потом ощетиниваешь
кепку набок
и ну —
сбивать
более слабых,
пока посторонний,
отчетливый мускул
не сбросит с панели
твою нагрузку.
О хулиганстве
всюду вопят!..
А разве мозг

не сверлит вам мыслишка,
что в каждом из нас,
с головы до пят,
его зачатков
хватает с излишком?!
Ведь эти толчки,
и это ляганье,
и эта —
не в очередь! —
пёрка вперед —
начало
деятельности
хулиганьей,
той,
от которой
нас жуть берет.
Тому,
кто сквозь улицу
прет и толкается,
кто локти несет
против всех на весу,
чтоб в худшем ему
не пришлось раскаяться,
необходим
показательный суд.
Не только насилью,
не только праздности,
не только финке,
плевку
и вину, —
небрежности,
грубости
и развязности,
общественность,
объяви войну!
Чтобы штаты хулиганья

не раздулись,
чужих позвонков
и скул не дробя,—
упорядочивать
движение улиц
необходимо
с самих себя!

1927

Вещи — для всего народа,
строки — на размер страны,
вровень звездам небосвода,
в разворот морской волны;
и стихи должны такие
быть, чтоб взлет, а не шажки,
чтоб сказали: «Вот — стихия»,
а не просто: «Вот — стишки»..

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ!

Война в наши двери стучится,
предательски ломит в окно,—
ну что же, ведь это случиться
когда-нибудь было должно!

Об этом и в песнях мы пели,
и думали столько годов:
за нами высокие цели,
чтоб каждый был драться готов...

Охвачена мыслью одною,
всей массой объединена,
встает большевистской стеною
взволнованная страна.

Не будем ни хвастать, ни охать:
нам в мире с фашизмом — не быть;
кровавую руку — по локоть
должны мы ему обрубить.

Вперед — и без останова!
Фашизм разгромим навсегда,
чтоб это проклятое слово
исчезло с земли без следа;

Чтоб эти кровавые руки
детей не пугали в ночах;
чтоб ихней звериной науки
погас зараженный очаг.

Вперед — и победа за нами,
за славной советской самой —
гордящейся сыновьями
двухсотмиллионной семьей!

23 июня 1941



Что такое счастье? Соучастье
в добрых человеческих делах,
в жарком вздохе разделенной страсти,
в жарком хлебе, собранном в полях.

Да, но разве только в этом счастье?
А для нас, детей своей поры,
овладевших над природой властью,
разве не в полетах сквозь миры?

Безо всякой платы и доплаты,
солнц толпа, взвивайся и свети,
открывайтесь, звездные палаты,
простирайтесь, млечные пути!

Отменяя летоисчисление,
чтобы счастье с горем не смешать,
преодолевая смерть и тленье,
станем вечной свежестью дышать.

Воротясь обратно из зазвездья
и в слезах целуя землю-мать,
Мы начнем последние известья
из глубин вселенной принимать.

Вот такое счастье по плечу нам —
мыслью осветить пространства те,
чтобы мир предстал живым и юным,
а не страшным мраком в пустоте.



ОСТАВАТЬСЯ САМИМ СОБОЙ

Был ведь свод небес голубой?
Бил ведь в скалы морской прибой?
Будь доволен своей судьбой —
оставайся самим собой.

Помнишь? Вился дым над трубой?
Воркотню голубей над избой?
Подоконник с витой резьбой?
Будь доволен своей судьбой.

Лес был весь от солнца рябой,
шли ребята веселой гурьбой —
лезть на сучья, на птичий разбой,
пересвистывать меж собой.

Ведал вкус не дурой губой,
не дул в ус пред дурой-судьбой,
не сходился с дружбой любой,
оставался самим собой.

Мята, кашка и зверобой
пахли сладко перед косьюбой,
гром гремел нестрашной пальбой,
словно сказочный Громобой.

Не хвались удач похвальбой,
не кичись по жизни гульбой,
не тревожь никого мольбой,
оставайся самим собой.

Если сердце бьет вперебой,
если боль вздымается дыбой,
не меняйся ни с кем судьбой —
оставайся самим собой!

1953



НАША ПРОФЕССИЯ

Если бы люди собрали и взвесили,
словно громадные капли росы,
чистую пользу от нашей профессии,
в чашу одну поместив на весы,
а на другую бы — все меднорожие
статуи графов, князей, королей, —
чудом бы чаша взвилась, как порожняя,
нашу бы — вниз потянуло, к земле!
И оправдалось бы выражение:
«лица высокого положения»,
и оценили бы подлинно вес
нас, повелителей светлых словес!
Что это значит — остаться в истории?

Слава как мел: губку смочишь и стер ее,
но не сотрется из памяти прочь
«Страшная месья» и «Майская ночь»!
Те, кто бичом и мечами прославились,
в реку забвенья купаться отправились;
тот же, кто нашей мечтой овладел,
в памяти мира не охладел.
Кто был в Испании — помните, что ли, —
в веке семнадцатом на престоле?
Жившего в эти же сроки на свете
помнят и любят Сервантеса дети!
А почему же ребятам охота
помнить про рыцаря, про Дон-Кихота?
Добр, справедлив он и великодушен —
именно этот товарищ нам нужен!
Что для поэта времени мера?
Были бы строки правдивы и веселы!
Помнят же люди слепого Гомера.
Полезна большая от нашей профессии.

1957



СЕРДЦЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Человек с открытым сердцем
будущего племени
не причастен к черным зверствам
атомного времени.
Колоколом, барабаном
бьется пульс истории,
расширяет грудь раба он,
множит ритмы скорые!
Человек с открытым взором
утреннего зарева,
он особым разговором
может разговаривать;
не заздравными речами,
не угрозы знаками,
а звенящими ручьями,
полевыми злаками.

Он во весь свой рост восстанет
заглянуть в грядущее,
он его рукой достанет —
медленно идущее.

Нет, не сгинет, не исчезнет
сердце человечества
ни от лучевой болезни,
ни от прочей нечисти!

Для него пишу стихи я,
не скажу — волшебные,
не такие, не сякие,
попросту — душевные.

Мне бы, обратясь к народу,
речь сказать высокую,
чтоб глядеться, словно в воду,
в ясность многооую.

Да ведь вот — иное слово,
сильное и доброе,
не созрело, не готово,
в закрома не собрано!

СОЗИДАТЕЛЮ

Взгляни: заря — на небеса,
на крышах — инеем роса,
мир новым светом засиял,
ты это видел, не проспал!
Ты это видел, не проспал,
как мир иным повсюду стал,
как стали камни розоветь,
как засветились сталь и медь.
Как пробудились сталь и медь,
ты в жизни не забудешь впредь,
как — точно пену с молока —
сдул ветер с неба облака!
Да, нет, не пену с молока,
а точно стружки с верстака,
и нет вчерашних туч следа,
и светел небосвод труда.
И ты внезапно ощутил
себя в содружестве светил,
что ты не гаснешь, ты горюшь,
живешь, работаешь, творишь!

1957



В ПОВСЕДНЕВНОЙ жизни мы часто произносим фразы, которые не строим заново из слов, а воспроизводим «готовыми». В автобусе, трамвае, метро мы говорим: «Не бросайте монетку», «Вы выходите на следующей?» и т. д.; в магазине спрашиваем: «У вас есть..?», «Сколько стоит..?»; и др. Подобные выражения в силу многократной повторяемости закрепились за определенными ситуациями, стали стереотипными.

Среди множества стереотипных фраз есть такие, с помощью которых можно устанавливать и поддерживать необходимые контакты в той или иной среде, создавать благоприятный микроклимат общения. Каждый день и по несколько раз мы употребляем выражения приветствия и прощания, извинения и благодарности. Наше повседневное поведение связано с этикетными нормами речи, то есть с тем, как следует обратиться к собеседнику; как надо извиниться, поблагодарить, попросить о чем-либо, сделать комплимент; как дать совет, выразить сочувствие и т. д. Такие ситуации и выражения объединены понятием «речевой этикет».

Речевой этикет — это правила речевого поведения, принятые национальным коллективом говорящих и представляющие собой устойчивые формулы общения в ситуациях установления контакта с собеседником, поддержания общения в доброжелательной тональности. Основные из этих ситуаций: Обращение (к незнакомому и знакомому); Знакомство (без посредника и через посредника); Приветствие; Прощание; Извинение; Благодарность; Поздравление; Пожелание; Сочувствие, утешение; Соболезнование; Просьба; Приглашение; Предложение; Совет; Предостережение; Compliment, одобрение и др.

Неизменен интерес к речевому этикету у любителей русского языка, так как с этим связаны вопросы и культуры речи, и культуры поведения. Вспомним статью В. Солоухина «Давайте поищем слово» («Неделя», 1964, № 4), предлагавшего ввести обращение *сударь, сударыня*; статью Л. Успенского «Если мы незнакомы, как нам обратиться друг к другу?» («Комсомольская правда», 18 ноября 1977) и многие другие материалы. Передовая статья газеты «Правда» (16 июля 1978) «Культура поведения» также обращает наше внимание и на культуру речевого поведения.

Устойчивые формулы речевого этикета в каждой ситуации имеют большое количество вариантов, синонимов, в том числе и стилистических. В самом деле, если мы слышим: «Разрешите вас приветствовать», то можем предположить, что здороваётся человек интеллигентный, скорее всего представитель старшего поколения, относящийся с уважением к собеседнику, возможно, в официальной обстановке общения. Выражение «Привет» скажет нам об иных признаках: непринужденности, неофициальности обстановки, фамильярно-дружеской тональности общения. Вряд ли человек старшего поколения без иронии позволит себе приветствие или прощание «Чао!». И настолько же невероятно, чтобы молодой человек серьезно сказал: «Честь имею откланяться».

Сколько разнообразия кроется в обращениях к одной и той же женщине (Татьяне Петровне Сергеевой): Татьяна Петровна, Татьяна, Танечка, Танюшка, товарищ Сергеева. Как много говорят нам о собеседнике изысканно вежливое «Простите великодушно» и вульгарно-пародийное «Прошу пardону», корректное «Благодарю» и жеманное «Мерси».

Поэтому очень важно уметь выбрать подходящее выражение, соответствующее обстановке общения, характеру взаимоотношений собеседников, их возрасту, уровню образованности и воспитанности и т. д. и социальным ролям: начальник — подчиненный, учитель — ученик и т. п.

Коллектив людей, каждый член коллектива остро реагирует на неисполнение или неправильное исполнение принятых в обществе правил этикета. Мы неприятно удивлены, если с нами не поздоровались или младший по возрасту и положению бросил нам небрежное: «Приветик!». Каждый из нас, пожалуй, легче простит крупную вину, за которую принесено извинение, чем мелкий проступок без извинения. Вспомним, как пишет об этом писатель А. Крон в романе «Бессонница»:

«Есть такое грубоватое выражение „нужен он мне, как собаке здарсьте“. Отвлечемся от вопроса, нужно ли оно собаке, гораздо любопытнее другое: оно, оказывается, чрезвычайно необходимо человеку. Казалось бы, нет никакой практической необходимости в том, чтобы знакомые, а тем более незнакомые люди при встрече желали друг другу здоровья, никакого реального влияния на соматическое состояние организма такое пожелание иметь не может. Однако наше сознание четко регистрирует данные зрения (поклон или небрежный кивок), слуха (о, тысячи оттенков!) и даже осязания — древнейший обряд рукопожатия приобрел в наше время новый, но не менее важный смысл, и когда с вами перестали здороваться люди, которых вы раньше едва достаивали кивком, это было для вас настоящим потрясением... Люди безразличны к тому, кто, как и в какой последовательности их приветствует, обращаются к ним с просьбой или приказывают, благодарят за услугу или воспринимают ее как должное, просят прощения даже за невольный ущерб или довольствуются своей безнаказанностью. „Здравствуйте“, „пожалуйста“, „спасибо“, „извините“ — внедрение в обиход этих четырех слов я считаю важнее собирания макулатуры, и было бы совсем неплохо, если бы коллективными усилиями физиологов и гуманитариев было создано нечто вроде кодекса бытовой социальной гигиены».

Действительно, нас не может оставить равнодушными такая горячая проповедь речевого этикета. Да и кто возразит, что у нас улучшается настроение, казалось бы, от

безликой надписи в магазине «Благодарим Вас за покупку». Учитывая это, даже в машинные «уста» вкладывают соответствующие формулы: «Раздался бодрый голос: „Здравствуйте, уважаемый товарищ! Вам отвечает вычислительная машина. Ваш телефон подключен к экспериментальной автоматической справочной системе...“». В заключение беседы дисплей произнес: „Спасибо за внимание. До свиданья“!» («Правда», 8 июня 1978).

Намеренное или ненамеренное несоблюдение правил приветствия, прощания, извинения, благодарности и т. п. приводит к мелким или крупным социальным конфликтам в коллективе, нарушает микроклимат общения. В «Комсомольской правде» (9 сентября 1978) был напечатан очерк «Экзамен без отметки». Десятиклассник прочел дневник девушки, а в ответ на ее возмущение ударил. Она не осталась в долгу. В классе разгорелся конфликт, который длился несколько месяцев. Впоследствии девушка сказала: «„Я его прощаю“». А потом сквозь слезы: „Да я б в тот же день простила, если б он подошел да извинился по хорошему...“».

В последующих заметках мы продолжим беседы о нормах речевого поведения.

Н. И. ФОРМАНОВСКАЯ
Рисунок С. Гавриловой

От редакции:

Приглашаем читателей принять участие в обсуждении вопросов о нормах речевого поведения. Присылайте свои наблюдения над речью окружающих людей: на работе и дома, в магазине и в городском транспорте и т. п.

Напишите нам, о каких правилах речевого этикета вы хотели бы прочитать в нашем журнале.

ВСЕВОЗРАСТАЮЩИЙ И

В последнее время в печати стало употребляться слово *всевозрастающий*. Впервые в этой форме оно зарегистрировано в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», составленном Б. З. Букчиной, Л. П. Калакуцкой, Л. К. Чельцовой (М., 1972) и в двух изданиях «Орфографического словаря русского языка» (изд. 13-е, М., 1974 и изд. 14-е, М., 1976. В последнем, 15-м издании, вышедшем в 1978 г., этого слова нет). Фиксация слова в авторитетных словарях способствовала распространению такого написания. Правда, можно встретить и раздельное написание: «Все возрастающий спрос на воду» («Неделя», 1978, № 24); «Измерения расстояний и на Земле, и во Вселенной стали производиться со все возрастающей точностью» (Г. Фрейденталь. Математика в науке и вокруг нас. Перевод с немецкого); «Вмешательство стран НАТО... принимает все возрастающие масштабы» («Правда», 11 июня 1978).

Но чаще теперь выступает слитное написание: «Всевозрастающая длительность космических полетов» («Правда», 8 февраля 1978); «Дефицит никеля ощущается со всевозрастающей остротой» («Знание — сила», 1978, № 2); «Всевозрастающее число трудящихся обращает свой взор на достижения Советского Союза» («За рубежом», 1978, № 37); «При всевозрастающей концентрации капитала сокращается число рабочих мест» («Правда», 25 сентября 1978).

Между тем слитное написание не бесспорно.

Чтобы установить, слитно или раздельно пишется элемент *все-* со следующим компонентом (то есть имеем ли мы дело со словом или со словосочетанием), надо рассмотреть, какие существуют виды таких образований, как они пишутся и, наконец, к какому виду образований относится, а значит, как должна писаться интересующая нас единица.

17-томный академический «Словарь современного русского литературного языка» (т. II, 1951) разграничивает *все-* — как первую часть сложных слов и наречие *всё*, выступающее как отдельное слово.

1. Слова с первой частью *все-* делятся на следующие группы.

1. Слова, в которых компонент *все-* выступает в значении 'охватывающий весь предмет'. Такие слова соотносительны со словосочетаниями «*весь (вся, всё)* + существительное в форме единственного числа»: *всеармейский (вся армия), всемирный (весь мир)*,

ВСЁ ВОЗРАСТАЮЩИЙ

всенародный, всероссийский, всесоюзный, всеукраинский, всечеловеческий.

2. Слова, в которых *все-* означает 'охватывающий все предметы данного вида'. От слов первой группы эти слова отличаются тем, что в них имеется в виду не один, а множество предметов. Такие слова соотносительны со словосочетаниями «*все* + существительное в форме множественного числа»: *всеволновый* (*все волны*), *всесословный* (*все сословия*), *всесторонний*, *всережимный*. Сюда же можно отнести слово *всепогодный*, в котором *все-* имеет значение 'всякий' (*во всякую погоду*), а также *вседневный*, *всеминутный*.

3. В словах третьей группы *все-* тоже имеет значение 'охватывающий все объекты', но такие слова соотносительны с иным типом словосочетаний — «переходный глагол + *всё* в форме винительного падежа»: *всевидящий* (*видеть всё*), *всезнающий* (*знать всё*), *всемогущий*, *всеобъемлющий*, *всепобеждающий*, *всепоглощающий*, *всепожирающий*, *всепрощающий*, *всесокрушающий*.

4. Наконец, последнюю группу составляют слова, в которых первая часть *все-* выступает как показатель максимума проявления признака, названного во второй части сложения: *всеблагий*, *всевластный*, *всемилостивый*, *всенижайший*, *всепременный*, *всеподданнейший*, *всепокорнейший*, *всесильный*. Этот тип, по-видимому, непродуктивен в современном русском языке.

Компонент *все-* в рассмотренных словах, кроме слов четвертой группы, восходит к местоимению *весь* (*вся, всё, все*).

II. Иной характер имеют образования, первой частью которых является наречие *всё*. В этих построениях *всё* имеет значение 'все время, постоянно', указывает на продолжение, постоянство процесса, названного во втором слове. Такие построения соотносительны со словосочетаниями «*всё*+непереходный глагол» и сами тоже являются словосочетаниями: *всё* *длящийся*, *всё* *жалующийся*, *всё* *затихающий*, *всё* *изменяющийся*, *всё* *плачущий*, *всё* *молодеющий*, *всё* *повышающийся*, *всё* *понижающийся*, *всё* *продолжающийся*, *всё* *растущий*, *всё* *слабеющий*, *всё* *смеющийся*, *всё* *стареющий*, *всё* *увеличивающийся*, *всё* *укрепляющийся*, *всё* *усиливающийся*.

Сочетания типа *всё* *длящийся* отличаются от слов типа *всевидящий* и по произношению. В словах типа *всевидящий* в первой части звучит гласный [e], слово имеет одно ударение: *вс[e]вѣдѣ-*

щий, вс[е]знающий. В словосочетаниях типа *всё длящийся* в первом слове выступает гласный [о], на это слово тоже падает ударение, хотя и более слабое, чем на второе: вс[о]длящийся.

К какому из рассмотренных типов можно отнести образование *все возрастающий*? Оно соотносительно со словосочетанием «*всё + +* непереходный глагол», *всё* имеет в нем значение 'непрерывно, постоянно'. Это образование относится, следовательно, к тому типу, в котором *всё* выступает как отдельное слово. Оно пишется отдельно от следующего слова во всех образованиях типа *всё длящийся*. Единственное отступление — написание *все возрастающий*.

Чем объяснить слитное написание этой единицы? Основная причина заключается, по-видимому, в аналогии со словами типа *всевидящий*. Эти слова могут утрачивать связь с глаголом, развивать значение высокой степени качества (подобно словам типа *весь сильный*): слова *всепоглощающий, всепожирающий, всеокрушающий* имеют значение 'очень сильный', *всепрощающий* — 'очень добрый' и т. д. Аналогичное значение высокой степени качества имеет слово *все возрастающий*. Словосочетание *всё возрастающий* (как и слово *все возрастающий*) также выступает со значением высокой степени качества, выражая при этом часто положительную оценку. Так, его легко можно встретить в сочетаниях *всё возрастающий уровень (жизни, автоматизации производства, механизации сельского хозяйства); всё возрастающее материальное благосостояние; всё возрастающая сознательность трудящихся; всё возрастающая длительность космических полетов*. Но реже наблюдается оно в сочетаниях: *всё возрастающая нищета; всё возрастающая безработица; всё возрастающая стоимость жизни; всё возрастающая заболеваемость* и т. д. Усиление качественного значения, сближавшее эту единицу со словами типа *всевидящий*, было, очевидно, главным фактором, способствовавшим распространению слитного написания.

Из всего ряда подобных словосочетаний только в одном наблюдается слитное написание компонентов. Это связано с тем, что данное словосочетание более употребительно, чем иные построения того же типа.

В современной письменной речи сосуществуют два написания: раздельное *все возрастающий*, соответствующее грамматической модели «причастие + зависимое от него наречие», и слитное *все-возрастающий*, не соответствующее модели и поддерживаемое лишь авторитетом орфографических словарей. Очевидно, предпочтение должно быть отдано раздельному написанию.

■ Эта заметка готовилась к печати, когда вышла статья, рассматривающая на богатом фактическом материале образование с первой частью *все-* (И. М. Мальцева. Сложные слова с первым компонентом *все-* в современном русском языке.— В кн.: «Новые слова и словари новых слов». Л., 1978, с. 106—116). Но в статье исследуются только проблемы словообразования, орфографические вопросы не рассматриваются.

В. А. ИЦКОВИЧ

Отвечает



ЗАПАСНОЙ или ЗАПАСНЫЙ

В слове *запасный* ударение исконно падало на тот же слог, что и в существительном, от которого оно образовано: «— Жернов у нас что-то того, припадает краем.— Нужно поставить *запасный*» (Мамин-Сибиряк. Хлеб). В середине

XIX века словарями отмечается вариантность ударения в этом слове: наряду с традиционным *запасный* фиксируется новое — *запаснѣй*. Например, в Словаре 1847 года: «*Запасной* и *Запасный*. 1. Служащий для хранения запаса. *Запасный анбар*. *Запасный дровяной двор*. 2. Заготовленный или оставленный в запас. *Запасные деньги, суда*. *Запасная повозка*. *Запасное войско*». Оба варианта помещены и в Толковом словаре В. И. Даля. Причем здесь в качестве иллюстраций даны словосочетания со словом *запасный*, что говорит о большей распространенности и привычности такого ударения в русском языке данного периода.

Впоследствии оба варианта неизменно помещались и помещаются до сих пор в словарях русского языка. Правда, их нормативная оценка различна, а порой весьма противоречива. В «Толковом словаре русского языка» под редак-

цией Д. Н. Ушакова (словарь выходил в 30-е годы) *запасный* квалифицирован как устаревший (во всех значениях и сочетаниях). Однако в более поздних словарях это ударение полностью или частично восстанавливается в правах. В 17-томном Словаре и *запасный*, и *запасной* приведены без каких-либо ограничительных помет; судя по построению словарной статьи, первый из них рассматривается как основной. В вариантной форме зафиксировано данное прилагательное и в 4-томном «Словаре русского языка». В Словаре С. И. Ожегова также встречаем *запасной* и *запасный*: при этом для одних сочетаний устанавливается *запасной* (*запасной игрок*), для других — *запасный* (*запасный выход*). На различие в сочетаемости вариантов указывает и «Словарь трудностей русского языка» (М., 1976): *запасный выход*, *запасный путь*, но *запасной игрок*. Наконец, в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1973) *запасный* сопровождается пометой «устаровающее», однако рекомендуется сохранить именно этот вариант в сочетании *запасный выход*.

Судя по пометам, которые даны в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, к середине 30-х годов *запасной* был настолько широко рас-

пространен в литературной речи, что *запасный* порой воспринимался как дань традиции словоупотребления. Однако квалификация этого варианта как устаревшего несколько опережала время. *Запасный* встречается, например, в художественной литературе 30-х годов, в частности в поэтической речи. Вспомним слова известной «Песни о Каховке», написанной М. Светловым в 1935 году: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд Стоит на запасном пути!». Прилагательное *запасный* употреблялось также в некоторых жанрах книжно-письменной речи. В первом издании БСЭ (М., 1933) зафиксированы терминологические словосочетания: *запасный капитал*, *запасный фонд*, *запасный судья* (юридический термин второй половины 20-х годов). В книжной речи это ударение удерживалось достаточно длительное время. Во втором издании БСЭ (М., 1952) находим: *запасные войска*, *запасные части*. Влиянием традиции, по-видимому, объясняются рекомендации словарей, не только допускающие *запасный*, но и подчас признающие его основным.

Однако в настоящее время положение этих вариантов в русском языке изменилось. *Запасной* вытеснил *запасный* во всех типах и жанрах литературной речи. Например, в третьем издании БСЭ (М., 1972) в терминах представлен

вариант *запасной*: *запасной полив*, *запасные части*. Победа более новой формы была вполне закономерной. Как показывают лингвистические исследования, в современном русском языке основным направлением развития ударения в производных прилагательных является перемещение ударения на конец слова или ближе к концу слова (см.: К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978): вместо *заводский* стали говорить *заводской*, вместо *возрастный* — *возрастной*, а *тормозный* уступило место варианту *тормозной*. Прилагательное *запасной* также утвердилось с ударением на окончании.

Словари и справочники предпочитают сохранять традиционное ударение в некоторых устойчивых словосочетаниях: *запасный выход*, а не *запасной*; *запасный путь*, а не *запасной*. Однако, как отмечает К. С. Горбачевич, эти ограничения носят искусственный характер и не подтверждаются наблюдением над живой речью и словоупотреблением писателей: «— А какие другие выходы? Это в театрах разные выходы: главный, *запасной*, пожарный, еще какие-то» (Симонов. Последнее лето). Показательно, что в старых кинотеатрах Москвы можно прочитать: «*Запасный выход*», а в новых: «*Запасной выход*». Не лишены интереса ответы ра-

ботников кинотеатров на вопрос: *запасной* или *запасный выход* написано в их кинотеатре? Были получены такие ответы: «Что значит *запасный*?», «*Запасный* — это неграмотно» и под. Как видим, ударение *запасный* оценивается здесь не просто как необычное, но даже как ненормативное («неграмотное»).

Таким образом, в современном русском языке вариант *запасной* является основным. Его использование в литературной речи не связано с какими-либо стилистическими или сочетаемостными ограничениями. *Запасный* представляет собой устаревавшую форму (не вышедшую окончательно из языка, но нехарактерную для современного литературного словоупотребления).

С. И. ВИНОГРАДОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

И. И. Зайнуллин (Фрунзе) пишет: «Как лучше сказать: к *Дню шахтера* или ко *Дню шахтера*?» Желательно говорить и писать: *ко Дню шахтера*, *ко дню рождения*. Фонетические законы русского языка заставляют избегать сочетания большого числа согласных, следующих подряд: здесь большую роль играет закон благозвучия.

ОТ КОНКРЕТНОГО — К АБСТРАКТНОМУ

Развитие новых значений у слов в конце XVIII начале XIX века



В РУССКОМ ЯЗЫКЕ в течение длительного времени абстрактные понятия выражались преимущественно книжно-славянскими словами, конкретные — русскими. Иначе говоря, обозначение конкретного (названия предметов, вещей, явлений) и абстрактного (названия понятий, свойств, качеств) было закреплено за разной по происхождению лексикой. Начиная со второй половины XVIII века, в связи с активным формированием русского литературного языка на национальной основе, намечается новая тенденция в развитии словарного состава. Русская лексика более свободно проникает в те сферы языка, где преобладали слова книжно-славянские. В ряде случаев этот процесс был связан с изменением объема значений слов.

Заметные преобразования в лексике происходят в самом конце XVIII — первой трети XIX века. В эту эпоху усиливается существовавший издавна процесс образования новых значений у ряда слов. Русские слова конкретного значения расширяют круг своего употребления и признаются приемлемыми для передачи отвлеченных и отвлеченно-переносных значений. Новое (обычно переносное) значение нередко возникает в результате того, что слово вступает в необычные для него сочетания.

Так, в это время слово *болото* (чаще с определением *такой, какой* или с существительным в родительном падеже) начинает применяться для обозначения явлений социальной жизни и выступает как образное наименование чего-нибудь, характеризующегося застоем, отсутствием живой деятельности: «А я вам говорю в глаза, что вы в таком болоте безотчетностию вашею, из коего вам вовек не выдраться» (Державин. Записки); «Не пламень, не перун Меня убил; нет, вязну средь болота, Горюю давят нужды и забота И я от-

вык от позабытых струн» (Кюхельбекер. Дневник, 19 октября 1838); «...университеты Пиренейского полуострова век от века погрязали глубже в болото вздорной схоластики» (Бестужев-Марлинский. О романе Н. Полевого...). Наличие этого значения способствовало более широкому распространению слова *болото* в литературном языке. С 60-х годов XIX века слово входит в круг политической терминологии и фразеологии, употребляясь «для обозначения промежуточных, не имеющих собственной программы общественных слоев и политических группировок» (Ю. С. Сорокин. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М., 1965, с. 519).

Слово *размазня*, называющее «простое» кушанье, используется в применении к общественным и культурным явлениям: «Сравнительно с „Капитанскою дочкою“ все наши романы и повести кажутся приторною размазней» (Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность) — здесь *размазня* — ‘нечто неясное, неопределенно выраженное’.

Для данной эпохи характерно обновление выразительных средств речи. Это обусловило развитие переносно-метафорических значений у слов, обозначающих бытовые реалии, предметы обихода.

Так, у слова *туз* (первоначально — название игральной карты) в начале прошлого столетия формируется переносное значение ‘богатый человек, важное, влиятельное лицо’: «[Федька] ...Все и люди-то смотрят на тебя такими тузами, как будто сами господа» (Грибоедов. Студент); «[Фамусов]. Что за тузы в Москве живут и умирают» (Грибоедов. Горе от ума); «...во всех комнатах все сидели тузы за вистом» (Гоголь. Невский проспект). Новое значение позволило слову быстро расширить круг сочетаемости. Появляются, например, употребления: *финансовый, промышленный* и т. п. *туз*; *туз промышленности, финансов* и т. п.; *выйти в тузы, стать тузом* (по данным Картотеки Словарного сектора Института языкознания АН СССР): «Он теперь в тузы вышел и пишет мне, что желает, по-родственному, повидаться с нами» (Тургенев. Отцы и дети). С середины XIX века слово *туз* служит обозначением человека, известного, знаменитого в какой-либо области деятельности: «Тузы петербургской практики стали уж очень много приглашать его на консилиумы» (Чернышевский. Что делать?). Устаиваются и такие сочетания: *литературный, театральный* и т. п. *туз*; *туз театра, литературы* и т. п.: «Было бы очень неосновательно думать, что это сопоставление Пушкина с тузами поэзии было сделано нечаянно» (Писарев. Пушкин и Белинский).

Различные новые осмысления появились также и у слов, называющих действия, связанные с конкретными, обиходно-бытовыми сферами: *пикнуть, проветриться, обжечься* и др.

С конца XVIII века глагол *пикнуть* начинает применяться переносно в значении — ‘сделать попытку сказать что-либо, пытаюсь возразить на что-нибудь, заявить свое мнение’: «[Сквалыгин]. Посмотри, зять, как должники мои мне покорны. Я над ними, как господин, ломаюсь, а они, как рабы мои, не смеют и пикнуть передо мною» (Матинский. Санктпетербургский гостинный двор); «[Скалозуб]. Он в три шеренги вас построит, А пикните, так мигом успокоит» (Грибоедов. Горе от ума); «...ни один человек не посмел пикнуть в обвинение» (Бестужев-Марлинский. Латник). В сочетании *пикнуть слово* этот глагол употребляется и как переходный: «[Мамаев]... Коли ты еще хоть слово пикнешь про мою дочь...» (Лажечников. Окопировался).

Образно-метафорическое употребление в начале XIX века получает и глагол *проветриться*: «...приехал земляк наш Г. Калкау, привез кучу новостей, которые все бы были в своей силе, если б от долговременного путешествия немного не проветрились» (Кайсаров. Письмо родителям А. И. Тургенева, 22 января 1803). У этого глагола появляется значение ‘набраться новых, свежих впечатлений’: «...приезжать не торопись; ты еще проветришься маленько, а нам дай покончить свое» (Даль. Отец с сыном); «Евстафий встряхнулся и покотился проветриться за границу» (Даль. Четыре брака и один развод); «Эх, брат Юрий Максимович! зажился ты в своих Брынских лесах!.. Пора тебе приехать в Москву проветриться» (Загоскин. Брынский лес).

Среди названных слов есть такие, новые значения которых сначала воспринимались как «ненормативные», не вполне допустимые в литературном языке; говорящие (или пишущие) иногда выделяли их графически, например, курсивом. Так употребляется слово *размазня* в переносном значении ‘вялый, нерешительный человек’ в примере: «...он с ним учтив и вежлив, по обыкновению, но, между нами, Владимир Лукьянович шутя называет его *размазней*, в чем и я, признаюсь тебе, согласна» (В. Ф. Одоевский. Княжна Зизи).

Можно встретить слова, которые вводятся в описание без специальных пояснений. Они используются как обычный и привычный элемент разговорной речи разных лиц, в том числе и самых образованных. У глагола *обжечься* в конце XVIII века появляются зачатки нового — переносного — употребления, послужившего основой для формирования значения ‘потерпеть неудачу, встретив неожиданное препятствие в какой-либо попытке’. Первые примеры такого использования, судя по материалам Картотеки Словарного сектора, появились в произведениях «простого» слога — в каламбуре. Словесная игра достигается намеренным совмещением при употреблении двух значений слова: нового и издавна существующего.

того («получить ожог от чего-нибудь»): «[Щедров] ... Они [глаза] очень милы, быстры; одним словом, так прекрасны, как солнце. [Розана]. Ха, ха, ха! как солнце! смотри не обожгись, барин» (Н. Николов. Розана и Любим); «...он [Рахманов] .. дрался только без памяти далее в степь; но там-то после и обжегся» (Болотов. Записки).

В первой трети XIX века глагол *обжечься* в развивающемся значении выходит за границы «простого» слога. Его можно встретить, например, в журнальной статье, а это свидетельствует об утверждении нового значения: «Будем надеяться, что от покушений его он один только обожжется, но не вспыхнет новая продолжительная брань» (Вяземский. О двух статьях, напечатанных в Вестнике Европы).

Слово *обжечься*, получив переносное значение, сохраняет и прямой смысл. Однако отдельные слова утрачивают свои первоначальные значения и утверждаются в литературном языке в производных (обычно переносных) значениях. Так, в пушкинский период слово *паршивый* почти не встречается в прямом значении (исключение составляет применение к животным); с конца XVIII века оно используется главным образом в переносном значении — «дрянной, никуда не годный»: «...я ... нашел в нем, вместо величавого и мужественного воина, каковым я его себе воображал, небольшого роста сухощавого, кривого и паршивого почти старичишка» (Болотов. Записки); «Самый паршивый хозяин не годится быть приказчиком, а приказчик и не завидный может быть порядочным хозяином» (А. Кольцов. Письмо В. Г. Белинскому, 15 августа 1840).

Рассмотренные слова в новых значениях отличаются в большей или меньшей степени стилистической окраской, которая обусловила их переход в разряд разговорных. Вместе с тем они не выходят за рамки литературного языка и составляют активную часть его словарного запаса.

Вовлечение ряда слов конкретного значения в художественную литературу свидетельствует о заметном расширении границ литературного языка. В него начинают включаться (на правах нормативных) различные экспрессивные элементы (разговорные и кпикные), которые сосуществуют рядом с нейтральными средствами выражения. «Все, что используется в литературном языке и является для данного времени общепринятым в его письменной и устной разновидности, — пишет Ф. П. Филин в статье „Актуальные проблемы диалектной лексикологии и лексикографии“, — принадлежит его системе. Такие слова и выражения, как *канючить..*, *на карачках*, *карачун*, *карга* (бранное название старухи), *капут*, *катнуть* (съездить, поехать), *каркать* (предсказывать неприятности, беду), *карманник*, *каюк* и т. д. и т. п., которые в современных толковых

словарях дружно определяются как просторечные, в определенной ситуации может употребить любой самый образованный человек, они обычны в художественной литературе и в других разновидностях общепринятой литературной речи. Вывести их за пределы литературного языка означало бы лишить наш язык средств сниженной, непринужденной речи» (сб. «Славянское языкознание». М., 1973, с. 373).

Е. П. ХОДАКОВА

ЗАМЕТКИ ПО СЛОВООБРАЗОВАНИЮ

Красный — прекрасный

Приставка *пре-* обычна у русских прилагательных: добрый — предобрый, старый — престарый, мудрый — премудрый, глупый — преглупый, милый — премилый. Но *красный — прекрасный*. Модель слова та же, но слова чужие. Возьмем другой ряд: белый — пребелый, синий — пресиний, черный — пречерный. Но *красный — пре-красный*. Стройность опять нарушается на этой паре.

До XVI века *красный* значило 'красивый', тогда пара *красный — прекрасный* и была естественной, оправданной: «Бяше варягъ единъ... и бѣ у него сынъ *красенъ* лицомъ и душею» (был один варяг... и был у него сын, красивый лицом и душою) — Повесть временных лет под 983 г.; «Голубь *прекрасныи*», т. е. очень красивый (Минея 1096 г.).

Как известно, в отдельных выражениях, пословицах слово *красный* в значении 'красивый, прекрасный' осталось: «Не красна изба углами, а красна пирогами», «красна девица» из сказок и народных песен, сказать что-либо «для красного словца», «красный угол» в избе — украшенный иконами, по старому обычаю. Название «Красная площадь» не противоречит и современному значению слова *красный*, так как Кремлевская стена, башни, рубиновые звезды на них, мавзолей В. И. Ленина — все выполнено в красном цвете. Но название она получила тогда, когда *красный* 'красивый' еще было живо в языке: во второй половине XVII века площадь была обстроена новыми зданиями и стала самой красивой в городе.

Дева — девка

В народной песне поется:

Скоро, скоро тройка станет,
Ямщик спрыгнет с облучка.
Красна девка в очи глянет
И обнимет ямщика.

Как уже сказано, *красная* — вовсе не значит 'краснощекая, румяная', а 'красивая, красавица'. Понятие девичьей привлекательности в старину немногим отличалось от современного: «белолица, черноброва, Нраву кроткого такого» (А. С. Пушкин).

Слово *девка* в нашем понимании несет оттенок пренебрежительности, но раньше это было не так. *Девка* (от *дева*) стоит в том же ряду, что и *девица*, *девушка*: «Амазоника — страна., а царствуют в ней едины *дѣвки* чисты» (Алфавит XVII в.).

Сравним образования того же порядка. *Бабка* 'бабушка' («далъ ...по своемъ дѣде да по *бабке*, и по отцѣ, и по матери» — Архив Строева, 1556 г.) образовано от *баба* в том же значении 'бабушка, мать отца или матери' (один из приближенных князя Владимира, внука княгини Ольги, называет ее «баба твоя Ольга» — Повесть временных лет под 987 г.). *Дочка* образовано от *дочь* (*дочи*, *дъчи*) без изменения в значении: «Князь великий велѣлъ тобѣ говорити, что еси ко мнѣ присылалъ свою грамоту о томѣ, что у князя у Исаика *дочи*, и мнѣ бы пожаловати та его *дочка* взяти за своего сына: ино бояринъ мой Никита дѣвку видѣлъ ...и ты бы мнѣ учинилъ вѣдомо (т. е. известил) о томѣ, что взятка съ дѣвкою на кольцо тысячъ золотыхъ» (Посольство Старкова к Крымскому хану). Таким же образом *женка* от *жена*, *матка* от *мать* (*мати*) и другие слова, часто отмечаемые в просторечии.

Худой — худощавый

В современном литературном языке с помощью суффикса *-ав* (*-яв*) образуются качественные прилагательные, во-первых, от основ существительных (*гнузавый*, *крававый*, *прыщавый*; *кудрявый*, *слюнявый*), во-вторых, от основ имен прилагательных (*величавый*, *чернявый*). Изолированы прилагательные *сухощавый* и *худощавый*, в которых выделяется суффикс *-ощав* (*ый*).

Эта изолированность объясняется исторически. В современном понимании *сухощавый* соотносится с *сухой*, *худощавый* — с *худой*. В действительности же первое образовано от существительного *су-*

хость, второе — от *худость* с чередованием *ст // щ* (ср. чистить — чищу, чистый — чище, густой — гуще). Слово *сухость* в древнерусском языке наряду с другими значениями означало 'худоба': «Кюю общину имать (что общего имеет) *сухость* или дебела мяса» (Богословие Иоанна ектарха), отсюда и *сухощавый*, то есть 'худой, худоватый'. Существительное *худость* имело значение, близкое этому, — 'худоба, слабость': «малота и *худость* тѣла его» (Хроника Георгия Амартола XIII—XIV веков).

Подобно образованиям *сухощавый*, *худощавый* от *сухость*, *худость*, по-видимому, следует считать прилагательное *слащавый* от *сласть* в значении 'сладость'. Как видно, нет нужды соотносить *слащавый* со *слаще*, как это делается некоторыми грамматистами: правомерность образования прилагательных положительной степени от форм сравнительной степени сомнительна.

Некоторые существительные на *-ость*, бытовавшие в языке до XVII века, позднее перестают употребляться. Так исчезло, например, существительное *полность*, оставшись в форме наречия *целиком* и *полностью*. В определенных значениях (соотносительных со значением *сухощавый*, *худощавый*, *слащавый*) вышли из употребления *сухость*, *худость*, *сласть*, но, по причудливости развития языка, появились существительные *сухощавость*, *худощавость*, *слащавость*.

Из двух синонимов — *сухощавый* и *худощавый* — последнее более употребительно в современном языке: оно непосредственно соотносится по смыслу с *худой*. *Сухой* в этом значении современные словари приводят лишь с пометой *разговорное*, таким образом, *сухощавый* остается в смысловой изоляции, отрываясь от значения корня, что и сказывается на его малой употребляемости.

В языке XVI—XVIII веков, наоборот, значительно чаще употреблялось слово *сухощавый*: «А ростомъ человекъ средней, лицомъ смугль, носать, *сухощавъ*; а волосомъ рус, очи кари» (Новгородские кабальные книги, 1595 г.); «А ростомъ Ондрюшка средней, а волосомъ чернь, *сухощекъ*» (там же, 1593); «Мы обыкновенно видимъ, что влюбленные люди бываютъ *сухощавого* и блѣднаго лица» (Эмин. Приключение Фемистокла, 1763 г.); «Нѣкоторые *сухощавые* старички имѣють однакожь... водяную болѣзнь» (Страхов. Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов).

Невежа — невежда

В повседневной речи можно наблюдать довольно частое смешение значений этих слов. В литературном языке *невежа* значит 'грубый,'

невоспитанный человек', *несежда* — 'малообразованный, несведущий, малокультурный'.

Первоначально различие между этими словами было только фонетическое, как, например, в паре *одежа* — *одежда*: первая форма исконно русская, вторая по происхождению старославянская. Оба слова восходят к глаголу *вѣдѣти* 'знать, уметь'. В древнерусском языке они употреблялись и без приставки-отрицания *не*: *вѣжа*, *вѣжда* — 'знающий, сведующий'; *невѣжа*, *невѣжда* — 'незнающий, необразованный'. Вот несколько примеров из древних памятников: «Спиридонъ бяше невѣжа словомъ, но не разумомъ» (Печерский патерик XII в.); «Не токмо же то творять невѣжи, но и вѣжи, попове и книжници» (попы и книжники, т. е. образованные люди) — Златая цепь XIV в.; «Всѣмъ же вѣрнымъ крестьяномъ (т. е. христианам), вѣжамъ и невѣжамъ, попомъ и простыцемъ (т. е. грамотным и неграмотным, попам и простым людям)» (там же); «Нынѣ отъ невѣждъ и препростыхъ начашася дѣяти ...заповѣденъ» (Ныне неграмотные люди устанавливают законы) — Псковская I летопись под 1471 г.

Значение 'грубый, невоспитанный человек', естественно, возникло из значения 'несведущий, незнающий', то есть не обученный правилам общения и поведения, невежливый.

Сложность заключается в том, что в современном литературном языке не только *невежливый* образовано от *невежа* (*вежливый* от *вежа*), что полностью согласуется со смыслом, но и *невежество*, *невежественный*, что со смыслом не согласуется, так как по своему значению *невежество*, *невежественный* примыкают к слову *невежда*. Из всех старославянских образований с корнем *вѣжд* — (*невѣждь*, *невѣждьствие*, *невѣждьство*, *невѣждьствовати*) русская книжная традиция сохранила лишь слово *невѣжда* в значении 'малообразованный, несведущий человек', что привело к известной непоследовательности в семантико-словообразовательных отношениях внутри гнезда.

Друг — подруга

По аналогии с парой *супруг* (муж. р.) — *супруга* (жен. р.) можно было бы ожидать *друг* — *друга* или *подруг* — *подруга*. Для современного языка это выглядит нелепо, а в древнерусском так оно и было. Наряду с обычным *другъ* (муж. р.) («Рече же князь Печеньжский къ Прѣтичу: буди ми *другъ*» — Повесть временных лет под 968 г.) отмечено *друга* (жен. р.): «*друга* бо еси божия» (Златоструй, XVI века).

В свою очередь, наряду с существительным *подруга* (жен. р.) обычным является *подругъ* (муж. р.): «а сего *подруга* его оставляевъ» (Успенский сборник XII); «оного ...*подруга*» (там же); «Имыи добраго *подруга*» (Житие Феодулия); «Не буди *подругъ* мужу яру» (Не будь другом гневному, жестокому человеку) — Ефрем Сирий, XIII век.

Словами *подругъ*, *подруга* (как и современными *друг*, *подруга*) называли близкого, родного по духу человека. Поэтому понятно их употребление для называния соответственно мужа и жены. Отсюда, в свою очередь, появляется слово *подружье* в значении супругов: «Отлучаеми отъць от рожении своих, братъ от брата ...и жены от *подружии* своихъ» (Отлучаемы отцы от детей своих, брат от брата, жены от мужей своих) (Ипатьевская летопись под 1185 г.); «*Подружье* же свое храни, яко удъ свои, зане еси едино тѣло с нею» (жену свою береги как часть себя, ведь вы с ней одно целое) (Устюжская кормчая, XIII век).

Какие мотивы были у языка, когда он в «мужской» паре *другъ* — *подругъ* предпочел приставочную форму, а в «женской» паре *друга* — *подруга* — наоборот, приставочную? Наверное, не только стремление избежать омонимии форм (*друга* — именит. падеж женский р., родит. падеж муж. род и т. д.), потому что в случае *супруг* — *супруга* это не мешает употреблению.

Муж—мужской

С точки зрения современного языка представляются неоправданными такие пары слов как *муж* — *мужской*, *жена* — *женский*: *мужской* значит 'свойственный мужчинам' и по значению соотносится со словом *мужчина*, а не *муж*, *женский* — со словом *женщина*, а не *жена*. Для значения 'относящийся к мужу' в языке есть прилагательное *мужний*, *мужнин* (разг.), 'относящийся, принадлежащий жене' — прилагательное *женин*.

В древнерусском и старославянском языках *муж* и *жена* соответственно значили 'мужчина' и 'женщина': «Оже кто убьет *жену*, то тѣмъ же судомъ судити, яко же и мужа» (т. е. за убийство женщины такое же наказание, как и за убийство мужчины) — Русская Правда по Синодальному списку; «Никои же звѣрь убо подобенъ есть женѣ злѣи» (Никакой зверь не сравнится со злой женщиной) — Слово о злых женах; «Послаша жену чародѣицю и два мужа с нею» (Отправили женщину колдунью и двух мужчин с нею) — Новгородская I летопись под 1238 годом.

Те же слова, обычно с местоимениями *свой*, *своя*, *его*, *ее*, обо-


значали супругов: «Не мужъ въ мужехъ, къмъ своя жена владѣеть» (тот не мужчина среди мужчин, кем командует жена) (Слово Даниила Заточника); «Не подобает звати жены свояе (г) оспожюю ...Подобает женѣ звати мужа (г) осподиномъ (Паисиевский сборник XIV—XV веков); «Жену свою любите» (Поучение Владимира Мономаха).

В этих условиях, понятно, прилагательные были только от основ *муж-*, *жен-*: «Языку бо женъню не вѣруп» (женскому языку не верь) (Паисиевский сборник XIV—XV веков); «Нѣсть (т. е. нет) на земли болши *женъскыя* злобы» (Слово Даниила Заточника). *Мужънии*, *женинъ* стали обозначать отношение к *муж*, *жена* в значении супругов; *мужъскыи*, *женъскыи* — в значении 'мужчина, женщина': Когда же появились для этого значения отдельные слова *мужчина*, *женщина*, прилагательные *мужской*, *женский* по смыслу стали соотноситься с ними.

От основ *женщин* (*а*), *мужчин* (*а*) вообще нет прилагательных, если не считать просторечного *мужчинский*, не признаваемого современной литературной нормой. Это указывает на позднее происхождение слов *мужчина*, *женщина*. Один из ранних примеров такого образования относится лишь к XVI веку: «Азъ есмь *женщина*» (Хронограф, XVI век).

Братски—по-братски

Наречия *по-братски*, *по-шутовски*, *по-отечески*, *по-детски* и т. д. могут употребляться и без приставки *по-*: *отечески*, *братски*, *детски*. Некоторые из подобных наречий почти не употребляются с приставкой: *всячески*, *геройски*, *злодейски*, некоторые — почти не употребляются без приставки: *по-дурацки*, *по-приятельски*, но возможность вариантов есть у тех и других. Исключение представляют собой наречия от прилагательных, обозначающих отношение к национальности, они употребляются только с *по-*: *по-русски*, *по-гречески*, *по-французски*.

В древнерусском языке XI—XIV веков наречия на *-ски* (*-скыи*) употреблялись без приставки *по-*: «бѣбо (отрок) умѣя печенѣжскыи» (ибо мальчик умел говорить по-печенежски) — Повесть временных лет под 968 г.; «поча выти *волчьскыи*» (начал выть по-волчьи) — там же, 1097 г.; «како хоцещи погрѣбу тя: *египтъскыи* ли, ли *арменъскыи*, ли *еретичъскыи*, ли *ерусалимъскыи*» (как хочешь, так и схороню тебя: по-египетски, по-армянски, или по-еретически, или по-иерусалимски) (Пролог Лобковский XIII в.); «прелазаюцю дворъ *разбоиничскыи* и *татъскыи*» (проникая во двор как разбойник  вор) — Григорий Богослов XIV в.

Только с XV века в памятниках появляются приставочные наречия: «се бо не *по-погански* ли живемъ» (Радзивилловская летопись XV в. под 1068 г.). Но утверждаются они очень медленно. Даже в Грамотках XVII—XVIII веков еще обычно: *рабски, пригельски*. Быстрее утверждалась приставка *по-* у наречий от основ с названием народностей: «учиться въ школь *по-латынски* и *по-польски*» (Памятники Смутного времени XVII в.); *по-словенски* (Грамотки XVII—XVIII веков). Как раз эти наречия в настоящее время полностью отстояли новый вариант.

Что же касается остальных наречий на *-ски*, то, безусловно, развиваются они в сторону увеличения приставочных образований, которые уже теперь преобладают. Однако полная их победа придет не скоро: употребление бесприставочных наречий поддерживается многовековой русской литературно-книжной традицией.

Н. В. ЧУРМАЕВА

О жизни одного суффикса

Изучая историю русского языка в разные периоды его развития, можно проследить не только жизнь слов, но и жизнь отдельных морфем — значимых частей слова: корней, приставок, суффиксов. За время существования слова, как правило, происходят различные изменения в его значении, звучании, написании. Жизнь морфем протекает по-другому, поскольку в языке они играют роль служебную: при их помощи образуются новые слова. Причем в каждую эпоху суффикс или приставка обладают различной возможностью создания новых слов, то есть различной степенью продуктивности. Продуктивность служебных морфем может возрастать, уменьшаться, сводиться к нулю. В последнем случае можно говорить о том, что данная морфема в словообразовательной системе языка уже не функционирует, а существует лишь как «неподвижная» часть слова, которая создавала новые слова в период своей продуктивности.

Особенно интересно наблюдать жизнь морфем в русском языке на историческом фоне развития других славянских языков, если обратиться к общеславянским морфемам (см. об этом статью «Слова с редкими суффиксами». — «Русская речь», 1974, № 4). Сравним одинаковые по значению слова, содержащие, например, общие суффиксы в русском и в других славянских языках, мы видим раз-

личную степень продуктивности этих морфем в русском языке в различные эпохи: общеславянскую (V в. до н. э.—VI—VII вв. н. э.), восточнославянскую (VIII—XIII вв.), собственно русскую, которая охватывает период с XIV века до наших дней.

Обратимся к жизни в русском языке общеславянского суффикса *-ач-* в словах, обозначающих лицо. В современном русском языке имена существительные с этим суффиксом делятся на две группы: 1) со значением 'профессиональная характеристика человека': *скрипач, ткач, циркач* (разг.); 2) со значением 'характеристика человека по особенностям внешности или по внутренним качествам': *усач, силач, лихач*. Мы обратимся к первой группе слов — «профессиональной», так как именно здесь интересна судьба общеславянского суффикса *-ач*.

До IV—V вв. н. э., когда наши славянские предки жили на одной территории, общими были и условия их жизни и экономический уклад. Как следствие этого, у славян совпадали названия основных, наиболее распространенных профессий. В книге О. Н. Трубочева «Ремесленная терминология в славянских языках» (М., 1966, с. 26) подчеркивается особая важность для всех славян таких видов ремесел, как текстильное производство, обработка дерева, гончарное, кузнечное дело. В названиях этих профессий суффикс *-ач* — один из продуктивных у всех славян. *Ткач, трубоч, сурнач* 'музыкант, играющий на сурне, особой трубе': «А дано государева жалованья трубочемъ, и сурначемъ по повгородке золотой» (В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка); *ковач* 'кузнец': «О ковачи. Аще безъ потребы углие губит... да поклонится 50 или 100, или сухо да ясть. 1242» (И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка); *копач* 'работник с заступом или мотыгой для копки земли': «Рече къ копачемъ. 1279» (там же). Все эти слова совпадают в славянских языках. Следует также отметить, что большинство названий профессий образовано от основ общеславянских глаголов, а со стороны стилистической эти слова являются нейтральными во всех современных славянских языках, в том числе и в русском.

В последующие эпохи в русском языке при помощи этого суффикса продолжали образовываться слова со значением профессии как от исконно русских основ, так и от заимствованных. С точки зрения стилистической, эти названия перестали быть нейтральными; они стали принадлежать либо к специальной, либо к разговорной лексике. *Трепач* 'рабочий, занятый трепанием волокна': «Мы имели свой дом на Нижней улице...; держали артель трепачей, торговали пенькой...» (Лесков. Грабеж); *первач* 'исполнитель первых

ролей в дореволюционном театре»: «Он строил репертуар так, что никто из первачей не был обижен на недостаток работы или отсутствие хороших ролей» (М. И. Велizarий. Путь провинциальной актрисы); *рифмач* 'плохой поэт': «Куплеты бледных рифмачей И вздохи театралов — Ты все отвергла» (Н. А. Некрасов. Памяти Асенковой); *лихач* 'кучер щегольского экипажа, запряженного хорошей резвой лошастью': «Попадались лихачи в малиновых бархатных шапках с лакированными санками» (Н. В. Гоголь. Шинель). К этой группе относятся также слова *циркач* 'артист цирка': «Лерри, как и большинство старых циркачей, с малых лет познал все виды циркового искусства» (Радунский. Записки старого клоуна) и *трюкач* 'артист, чаще цирковой, умеющий выполнять сложные и эффектные номера': *клоун-трюкач*.

Большинство этих слов образовано от именных основ, а не от глагольных. Кроме того, у некоторых из них, например у слов *лихач*, *трюкач*, в разговорном стиле развилось переносное значение. *Лихач* — 'смелый, храбрый, лихой человек': «В отряде „Советская Беларусь“ находились лихачи, которые закладывали для подрыва одного фашистского эшелона не одну сотню килограммов тола» (Г. Линьков. Война в тылу врага); *трюкач* — 'человек, любящий производить впечатление, эффект': «[Малый театр] ...не допускал к себе режиссеров-трюкачей, не отступил от своих реалистических традиций» (В. Н. Пашенная. Искусство актрисы). В судьбе слов с суффиксом *-ач* наблюдается интересная тенденция: значение профессии в них как бы отступает на второй план, а на первое место выходит значение характеристики, оценки. Особенно заметно это стало в языке XX века.

Какие же слова в русском языке образовал суффикс *-ач* в последние 50—60 лет? Это — общеупотребительное новое слово со значением профессии *избач* 'заведующий избой-читальней, библиотекой на селе': «Новый избач оказался талантливым организатором..., был находчив, изобретателен, энергичен... Он создал при хате-читальне ликбез» (А. Ференчук. Стойкий туман. — «Новый мир», 1976, № 2). Также новым словом является специальный термин *слухач* 'работник радиосвязи, принимающий на слух сигналы по радио' (см.: «Русская речь», 1974, № 4).

Ряд существительных на *-ач* принадлежит к просторечию, экспрессивно окрашен и носит явно оценочный характер: *хвостач* — 'неуспевающий студент': «Студенты-хвостахи» («Литературная газета», 1 сентября 1972); *хохмач* 'тот, кто придумывает остроумные, веселые шутки, любитель пошутить': «— Да, познакомьтесь: это Юля Слов, лучший друг, первый хохмач» (И. Коваленко. Откро-

веня юного Слоева.— «Октябрь», 1966, № 12); *фирмач* 'капиталист, возглавляющий торговую или промышленную фирму': «Большинство участников выставки — бизнесмены, деловые люди Запада. Из 1800 экспонентов тысяча — это „фирмачи“, представляющие капиталистический мир» («Ленинградская правда», 11 сентября 1965).

Несколько по-иному окрашены имена существительные с суффиксом *-ач* в следующих примерах: *щупач* (разг.) — 'лицо, занимающееся телепатией — передачей мыслей на расстоянии': «Телепаты, щупыватели мыслей, щупачи» и «Как вы не понимаете, что все эти ваши замыслы с легкостью прочтет первый попавшийся щупач» (А. Бестер. Человек без лица. Перевод с английского Е. Коротковой. М., 1972); *толкач* — (разг.) 'человек, который толкает других людей': «На токйском вокзале Синдзюку в половине девятого утра вступают в действие бригады „толкачей“. Их специально нанимают из крепких мускулистых студентов, чтобы запрессовывать пассажиров в вагоны» (Вс. Овчинников. Ветка сакуры.— «Новый мир», 1970, № 3). И в этих случаях наблюдается общезыковая тенденция: существительные *щупач*, *толкач* не могут считаться названиями профессии и относятся к разговорному стилю, экспрессивно окрашены.

Проследив судьбу суффикса *-ач* в русском языке с общеславянского периода до последнего времени, можно отметить, что сначала этот суффикс был продуктивным в образовании слов со значением профессии, но постепенно он теряет свою активность. Наряду со значением профессии слова с этим суффиксом развивают значение характеристики человека, переходя из нейтрального слоя лексики в разговорный, приобретают яркую экспрессивную окраску. При этом новообразования на *-ач* отличаются резко отрицательным характером оценки. Названия новых профессий, которые были бы общепотребительны и нейтральны, с этим суффиксом не возникают.

П. П. КАБАНОВА

КАК ПОЛЬЗОВАТЬСЯ СЛОВАРЯМИ

Все знают, что такое словарь. Это сборник слов (обычно в алфавитном порядке), с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык. В зависимости от задач словаря разным бывает и состав слов, по-разному они располагаются и объясняются. Чтобы получить настоящую помощь от словарей, необходимо не только знать, какие они бывают, но и уметь ими пользоваться.

Если вас интересует, что означает то или иное слово в русском литературном языке, в каких случаях его уместно употреблять, обращайтесь к толковому словарю. В многотомных толковых словарях есть также краткая справка о происхождении слова; значения слова в них подтверждаются выдержками из произведений художественной литературы.

После Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране издано четыре толковых словаря современного русского языка, получивших мировое признание: 4-томный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935—1940); 17-томный «Словарь современного русского литературного языка (1948—1965)»; 4-томный «Словарь русского языка» (1957—1961) и одготомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (1—12-е изд., 1949—1978).

Если у вас возникли трудности, как правильно произнести то или иное слово, где в нем поставить ударение, обращайтесь к словарю ударений, к орфоэпическому словарю, к справочникам по культуре русской речи. Назовем лишь некоторые из них: «Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник». Под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (1959), «Словарь ударений для работников радио и телевидения». Составители Ф. Л. Агеенко и М. В. Зарва. Под редакцией Д. Э. Розента;

ля (3-е изд., 1970); «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник». Редактор К. С. Горбачевич (1973).

Понять то или иное фразеологическое выражение поможет фразеологический словарь. Объяснение пословиц и поговорок, крылатых слов и образных выражений дадут словари пословиц, поговорок и крылатых слов. Для этого можно рекомендовать: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова (1-е изд., 1967; 3-е изд., исправленное и дополненное, 1978); справочник «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной (3-е изд., 1966); «Словарь русских пословиц и поговорок», составленный В. П. Жуковым (1966); «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» в 2-х томах А. М. Бабкина и В. В. Шендецова (1966).

Найти подходящее равнозначное слово (синоним) поможет вам синонимический словарь. Советские языковеды подготовили несколько таких словарей. Это «Словарь синонимов русского языка» в 2-х томах под редакцией А. П. Евгеньевой (1970—1971), «Словарь синонимов», редактор А. П. Евгеньева (1975), «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой (1968).

Напомним, что существуют и другие виды словарей: орфографические — о написании слов; иностранных слов — о значении и происхождении заимствованных слов; этимологические — о строении и происхождении слов с древнейших времён; исторические — о развитии и изменении лексики в определённый период; топонимические — о географических названиях; областные или русских народных говоров — о диалектных словах; словари языка писателя дают описание всего словарного богатства писателя; трудностей словоупотребления — характер наиболее типичных языковых и речевых ошибок и неправильностей. Перечень словарей, созданных советскими языковедами, можно было бы продолжить; о некоторых из них рассказывалось на страницах «Русской речи» (1968, № 6; 1969, № 3; 1970, № 5; 1973, № 2, 5; 1975, № 2; 1976, № 3; 1977, № 3 и др.).

Как же пользоваться словарями? Прежде всего необходимо познакомиться с целями и задачами словаря. Об этом можно прочитать во вступительной части. Она может быть названа по-разному: Предисловие; Введение; Как пользоваться словарем; Общие сведения о словаре и т. п. Следует помнить, что вступительная часть — ключ к словарю.

В словаре-справочнике «Русское литературное произношение и ударение» (1959) так и написано: «Читатель! Прежде чем обращаться за справками к словарю, надо познакомиться с разделами „Как пользоваться словарем“ и „Сведения о произношении и ударении“». В предисловии обычно рассказывается о составе слов, приемах их толкования и т. п. Раздел «Сведения, необходимые для пользующихся словарем» в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (изд. 9-е, испр. и доп., 1972) сообщает: «В соответствии с задачами словаря в него, как правило, не помещаются: 1) специальные слова, которые являются узкопрофессиональными...; 2) местные, диалектные слова...; 3) слова с явно выраженным грубым оттенком; 4) старинные или устаревшие слова, выпавшие из языка...; 5) сложносокращенные и сложносоставные слова, а также буквенные сокращения...; 6) собственные имена различных типов — личные, географические, названия учреждений и т. п.».

Мы назвали лишь шесть пунктов § 2. Зная их, читатель не будет искать в этом словаре такие термины, как *аванкамера*, *атриум*, *барраж*; собственные имена: *Геннадий*, *Тарханы*, *Сочи*, *Тянь-Шань*, *Кара-Богаз*, *Улан-Удэ*. Чтобы найти справку об этих словах, следует обратиться к другим словарям: орфографическому, этимологическому, топонимическому.

Известно, что слова имеют одно или несколько значений, то есть бывают однозначными или многозначными. Языковеды различают в слове прямое и переносное значения, оттенок значения и употребление (индивидуальное и образное). В 17-томном Словаре прямое и переносное значения помещаются за арабскими цифрами (1, 2, 3...); оттенки значения, закрепившиеся в общелитературном употреблении, выделяются двумя вертикальными чертами (||); возможности употребления еще не устоявшегося слова в языке показываются за знаком «ромб» (◇); фразеологические сочетания — за знаком «тильда» (∞); образное устойчивое употребление слова выделяется звездочкой (*). Так, при втором значении слова *задерживаться* ‘замедлять, прекращать свое движение; останавливаться’, которое употребляется в разговорной речи, показан его оттенок: || Сосредоточиваться на чем-либо. «[Козлов] посвятил Райского... в тайны разума древнего мира, но задержать его надолго, навсегда, как сам задержался на древней жизни, не мог» (Гончаров. Обрыв). Показано употребление этого глагола: ◇ О взгляде. «Взгляд Малика на мгновение задер-

жался на его больших, обутых в матово сверкавшие сапоги ногах» (Б. Полевой. Рождение эпоса). Образное употребление подтверждается цитатой из романа К. Федина «Первые радости»: «* Весна, когда совершит перелом, задерживается на какое-то время, приостанавливается, чтобы почувствовать свою победу».

В толковый словарь русского литературного языка помещается самая разнообразная общеупотребительная лексика. Ее состав всегда оговаривается в предисловии. Слова, характерные для какой-либо языковой сферы, как правило, имеют особую стилистическую помету и комментарии. В первых трех томах 17-томного Словаря широко применялись пометы: *анат.*, *биол.*, *воен.*, *геогр.*, *истор.*, *лингв.* и др.

В разных областях науки, техники, искусства, спорта употребляются термины, профессионализмы, имеющие одно и то же буквенное обозначение. Если по смыслу слова связаны, то их значения описаны в одной словарной статье. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слово *мост* имеет шесть значений, четыре из которых относятся к специальным областям: 3. Вытянутое положение тела, обращенного грудью вверх и опирающегося на пол, на землю ладонями и пятками (в атлетике, спорт)...; 4. Помост из досок, бревен и т. п., настил (обл. и спец.); 5. Часть шасси автомашины, расположенная под осями (тех.)...; 6. Специальная планка, на которой укреплен ряд искусственных зубов (спец.). В 17-томном Словаре у слова *стол* объясняется семь значений, два из которых употребляются в специальных областях: 5. В древней Руси — княжеский престол...; 7. *Спец.* Гора, возвышенность, имеющая плоскую вершину и крутые склоны.

В толковых словарях помещаются и слова-омонимы (заметим, что существуют и специальные словари омонимов). Вот, например, как даны омонимы в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова (1972):

*Среда*¹, *ы* вин. *среду́*, мн. *сре́ды, сред, сре́дам*, ж. 1. Вещество, заполняющее пространство, а также тела, окружающие что-н. *Воздух — среда, в которой распространяется звук.* 2. Окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов. *Географическая среда.* 3. Окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий. *Из рабочей среды. В нашей среде. Среда заела кого-н.* (о невозмож-

ности расти, развиваться из-за неблагоприятного окружения; шутл.).

*Среда*², -ы, вып. *сре́ду*, мн. *сре́ды, сред, сре́дам* и *сре́дам*, ж. Третий день недели, следующий после вторника.

В толковых словарях можно также навести справку о новых словах. Правда, регистрация нового слова в словаре не всегда совпадает с его появлением. «Слово *летчик*, — писал языковед А. В. Калинин, — впервые зафиксировано „Толковым словарем русского языка“ под редакцией Д. Н. Ушакова в 1938 году, хотя широко употреблялось в 20—30-х годах, а в индивидуальном употреблении встречалось и раньше (см. в стихотворении В. Хлебникова „Тризна“, написанном в годы первой мировой войны: „Полк стоит, глаза потупив, Тень от летчиков в пыли“). Новое слово может быть отмечено в словаре посредством особых лексикографических помет. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова особая помета «нов.» (новое) ставилась при слове или значении, которые появились в русском языке во время первой мировой войны, Великой Октябрьской социалистической революции и революционных преобразований в нашей стране. Эту помету получили в основном неологизмы советской эпохи: *колхоз, комсомол, ленинизм, партком, пятилетка* и др. В некоторых современных справочниках все новое, появившееся в речевой практике, имеет помету «допустимо». Так, в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» читаем: *Индустрия* и допустимо *индустри́я*; *Флот*, мн. *флóты*, род. *флóтов* и допустимо *флоты́, флотóв*; *Фольга*, род. *фóльги* и допустимо *фольга́, род. фольги́*.

Новые слова более полно собраны в специальном словаре «Новые слова и значения» (Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов), под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971). Словарь «Новые слова и значения» (М., 1971) зарегистрировал не только новые слова и словосочетания, употреблявшиеся в прессе и литературе 60-х годов, но и новые значения известных слов (они отмечены звездочкой *). Таких «обновленных» слов около 230: *второй, география, гроссмейстер, железка, информация, корона, маяк, подушка, серпантин, цепной* и др. Многие новые значения появляются только в определенных сочетаниях слов (их в этом словаре около 40): *второе дыхание, воздушная подушка, круглый стол, на всю железку, цепная реакция* и др. При составлении спра-

вочника «Новые слова и значения» лингвистами обследована и изучена литература определенного периода, заложен фундамент для создания серии таких словарей.

Работая с толковыми, орфографическими и другими словарями, следует всегда помнить о времени их создания. То, что было правильным и нормативным в период составления словаря, в настоящее время может оказаться устаревшим и даже неправильным. Например, ряд рекомендаций «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова сейчас не отвечает нормам современного русского употребления. Слова *генерал, офицер, полковник, солдат* и др. имеют при себе помету «дореволюц.», *наставник* — «книжное, устарелое», *династия* — «устарелое». Сейчас эти слова широко употребляются в новом, переосмысленном значении, которого, разумеется, не может быть в словаре, составленном в 20—30-е годы. Особенно с большой осторожностью надо пользоваться орфографическими словарями русского языка. Для наведения справок по современному правописанию не следует обращаться к орфографическим словарям, изданным до 1956 года.

Новые «Правила русской орфографии и пунктуации», утвержденные АН СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР, были изданы в 1956 году. При сравнении разных изданий школьных Орфографических словарей можно обнаружить разное написание многих слов. Орфографический словарь 1940 года рекомендовал, например, писать: *аксесуар, бестолку, безудержу, безумолку, во-свосяси, врозницу, насмех, перон, по-двое, югозападный*; Орфографический словарь 1957 года предписывает иное употребление: *аксессуар, без толку, без удержу, без умолку, воссвосяси, в розницу, на смех, перрон, по двое, юго-западный*.

Новые рекомендации, исправления и дополнения вносятся во все без исключения словари и справочники. Наводить те или иные справки о правописании, происхождении, о стилистической характеристике слов нужно всегда по последним изданиям.

В. Н. СЕРГЕЕВ
Ленинград



Иван
Афанасьевич
ВАСИЛЕНКО

1899—1970

Известный русский советский языковед и педагог Иван Афанасьевич Василенко родился 8 июля 1899 года в селе Веселое Запорожской области в крестьянской семье. После окончания Мелитопольского педагогического института и аспирантуры при кафедре русского языка Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина И. А. Василенко защитил в 1937 году кандидатскую диссертацию — «Функции союзов в „Русской правде“», выполненную под руководством академика С. П. Обнорского, крупнейшего специалиста по русскому языку и его истории. На материале «Русской правды», «Повести временных лет», новгородских, псковских, смоленских, двинских грамот в диссертации описаны структурные и семантические функции союзов. Исследование представляет научный интерес для исторического синтаксиса русского и других славянских языков. Уже в этой работе молодого ученого определился широкий круг его будущих интересов — история русского языка и проблемы синтаксиса, особенно сложного предложения.

В 1958 году И. А. Василенко успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Сложное предложение в современном русском литературном языке», написанную на основе изучения огромного и разнообразного лингвистического материала (16 000 употребле-

ний конструкций). Строгая доказательность, внимание к языковым фактам, неприятие надуманных схем характерны для диссертации. Разные стороны структурно-семантического построения сложного предложения рассматриваются в их взаимодействии; выбор синтаксических средств связи между частями сложного предложения обусловлен не только его структурой, но и содержанием.

Проблеме сложного предложения посвящены многие работы И. А. Василенко. В статьях «Сложное предложение с соподчинением» и «Последовательное подчинение в современном русском языке» («Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина». Вып. 5, 1956 и вып. 6, 1959) автор показывает тесное смысловое и синтаксическое единство сложных предложений. В этих работах И. А. Василенко заложены основы изучения сложных предложений в теоретическом плане, приемов и методов их описания.

В работах, посвященных изучению сложного предложения в отечественном языкознании дореволюционного и послереволюционного периодов, И. А. Василенко показывает, как исторически развивалось это учение. Труды И. А. Василенко о сложном предложении во многом определили пути дальнейших исследований в этой области.

Внимание ученого привлекали вопросы истории русского языка, сравнительно-исторического изучения восточнославянских языков, русских народных говоров и т. д. Перу Ивана Афанасьевича принадлежит более 70-ти работ по русскому и славянскому языкознанию.

Трудовая деятельность И. А. Василенко тесно связана с преподаванием русского языка в различных педагогических институтах страны: Удмуртском — в Ижевске, Московском областном и Московском городском, Коми — в Сыктывкаре. С 1944 года И. А. Василенко заведовал кафедрой русского языка в Московском городском педагогическом институте имени В. П. Потемкина. В 1960 году этот институт был объединен с Московским государственным педагогическим институтом имени В. И. Ленина. С этого времени и до последних дней жизни И. А. Василенко заведовал кафедрой общего языкознания в МГПИ имени В. И. Ленина.

После Великой Отечественной войны остро встал вопрос о необходимости создания учебников и учебных пособий для студентов очных и заочных отделений педагогических институтов. И. А. Василенко подготовил несколько десятков книг и брошюр по современному русскому языку, диалектологии и исторической грамматике русского языка. Некоторые из созданных им учебных пособий выдержали несколько изданий, а сборник упражнений по истори-

ческой грамматике русского языка до сих пор используется в учебном процессе.

И. А. Василенко является автором или ответственным редактором многих программ по различным дисциплинам языковедческого цикла для филологических факультетов педагогических институтов: современный русский литературный язык, историческая грамматика русского языка, русская диалектология, история русского литературного языка, старославянский язык, стилистика русского языка.

Видный языковед, И. А. Василенко внимательно следил за новинками советского языкознания и на страницах печати откликался на все значительные работы в этой области: им написан ряд содержательных рецензий на научные труды и учебники по русскому языку. Интересны юбилейные статьи Ивана Афанасьевича об отдельных лингвистах, а также об истории научных коллективов. Это — оценка достижений ученых, сделанная опытным и вдумчивым исследователем.

Большое внимание уделял И. А. Василенко подготовке научных кадров, повышению квалификации преподавателей вузов.

В небольшой статье трудно с достаточной полнотой осветить многогранную и многолетнюю научно-педагогическую деятельность Ивана Афанасьевича Василенко — человека большой души, неутомимого исследователя и вдумчивого педагога, активного деятеля советской высшей школы. Вся его жизнь — пример беззаветной, самоотверженной преданности своему делу, служения науке.

И. А. Василенко проявлял огромную заботу и о средней школе, подготовке учителей-словесников. Его многочисленные ученики работают в высших и средних учебных заведениях разных городов нашей страны, продолжая благородное дело своего учителя.

А. Н. СТЕЦЕНКО, И. Г. ДОБРДОМОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«Как правильно писать: *учебник математики* или *учебник по математике*, *очерки истории* или *очерки по истории*?» — спрашивают А. С. Митягина (Ижевск) и Н. М. Квитинский (Нальчик). Сочетания *учебник математики*, *очерки истории* и т. п. являются устаревшими. В современной речи употребляются такие сочетания с предлогом *по*, который указывает на связь с чем-либо.



ПЕРВАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Мысль об использовании приемов географии при изучении языков и диалектов зародилась в России в начале XIX века. В 1820 году академик П. И. Кенпен, один из организаторов Русского географического общества, высказал пожелание о том, чтобы, во-первых, «со временем какое-либо учебное заведение познакомило публику со всякими наречиями отечественного нашего языка с приложенным списком слов оных и, во-вторых, чтобы были собраны известия о всех языках и наречиях, употребляемых в нашем отечестве, которые удобно изложить можно в виде атласа языков» (С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. 1, СПб., 1904).

Однако для того, чтобы показать на карте очертания наречий и говоров русского языка, занимающего обширную территорию, необходимы были большие материалы. Между тем журнал «Сын отечества» в том же 1820 году сообщал: «У нас нет еще не только надлежащего обозрения и истолкования наших наречий, но и вовсе не имеется к тому материалов». Журнал предлагал «собирать областные наречия» и тем способствовать «составлению сначала обозрения, а потом словаря и сравнительной грамматики русских провинциализмов». Таким образом, пожелание П. И. Кенпена создать атлас языков и наречий, «употребляемых в нашем отечестве», было в то время неосуществимо. Следует иметь при этом в виду, что в начале XIX века были, как писал академик И. И. Срезневский, не отмеченными и «общие границы области русского языка» (Вестник русского географического общества. СПб., 1851).

В уточнении границ ареалов русского и других восточнославянских языков известная роль принадлежит этнографическим картам. Среди них одной из ранних была карта распространения славянских народов в книге П. И. Шафарика «Славянское народопи-

сание» (перевод О. М. Бодянского, М., 1843). На этой карте разными цветами обозначены границы распространения славянских народов, их языков и некоторых наречий. На территории России показаны площади, занимаемые русскими (welikorusi), новгородцами (povohradsti), белорусами (belorusi), украинцами (malorusi). Соответственно в описании названы наречия великорусское (в его составе новгородское), белорусское, малорусское.

Карта Шафарика составлена очень приблизительно. Срезневский, имея в виду языковые границы на ней, справедливо заметил, что они проведены «более по предположениям и часто неверно» (Замечания о материалах для географии русского языка).

Значительно точнее «Этнографическая карта Европейской России», составленная П. И. Кеппеном (СПб., 1852, изд. 3). Срезневский высоко оценил этот труд Кеппена, назвав его «первым отчетливым пособием для составления карты русского языка... В ней в первый раз представлены верно границы пространств, на которых не господствует русский язык, как общенародный...» (там же). На карте показана территория, занимаемая русским народом и языком, причем Украина и Белоруссия как самостоятельные области еще не выделяются, но обозначены территории, занимаемые некоторыми нерусскими народностями.

Этнографические карты Шафарика и Кеппена предшествовали появлению первых диалектологических карт. Однако до создания первых опытов диалектологических карт предстояло собрать большой диалектный материал и теоретически осмыслить ряд общих проблем.

Интерес к проблемам происхождения языка, его наречий и говоров был в то время велик. Предпринимались попытки классификации говоров М. А. Максимовичем, И. П. Сахаровым, В. И. Далем. Они уточняли, хотя тоже еще приблизительно, более ранние классификации наречий в работах М. В. Ломоносова и Н. И. Надеждина. В связи с этим возникали проблемы показа распространения говоров на карте, проблемы лингвогеографические. Разработка многих из них связана с именем И. И. Срезневского. В работе «Замечания о материалах для географии русского языка» (далее все примеры отсюда) он писал: «Вопросы географические в языкознании — самые современные, новее и занимательнее их еще не найдено, и в исследованиях о языке русском они заняли свое место почти в то же время, как в исследованиях о других языках Европы» (с. 3). «Во всяком крае, — продолжал ученый, — есть свой язык, свое наречие, свой говор. Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае и каково было влияние местных обстоятельств на состояние языка в разных краях — вот задача географии языка» (с. 4). Изучить вопрос «о границах, о про-

странстве наречий и говоров русского языка, отдел, какого бы порядка ни держаться — должен занять первое место» (с. 8). Поэтому Срезневский говорил о «первой и насущной потребности новой науки — составлении языковых карт». Карта, по мысли ученого, должна иметь такой вид: «Первой принадлежностью этой лингвистической географии должна быть, как всякому понятно, карта языков, наречий и говоров, карта, на которой место границ политических, религиозных и всяких других занимают границы лингвистического разнообразия народов. Границы языка обведены как границы государства, границы его наречий, как границы областей, границы местных говоров каждого из наречий как границы округов и волостей каждой области» (с. 6).

Эти принципы, как увидим дальше, легли в основу первой диалектологической карты 1868 года.

К этому времени значительно продвинулось и изучение русских говоров. Были собраны большие материалы по лексике говоров и опубликованы фундаментальные для того времени словари — «Опыт областного великорусского словаря» (СПб., 1852), «Дополнение к Опыту областного великорусского словаря» (СПб., 1858); записано много фольклорных материалов, стали известны основные фонетические особенности говоров. Продолжал работать над своим словарем прекрасный знаток русских говоров В. И. Даль.

В 1868 году в учебнике «Практическая грамматика русского языка» для народных училищ Н. Алябьева (ч. II, М., 1868) публикуется диалектологическая карта. Отметим, что она появилась еще до того, как немецкий ученый Г. Венкер приступил к собиранию материалов для «Лингвистического атласа германского государства» (1876).

В истории русской диалектологии и лингвистической географии эта карта не оставила заметного следа. В общих работах, учебниках по диалектологии она не упоминается. Исключение составляет «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе» (Труды Московской диалектологической комиссии, вып. 5, М., 1915), где в подстрочных примечаниях она называется среди некоторых карт, предшествовавших появлению «Опыта», а также в работе Р. Р. Гергарджа «Очерки по истории языкознания...» (1945). В комментариях к «Атласу русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» в разделе «Ранний период в истории лингвистической географии русского языка» (М., 1957) сведения об этой карте отсутствуют. Между тем она представляет интерес как опыт раннего, первого картографирования наречий восточнославянских языков, как отражение состояния материальной базы диалектологии того времени, некоторых теоретических взглядов на развитие языков и принципов лингвистического картографирования.

Учебник Н. Алябьева «Практическая грамматика русского языка для народных училищ» отличается от традиционных учебников: В нем имеется раздел о народных говорах с образцами текстов («объяснение областных наречий»), сведения по истории языка с текстами из памятников письменности и «Карта европейской России» (диалектологическая, см. рис.). О ней автор пишет: «Для наглядности же, которую считаю важным условием при обучении, я приложил два рисунка [строение органов речи] и карту, составленную мною отчасти с мнениями г. Даля».

Нетрудно догадаться, что автор карты имеет в виду статью В. И. Даля «О наречиях русского языка», в которой изложена классификация наречий. Однако, как видно из приведенной цитаты, классификация Даля показана на карте не во всех деталях («отчасти с мнениями г. Даля»).

Четыре главные наречия (новгородское, рязанское, владимирское, смоленское), показанные на карте Н. Алябьева, совпадают, в основном, по названиям и территории с теми, которые приводятся в статье В. И. Даля.

На карте не показано наречие «сибирское», как его называет В. И. Даль, так как оно находится за пределами представленной на карте территории. Придерживаясь принятой в то время точки зрения, автор карты показывает наречие «малороссийское» (В. И. Даль его не рассматривает — «здесь не будет речи о языке малорусском»). На карте объединены и названы «смешанным» два наречия, которые В. И. Даль называет «донским» и «новороссийским».

Обращает на себя внимание изображение ареалов наречий, как замкнутых языковых объединений, границы которых обычно совпадают с границами административных делений. Недостаточная звуочность русских говоров в то время вынуждала к обобщению имевшихся сведений, к обобщенному показу территорий. Это характерно и для далевской классификации, и для карты Алябьева.

Сам автор считал свою карту пробным шагом в картографировании говоров. Он писал: «Конечно, такое деление основывается на самых видных, резко бросающихся в глаза особенностях; но если вникнуть подробнее в каждую из этих групп, то увидим, что деление должно продлить еще далее. В прилагаемой карте вы увидите приблизительные границы каждой группы, означенной разными цветами, самый же говор можно видеть из прилагаемых образцов на каждую группу» (Практическая грамматика русского языка для народных училищ). Это перекликается с тем, что писал о трудностях размежевания отдельных наречий и говоров И. И. Срезневский: «Несравненно более затруднений представится составителям карты русского языка при определении границ внутренних линий, по которым отделяются одни от других русские наречия и говоры».



Диалектологическая карта Европейской России (1868)

1 — новгородское, 2 — владимирское, 3 — московско-рязанское, 4 — смоленское, 5 — малороссийское, 6 — смешанное

Дело это у нас в России еще почти не начато» (Замечания о материалах для географии русского языка). Не случайно с точки зрения современной диалектологии эта карта представляется очень несовершенной и сильно отличается от современной диалектологической карты.

За картой Н. Алябьева последовали многие другие — посвященные отдельным диалектным особенностям, сводные, атласы. Но у истоков всего этого длительного, сложного процесса лингво-географического изучения говоров находится первая диалектологическая карта — «Карта европейской России» 1863 года, опирающаяся на далевскую классификацию.

И. А. ПОПОВ
Ленинград

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

ИЩИТЕ «СВОИ СЛОВА»

На письменном экзамене по русскому языку и литературе поступающий в вуз должен показать не только знание про-

граммного материала, но и свою культуру, умение рассуждать и четко излагать свои мысли. Для этого абитуриенту необходимо хорошо владеть стилем письменной речи. Стилистические недочеты в экзаменационных сочинениях значительно снижают их качество и при выведении оценки могут стать причиной самых низких баллов, даже если писавшему удалось избежать орфографических и пунктуационных ошибок. Каким же должен быть стиль сочинения, чтобы экзаменаторы остались им довольны? Что нужно знать поступающему, чтобы выражать свои мысли правильно, литературно?

Несомненно, стиль речи зависит от ее содержания. Если вы пишете об исторической эпохе, которая наложила отпечаток на мировоззрение и творчество писателя, характеризуете литературные течения, эстетические взгляды поэта, говорите о его философских исканиях, — безусловно, стиль вашей речи будет приближаться к научному, публицистическому.

Если же вы рисуете вашего любимого героя, вспоминая наиболее интересные страницы его биографии, подчеркивая самые яр-

кие особенности его характера и воссоздавая милые черты его вообразимого облика, ваша речь уподобится художественной, она будет особенно эмоциональной, образной.

Давая критическую оценку художественному произведению, вы привлекаете арсенал языковых средств, обычно используемых критиками, и ваш стиль впитает черты стиля критических статей.

Наконец, если вам захочется рассказать о себе, сделать экскурс в детство или вспомнить первые шаги в избранной вами профессии (что возможно в сочинениях на свободную тему), вы невольно обратитесь к средствам разговорного стиля речи: используете эмоционально-экспрессивную лексику, звучащую непринужденно и просто, употребите профессионализмы. В каждом случае выбор языковых средств стилистически обоснован, возвышенные мысли, высокие материи обращают нас к торжественному стилю и, напротив, будничные явления, «низменные» предметы «снижают» стиль речи.

Всегда ли соответствует стиль экзаменационных сочинений их содержанию, чувствам, настроению их авторов? Увы, далеко не всегда. Например, о своей любви к пушкинской поэзии девушка пишет так: «Мое знакомство с Пушкиным состоялось со „Сказки о рыбаке и рыбке“, когда маленькая курносая девчонка залезла на диван и, сжавшись калачиком, начала по складам читать первые строки сказки. И начиная с этого момента у меня завязалась крепкая дружба с поэтом. Но беззаветно любя его стихи, ценила ли я их по заслугам?..». Сниженные по стилистической окраске слова, (*курносая девчонка, залезла*), разговорные выражения (*завязалась крепкая дружба, ценила по заслугам*) стилистически неуместны в контексте, как и словосочетания, тяготеющие к официально-деловой речи (*состоялось знакомство, начиная с этого момента*). Об отсутствии лингвистического чутья у автора свидетельствуют и такие «оговорки»: *знакомство состоялось со сказки, по слогам читать... строки* (по слогам можно читать лишь слова), *сжавшись калачиком* (калачиком сворачиваются) и т. д.

Очень часто абитуриенты не умеют выбрать из ряда близких по значению слов такие, которые по стилистической окраске соответствовали бы стилю сочинения, содержанию речи. Неуместно, например, использование эмоционально-экспрессивной лексики в таких фразах: «Все гоголевские помещики *тунеядцы, бездельники и дистрофики*»; «Ноздрев был *заядлый забияка*»; «Мне *безумно* нравятся произведения Гоголя, я его *просто боготворю* и считаю себя *жертвой* его таланта» (наверное, слово *жертва* автор употребил по ошибке вместо *поклонник, почитатель...*).

Человек, пренебрегающий требованиями стилистического от-

бора языковых средств, не задумываясь, пишет: «Когда Татьяну представляли Онегину, ни одна жила не дрогнула на лице светской дамы»; «Встреча с Наташей, лунная ночь в Отрадном сделали свое дело...»; «Мы знакомимся с помещицей Коробочкой. Это торговка, тупая и темная»; «Собакевич всех считает подлецами, но сам он тоже хороший подлец». Конечно, употребление грубых слов, смешение разностильной лексики в таких случаях не мотивировано и свидетельствует о неумении стилистически правильно оформить мысль. Однако столь резкое нарушение стилистических норм письменной речи встречается в экзаменационных сочинениях не так уж часто.

Большой ущерб стилю наносит иное зло — привычка недавних школьников писать о великих мастерах слова, о любимых литературных героях бесцветным, невыразительным языком, нередко сохраняющим оттенок официально-делового, канцелярского стиля. То и дело в сочинениях читаем: «Радищев отрицательно относится к царскому самодержавию»; «Грибоедов отрицательно относится к фамусовскому обществу»; «У крепостников есть одна характерная черта: все они развращены барством»; «Татьяна является моим любимым литературным героем»; «Катерина, по определению Добролюбова, является „лучом света в темном царстве“»; «Печорин не участвовал в декабристском движении»; «Ниловна не участвовала в сцене с болотной копеечкой»; «Павел участвует в демонстрации»... Употребление одних и тех же слов при описании самых различных литературных героев, повторение штампованных выражений лишает речь живости, придает ей канцелярскую окраску. Казалось бы, откуда в языке юношей и девушек, еще недавно сидевших за партой, канцеляризм? И все-таки мы постоянно находим их в сочинениях: «Пушкин дал положительную характеристику Татьяне»; «Татьяне была характерна вера в „преданья простонародной старины“»; «Онегин предпринял попытку заняться общественно полезным трудом» и т. д. Чуть ли не в каждом сочинении можно встретить глагольно-именные сочетания, которые вытесняют простое глагольное сказуемое: «Татьяна проводила свое время в чтении французских романов»; «Разговор Татьяны с няней происходит ночью»; «В саду происходит объяснение Онегина с Татьяной» — вот лишь некоторые примеры «расщепления сказуемого» в сочинениях о романе в стихах Пушкина. А сколько таких глагольно-именных сочетаний употребляют абитуриенты в сочинениях на другие темы! Например: «Французские солдаты подвергли всё грабежу и мародерству», «У Ниловны происходит рост революционной сознательности», «У матери начинаются размышления» и многие другие.

Молодые люди, поступающие в вузы, почему-то питают удивительное пристрастие к отглагольным существительным, не понимая, что они придают речи неуместную канцелярскую окраску: «Манилов все свое время *проводит* в *строительстве* воздушных замков»; «Когда после отъезда Хлестакова жандарм сообщает о приезде настоящего ревизора, все чиновники *приходят* в *окаменение*»; «Нагульнов *допускает* избивание кулаков»; «Давыдов *ведет* борьбу за создание колхоза, *организация* которого связана с *ломом* собственнических пережитков в сознании казаков».

Нередко свою «любовь» к отглагольным существительным пишущий демонстрирует уже в самом начале сочинения, открывая его штампованной фразой: «*Написание* романа (повести, поэмы) относится к эпохе...». Или: «*Создание* произведения писателем было связано с...». Иногда можно встретить такие формулировки: «*Для раскрытия* образа Татьяны очень много дает эпизод ее *беседы* с няней» или: «*Для понимания* замысла писателя важное значение имеет *раскрытие* мотивов, которыми руководствуется главный герой»? Почему бы не написать иначе, например хоть так: «*Чтобы понять* Татьяну, вспомним, как она *говорит* с няней» или: «*Чтобы проникнуть* в замысел писателя, необходимо *понять* мотивы, которые руководят действиями главного героя?»

Конечно, нельзя требовать от абитуриентов, чтобы они совсем не использовали в сочинениях отглагольных существительных, это было бы другой крайностью. В книжных стилях речи есть немало терминов, образованных от глаголов с помощью специальных суффиксов и без них, и обращение к ним в сочинениях вполне оправдано. Это такие слова, как *развитие*, *описание*, *изображение*, *выступление*, *формирование*, *протест*, *возврат*, *отрыв* и другие. Однако словам, придающим речи канцелярскую окраску, не место в сочинении.

Поступающий должен задуматься над стилистической окраской своей речи и отказаться от речевых штампов, вынесенных им, возможно, с уроков литературы, на которых когда-то бесстрастно препарировали художественные произведения («Онегин — *типичное явление* преддекабристской эпохи», «Печорин — *типичное явление* своего времени», «Кирсанов — *типичный представитель* либерального дворянства», «Базаров — *типичный представитель* разночинной молодежи», «Дикой — *типичный представитель* „темного царства“»).

Язык сочинения должен быть выразительным, эмоциональным. Таким он может стать лишь при условии, если пишущий не будет повторять заученных фраз, общезвестных книжных формулировок, а постарается «найти свои слова» для выражения мыслей и чувств. Приведем отрывки из сочинений, написанных ярким,

хорошим языком: «Самым грандиозным созданием ума и рук человеческих для Маяковского в 20-е годы был Бруклинский мост, который поэт увидел в Америке. В этой „стальной миле“ его восхищала „борьба за конструкции вместо стилей, расчет суровый гаек и стали“. Поэт мог только мечтать, что в его родной стране, на Родине социализма, будут построены такие величайшие плотины, электростанции, заводы-гиганты, рядом с которыми померкнет величие Бруклина. Это нам, советским людям шестидесятых годов двадцатого века, выпало счастье быть современниками таких строек, как Братская ГЭС...». Еще пример: «Хотя Ниловне только сорок лет, она считает себя старухой. Она почувствовала себя старой, не пережив по-настоящему ни детства, ни юности, не испытав радости „узнавания“ мира. Как бы подчеркивая ужасное прошлое Ниловны, Горький так рисует ее портрет, что в нем преобладают печальные, серые тона: „Была она высокая, немного сутулая, ее тело, разбитое долгой работой и побоями мужа, двигалось бесшумно и как-то боком... Над правой бровью был глубокий шрам... Вся она была мягкая, печальная и покорная“. Удивление и страх — вот что постоянно выражало лицо этой женщины. Печальный образ матери не может нас оставить безучастными...».

В первом отрывке выразительность речи придает умелое использование экспрессивной лексики, второй привлекает эмоциональными эпитетами; образность речи подчеркивает удачная цитация авторов, анализу творчества которых посвящены сочинения.

Однако далеко не всегда стремление абитуриента придать стилю изложения выразительность, эмоциональность реализуется успешно.

Многие абитуриенты не умеют использовать в речи синонимы, хотя в школе о них немало говорилось, и проявляют полную беспомощность, когда из синонимического ряда слов для выражения мысли надо выбрать самое точное, единственно необходимое в тексте. «Мне нравится *деловитость* князя Андрея», — пишет абитуриент; «Речь Дикого *кишит* грубыми выражениями», — замечает другой; «Павлу удалось *повлечь* за собой народные массы,» — утверждает третий и не подумают о том, что о князе Андрее лучше было бы сказать «*деятельный, энергичный*», речь может *изобиловать, пестрить* грубыми выражениями, а о революционном вожаке говорят, что он *повел* за собой народ.

Умелое использование синонимических богатств родного языка помогло бы избавиться от неуместного повторения слов в сочинениях («Глубоко веря в *силы народа*, великий полководец Кутузов опирается в своих действиях на *силы народа*»), от тавтологии —

стечения однокоренных слов («Жители Калинова живут скучной, однообразной жизнью»), наконец, от нарушения лексической сочетаемости, возникающей из-за неправильного выбора синонима: «Андрей искренно влюбляется в Наташу» (наречие и глагол в этом случае не сочетаются, *искренно* можно *любить*, а влюбляются *пылко, пламенно, с первого взгляда* и т. д.). Нарушение лексической сочетаемости может стать причиной комизма и абсурдности высказывания: «Долохова за его бесшабашность *произвели в солдаты*» (производят в офицеры, а в солдаты могут разжаловать); «Половцев — *выходец из богатой семьи*»; «В этой неравной схватке они *одержали поражение*».

Несомненно, зная, что такое антонимы, абитуриенты зачастую не умеют их использовать в речи и даже не замечают, как столкновение их в предложении становится причиной нелогичности, порождает неуместный каламбур. Например: «В Плюшкине мы видим *живой тип мертвого* человека»; «*Старуха* Изергиль тогда была *молода* и красива»...

Многих речевых ошибок в сочинениях можно было бы избежать при внимательном отношении к слову. Не утруждая себя анализом оттенков значения однокоренных «похожих» слов, абитуриент пишет: «Это была спокойная, *чувственная* девушка» (о пушкинской Татьяне); «Она охотно отдала бы эту *праздничную* жизнь за то место, где она встретила Онегина», — и не подозревает, что смешение паронимов искажает смысл фраз. К такому же печальному результату приводит и неразличение созвучных слов, возникающее под влиянием ложных ассоциаций, когда из-под пера абитуриента выходят странные утверждения: «Драматург изображает *закостенелое* мещанство»; «Горько страдает Тихон, ставший *косным* виновником гибели Катерины» и под. К сожалению, еще нередко приходится отмечать использование слов без учета их значения как речевую ошибку в экзаменационных сочинениях. Их авторы сообщают, что «Коробочка жила *понаслышке*», «Пьер тратил свои *недюжие* силы на разгул», а «Поэзия Маяковского носит характер *лестницы*». О каком же знании русского языка, о какой культуре речи можно говорить, если молодой человек так бездумно обращается со словом!

В стиле сочинения отражается духовный мир человека, его начитанность, знания, вкусы и симпатии. Известный естествоиспытатель Бюффон сказал: «Стиль — это человек», и с этим нельзя не согласиться. Как же «научиться хорошему стилю»? Как оградить себя от речевых ошибок на письменном экзамене по русскому языку и литературе? В том-то и вся сложность, что хороший стиль нельзя выработать, лишь изучив систему правил и рекомендаций по красноречию, Стиль нельзя «взять напрокат» у мастеров

художественного слова, использующих свою неповторимую палитру языковых средств. Хороший стиль речи нельзя позаимствовать и в учебнике литературы, потому что писать сочинение нужно «своими словами», а не книжным языком пособий... И все же это не значит, что совершенствование стилистической культуры речи неподвластно абитуриенту и хороший стиль — это врожденное свойство, которым судьба отмечает избранных.

Каждый образованный человек должен неизменно работать над стилем своей речи. И хотя совершенствование речевой культуры — это процесс постоянный, неизменно сопровождающий наше духовное развитие, но умение стилистически грамотно выражать свои мысли, правильно и логично строить речь должно быть выработано в средней школе. Поэтому и к стилю сочинений на вступительном экзамене по русскому языку и литературе предъявляются высокие требования.

И. Б. ГОЛУБ

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ДУШЕГРЕЙКА

В знакомой нам с детства «Сказке о рыбаке и рыбке» читаем:

Воротился старик ко старухе
[уже к столбовой дворянке]
Что ж он видит? Высокий терем.
На крыльце стоит его старуха
В дорогой собольей душегрейке...

Сейчас устаревшим словом душегрейка называют порой женскую теплую кофту без рукавов. В прошлом же им (а также словом душегрея) называли короткую (чуть ниже талии) сборчатую, расширенную книзу женскую одежду без рукавов. Она чаще всего была на лямках, застегивалась спереди на пуговицы и носилась на распуск. Она на-



девалась обычно на сарафан. Душегрейки были суконные, ситцевые, шелковые, с вышитым узором, бархатные, на меху — в зависимости от вкуса, но прежде всего от достатка их хозяек,

Оборот с предлогом КРОМЕ

В последние годы практика приема вступительных экзаменов в вуз по русскому языку и литературе показала, что в сочинениях абитуриентов довольно часто встречаются пунктуационные ошибки в предложениях с сочетаниями слов, начинающимися предлогом *кроме*.

Еще два десятилетия назад подобные случаи не вызывали каких-либо сомнений. Однако в последние годы этот вопрос заметно усложнился. В «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956. Утверждены Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР), которые являются основным источником норм для всех носителей литературного языка, относительно пунктуации интересующих нас групп слов (§ 154) говорится достаточно определенно: «Запятыми выделяются слова и группы слов, *ограничивающие или уточняющие смысл предыдущих или следующих за ними слов и присоединяемые к ним непосредственно или посредством слов в том числе, включая, исключая, за исключением, кроме, именно, по имени (по фамилии и т. п.), то есть, или* (в значении 'то есть'), *иначе, иначе говоря, например, как например, скажем, как-то, особенно, даже, и притом и* (в значении 'и притом') и т. п.»

Именно этим правилом и руководствуются экзаменаторы при оценке письменных работ абитуриентов. Казалось бы, все ясно. Однако в некоторых справочниках по практической пунктуации это в общем-то достаточно определенное правило трактуется по-иному. Так, в «Справочнике по орфографии и пунктуации для работников печати» (К. И. Былинский, Н. Н. Никольский. Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати. Изд. 4-е, М., 1970) говорится, что «сочетание слов, начинающееся предлогом *кроме*, выделяется запятыми, если имеет значение 'за исключением того-то': *Все мальчики, кроме Пети и Сережи, отправились за ягодами.* Если же обозначает 'в добавок к тому-то',

‘сверх того-то’, то обычно запятыми не выделяется: *На грядках кроме огурцов вошли уж редька и укроп. Кроме того в тот же день выпал еще и град*».

Сразу следует заметить, что не совсем понятна рекомендация авторов «Справочника» не выделять в последнем примере запятой сочетание *кроме того*, которое обязательно должно быть выделено уже потому, что является вводным словосочетанием. Во-вторых, согласно данной рекомендации в следующих предложениях абитуриентов оборот с предлогом *кроме* может не выделяться запятой:

«*Кроме* верности в дружбе и мужества молодогвардейцам присущи жажда подвига и безграничная любовь к Родине» (в этом примере и во всех последующих сохраняются стиль и пунктуация авторов сочинений); «*Кроме* стремления создать образ типичного представителя прогрессивного молодого поколения поэт хотел разъяснить читателю этот образ»; «Павку *кроме* смелости и мужества характеризует комсомольское стремление к подвигу»; «*Кроме* коммуниста-путловца Семена Давыдова в романе хорошо представлены коммунисты-станичники Андрей Разметнов и Макар Нагульнов». Как видим, авторы сочинений показали свою лингвистическую эрудицию, последовали данной рекомендации и, конечно, были расстроены, узнав, что всем им были засчитаны в данном случае пунктуационные ошибки.

Интересно отметить, что в упоминаемом «Справочнике» на этой же странице читаем: «Запятыми обычно выделяются обороты со словами *помимо, не считая...*» (с. 124). Таким образом, если в приведенных примерах заменить слово *кроме* на *помимо* (а такая замена возможна), смысл предложений остается прежним, а вот выделение запятыми данных оборотов является уже необходимым.

В «Справочнике по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя (Изд. 3-е, М., 1978), предназначенной для работников печати, сообщается, что «обособляются факультативно (в зависимости от смысловой нагрузки, объема оборота, подчеркивания его роли в предложении и т. д.) имена существительные (не понятно, почему только имена существительные, когда это могут быть и местоимения, и прилагательные, и числительные — В. Ф.) с предлогами или предложными сочетаниями *кроме, вместо, помимо, сверх, за исключением, исключая, наряду с* и др. (условно называемые дополнениями) со значением включения, исключения, замещения, т.е. ограничительным или расширительным значением». Далее автор приводит иллюстрации, отражающие особенности пунктуации групп слов с предлогом *кроме* из произведений А. П. Чехова, Б. Н. Полевого, М. А. Шолохова, А. М. Горького, В. Г. Короленко, Э. Г. Казакевича, Н. В. Гоголя и А. Н. Толстого,

и, что интересно, во всех этих примерах данный оборот пунктуационно выделен. Приводятся только два примера, в которых оборот с предлогом *кроме* не выделен запятыми. К сожалению, оба они даны без ссылок на источники (по-видимому, составлены самим автором). Этим примерам предшествует следующая рекомендация: «Обычно не обособляется оборот с предлогом *кроме* со значением включения в предложениях типа: *Кроме зарплаты они получают премиальные...*».

Не совсем понятно, почему не обособляется данный оборот в предложениях подобного типа. Чем он отличается, скажем, от приведенных здесь оборотов с тем же значением в предложениях из произведений А. Н. Толстого («Теперь слышались, *кроме* грачиных, человеческие голоса»), А. П. Чехова («*Кроме* старика, в этот день приходило еще два человека»)? Или от оборота в предложении из предисловия к «Правилам русской орфографии и пунктуации»: «Наибольшее участие в работе над составленным свода орфографических и пунктуационных правил, *кроме* покойных академика Л. В. Щербы и чл.-кор. АН СССР Д. Н. Ушакова, принимали чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударов, проф. К. И. Былинский, академик В. В. Виноградов...» (с. 4)? К сожалению, автор также об этом ничего не говорит.

Все это приводит к тому, что некоторые абитуриенты вообще избегают выделять запятыми обороты с предлогом *кроме* (независимо от их значения). Например:

«Никто *кроме* Павки Корчагина не смог бы пройти через все эти испытания и не только не пасть духом, но даже еще более закалить его»; «Все *кроме* врачей бессильны в борьбе с эпидемическими болезнями». И опять-таки это приводит к снижению оценок.

В настоящее время в научной и художественной литературе, в языке периодической печати существует тенденция к пунктуационному выделению оборота с предлогом *кроме*, независимо от его значения. Например, в художественной литературе:

«*Кроме* Петра Житова, за столом сидели Федор Капитонович, Степан Андреевич...» (Ф. Абрамов. Прыслины); «*Кроме* лесов, в Ревнах было еще одно таинственное место — река»; «В тамбуре, *кроме* меня, стоял молодой матрос в черной шинели»; «*Кроме* литературы, мы увлекались и живописью» (К. Паустовский. Повесть о жизни).

Во всех приведенных примерах значение оборота — «в добавок» (или, точнее, — «помимо»), но **только не** «за исключением». Тем не менее во всех случаях оборот выделен запятыми.

В специальной литературе:

«*Кроме* бороздового, применяют способ полива кольцами вокруг дерева» (Н. С. Пронин. Е. В. Колесников. Промышленный

сад); «Кроме тяжелого культиватора КПЭ — 3, 8, намечено разработать бесцепочный тяжелый культиватор захватом 8—12 м» (Г. И. Бузенков. Технический прогресс в механизации растениеводства); «Кроме наиболее распространенного значения [у слова «падь»] ‘ущелье, горная долина с крутыми склонами’, оно известно в значении ‘глубокая долина между горами’...» (О. Г. Порохова. Областная лексика в словарях русского литературного языка. В кн. «Современная русская лексикография», Л., 1975). В данных примерах оборот с предлогом *кроме* имеет значения — ‘сверх’, ‘в добавок’, однако все они выделены запятыми.

В языке газет:

«Была там наша научная экспедиция. В нее, *кроме* меня, входили орнитологи...» («Известия», 15 декабря 1976); «*Кроме* штрафа, еще [браконьеры] и стыда натерпелись» («Сельская жизнь», 8 декабря 1976); «Чемпионка мира по шахматам Нона Гаприндашвили оказалась среди победителей крупного международного турнира... в котором, *кроме* нее, участвовали только мужчины, причем большинство из них — гроссмейстеры» («Советский спорт», 3 апреля 1977); «Ведь игра, *кроме* прочего, несет радость от ощущения, что ты в большом, дружном кругу ровесников, товарищей» («Правда», 8 декабря 1978).

Различия в пунктуации в данном случае представляют собой определенную закономерность. Ведь значения групп слов с предлогом *кроме* не сводятся только к таким, как ‘за исключением’ и ‘в добавок, сверх’. Имеются и промежуточные, а также другие значения. Какое, например, из двух упоминаемых значений присуще оборотам в следующих примерах?

«Есть у них [браконьеров] одна общая черта: не могут они, чтоб, *кроме* них, кто-то по земле ходил» («Сельская жизнь», 1 декабря 1976) — «в добавок» к ним, «вместе с» ними или «за исключением» их?

«*Кроме* ругани и побоев Ниловна в молодости ничего не видела» (из сочинения абитуриента) — ругань и побои и больше ничего, то есть ничего «сверх» ругани и побоев, или «за исключением» их, ничего не видела?

Кроме большой гордости за сына ей [Ниловне] трудно было назвать свои чувства» (из сочинения абитуриента) — трудно было назвать свои чувства, «за исключением» чувства большой гордости за сына, или трудно было назвать остальные чувства «сверх» одного ясного чувства, которое могла назвать?

Вся трудность разграничения этих значений заключается в том, что при, казалось бы, явной противоположности значений они не так уж далеки одно от другого и порой переходят одно в другое. Кроме того, очень часто такие группы слов имеют значе-

ния 'помимо того-то', 'наряду с тем-то', 'вместе с' и другие. Например:

«Теперь судьбу первого места в подгруппе, где, *кроме* советских и французских баскетболисток, выступает бухарестский „Рапид“, решит встреча спортсменов „Спартака“ п „Рапида“» («Сельская жизнь», 18 февраля 1977).

Таким образом, в первом справочнике рекомендуется обособлять обороты с предложением *кроме* в зависимости от их значения. Однако, как мы уже убедились, далеко не всегда можно легко определить значение такого оборота. Во втором же предлагаются два варианта: хочешь — выделяй запятыми, хочешь — не выделяй. По-видимому, в данном случае рекомендации обоих справочников недостаточно аргументированы. Оба они способствуют ненужному разнобою в пунктуации упоминаемых групп слов. Здесь уместно вновь обратиться к «Правилам русской орфографии и пунктуации», которые достаточно определенно осветили этот вопрос.

Небезынтересно, что в Предисловии к «Правилам» говорится, что «издание полного свода правил русской орфографии и пунктуации должно содействовать устранению разнобоя и упорядочению русского письма» (с. 3). Поэтому, несмотря на большой авторитет таких пособий, какими являются «Справочник по орфографии и пунктуации для работников печати», «Справочник по правописанию и литературной правке», основным и окончательным «судьей» в решении данного вопроса (впрочем, как и многих других) остаются «Правила русской орфографии и пунктуации», в которых на этот счет говорится следующее: «Настоящие „правила“ должны служить основным источником для всех составителей учебников, словарей русского языка, специальных словарей, энциклопедий и справочников». К этому остается добавить: а также для учащихся и преподавателей русского языка, потому что в действующем школьном учебнике русского языка для 7—8 классов (авторы: С. Г. Бархударов, С. Е. Крючков, Л. Ю. Максимов, Л. А. Чешко. М., 1978, § 36, примечание) относительно обособления данных групп слов сказано чересчур уж осторожно: «...часто обособляются дополнения с предложениями *кроме, помимо...*» (с. 126).

В. А. ФИЛАТОВ
Донецк



С давних пор между Россией и Швецией существовали тесные торговые и политические связи.

Весной 1684 года шведская дипломатическая делегация приехала в Москву. Цель этой поездки — подтвердить прежний договор о мире между Швецией и Россией. В числе молодых людей, сопровождавших посланников, был некий Юган Габриель Спарвенфельд (1655—1727), сын полковника, получившего дворянское звание. Спарвенфельд закончил Упсальский университет, несколько лет путешествовал по Европе, интересовался историей и иностранными языками.

Перед поездкой в Москву он захотел основательно изучить русский язык. Кратковременное пребывание в русской столице не могло удовлетворить его интереса к языку и с разрешения шведского короля Спарвенфельд остался в Москве. В течение трех лет, которые он прожил в Москве, юноша усердно занимался изучением русского языка, активно участвовал в жизни светского общества русской столицы, о чем свидетельствуют записи в его дневнике, который он вел в первый год московской жизни. Этот интересный документ сохраняется в рукописи в Государственном архиве в Стокгольме.

Преподавателем русского языка у Спарвенфельда был Стахий Иванович Годзяловский, который служил переводчиком при Посольском приказе. Основным пособием при обучении служила церковнославянская «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, поль-

Предлагаемая вниманию читателей статья о славянском словаре XVII века и его составителе шведском лингвисте Спарвенфельде принадлежит перу его соотечественницы, молодой шведской ученой, филолога-русиста Уллы Биргегорд.

Улла Биргегорд живет и работает в Уппсале. Русский язык изучала в Институте славянских языков Уппсальского университета. Здесь она и познакомилась с рукописью словаря Спарвенфельда. Словарь не был издан при жизни автора и почти три века пролежал в рукописи в хранилищах библиотеки.

И если Спарвенфельд в XVII веке проделал титанический труд, чтобы составить свой словарь, то Улла Биргегорд в XX веке приложила немало усилий, чтобы подготовить его к изданию. Дело, которому она отдала столько сил, еще не завершено, и шведская ученая нуждается в поддержке научной общественности. Слависты многих стран знают о словаре Спарвенфельда, понимают его ценность и, мы уверены, присоединятся к нашим искренним пожеланиям успеха Улле Биргегорд в её трудном и полезном деле.

Н. В. ПОДОЛЬСКАЯ

зовавшаяся большой популярностью в то время. Кроме того, Спарвенфельд располагал богатой личной библиотекой, приобретал редкие книги и рукописи, несмотря на то, что его средства были весьма ограничены. Вернувшись из Москвы на родину в начале 1678 года, он привез с собой большое количество русских книг и рукописей по самым разным вопросам. Среди них было особенно много лексикографических работ.

По-видимому, еще в Москве, Спарвенфельд задумал составить русский словарь, предназначенный для иностранцев. Он стал систематически собирать словари, и печатные, и рукописные. При помощи писцов из Посольского приказа и личных друзей Спарвенфельд составил списки нужных ему словарей. Таким образом, в Швецию он возвращался с богатым лексикографическим материалом. Теперь ему требовалось время для осуществления своих замыслов. Однако вскоре по поручению короля его снова послали за границу. Целых пять лет провел он вдали от родины, путешествуя по Европе и Северной Африке.

По возвращении из путешествий, Спарвенфельд в 1695 году был назначен церемониймейстером шведского королевского двора. Зная более 14 иностранных языков, он был весьма подготовлен к данной службе. Кроме того, он обладал незаурядным даром общения с людьми. Теперь его жизнь складывалась так, что можно было с успехом заняться любимой работой.

Спарвенфельд трудился над словарем не один. Черновик законченного словаря написан не его рукой. Интересная переписка Спарвенфельда со знаменитым философом и ученым Г. В. Лейбни-

цем, помогла нам узнать имя того, кто занимался долгой и кропотливой работой составления словаря. Имя этого человека — словака по происхождению — Матиас Забани. Это Лейбниц рекомендовал Спарвенфельду взять к себе в помощь Забани. По мнению Лейбница, почерк у молодого человека был четким, и родной язык один из славянских, поэтому он мог пригодиться Спарвенфельду в качестве переписчика. Осенью 1699 года, после нескольких месяцев пребывания Забани в Швеции, Спарвенфельд пишет Лейбницу не без иронии о том, что Забани, правда, хороший малый, но ему (Спарвенфельду) нужно было начинать с того, чтобы учить Забани читать и писать на его материнском языке (Спарвенфельд имеет в виду церковнославянский язык и кириллицу). И действительно, по черновику видно, что Забани не знал ни русского, ни церковнославянского языков, и что он не привык писать кириллицей.

Черновик, толстый славяно-латинский словарь целиком написан Забани. В начале черновика буквы в славянском столбце напряженные и неуклюжие, встречается немало грамматических и орфографических ошибок. Когда Забани списывал слова прямо из источников, все шло благополучно, почти без ошибок. А когда например, расшифровывал сокращенные слова или включал их из источника, где славянские слова напечатаны латинскими буквами, то попадал в затруднительное положение. Но мало-по-малу Забани усваивал основы русского и церковнославянского языков, и количество «нерусских» написаний явно уменьшается в процессе работы. Его тщательный и кропотливый труд над подбором и списыванием огромного лексикографического материала не может не вызывать уважения. Работал Забани над черновиком почти четыре года.

Главными источниками при составлении словаря были: Список латино-славянского рукописного словаря Епифания Славинецкого, составленный в середине XVII века и включающий около 27 000 словарных статей; список славяно-латинского рукописного словаря Арсения Сатановского, созданный в сотрудничестве со Славинецким, содержащего около 7 500 словарных статей; украинско-церковнославянский словарь Памвы Беринды, второе издание, напечатанное в 1653 году. Из упомянутых трех источников включены почти все слова. Довольно ограниченное количество слов взято из словаря, составленного Якобом Микалией и напечатанного в 1649 году в Лоретто. Следует заметить, что на полях списка словаря Арсения Сатановского встречается очень много добавлений, сделанных, главным образом, рукой Спарвенфельда. Некоторые из дописанных слов взяты из списка словаря Епифания Славинецкого, другие представляют собой выписки из



*Н. Ф. Спарвенфельд
Портрет работы
Лукаса фон Бреда
(масло)
Университетская
библиотека
в Уппсале*

церковных книг, некоторые, очевидно, были взяты из собственного запаса слов Спарвенфельда.

Забани работал над черновиком не один. В Швецию в то время судьба привела многих людей, говорящих по-русски. Вспыхнула Северная война, и после битвы при Нарве в 1700 году среди пленных оказалось несколько друзей Спарвенфельда из Москвы. Одним из них был князь А. Я. Хилков. Трех русских, в числе которых был и князь Хилков, Спарвенфельд взял в помощь для проверки текста, написанного Забани. Читая текст, они перечеркивали слова, казавшиеся им чужими или устаревшими, исправляли ошибки и добавляли слова, которые лучше соответствовали живому языку. Влад русских переводчиков в словарь Спарвенфельда очень важен и ценен, несмотря на то, что их исправления встречаются только до буквы Е. Особенно ценно то, что их добавления отражают не книжный, а разговорный язык того времени, без понимания которого, как сознавал Спарвенфельд, не может быть глубокого знания языка.

После того, как Забани закончил работу над черновиком, нужно было переписать весь текст набело. Результат данного труда — большой славяно-латинский словарь в четырех томах, Словарь

является результатом более чем двадцатилетнего труда. Содержит около 25 000 словарных статей. Заголовочные слова, как правило, снабжены синонимами, а иногда и объяснениями значений слова. Славянский столбец законченного словаря написан секретарем Хилкова А. И. Манкеевым. Он был опытным переписчиком, его почерк очень красив и разборчив. По ходу работы Манкеев нередко делает исправления и изменения в черновике, особенно много правок в правописании.

Иногда он зачеркивает статьи, расположенные в неправильном порядке, и вписывает их, куда следует. Правда, Забани не всегда соглашался с Манкеевым и нередко перечеркивал его правку, настаивая, таким образом, на своем. Латинский столбец законченного словаря написан полностью Забани, который хорошо знал латинский язык. Но и в славянский столбец после Манкеева Забани внес много изменений (нередко он изменяет акцентирование слов, что ведет только к худшему), добавляет синонимы из словаря Епифания Славинецкого, иногда делает переводы пояснений, стоящих в латинском столбце. Такие переводы часто включаются уже в черновик. Например: заголовочное слово *Оборучный* — оно встречается и в словаре Арсения Сатаповского и в словаре Епифания Славинецкого и имеет следующее пояснение: *к'торему обое рўце праве сўть*. Пояснение является переводом латинского выражения *qui utraque manu aequae utitur*. Еще один пример: заголовочное слово *Потъ* встречается в обоих указанных словарях и объясняется так: *к'аплие воднее з'тв'ла выходящас* — перевод латинского *excrementum aequum per cutem exudans*. Таким способом Забани значительно обогащает словарь.

Спарвенфельд много лет старался напечатать свой словарь в Швеции или за границей. Большие надежды он возлагал на его издание в Москве. Однако этого не случилось. Горько разочарованный, он подарил все свое лексикографическое наследство библиотеке Упсальского университета, веря в то, что кто-то снова возьмется за материал, когда настанут лучшие времена. Полузабытые, долго лежали словари Спарвенфельда в библиотеке университета...

Что же делает словарь Спарвенфельда таким уникальным? Прежде всего его ценность в том, что сохранился весь словарный материал: все источники, законченный черновик, законченный вариант словаря, даже сведения о дискуссии по методике (прежде всего в корреспонденции с Лейбницем), другими словами, у нас перед глазами — все звенья цепи. Это дает нам редкую возможность восстановить весь ход работы по составлению словаря, рассмотреть в деталях, как работала удивительная «словарная мастерская». Мы видим разные почерки переписчиков, имена к,

торых нам отчасти известны. Мы можем проследить вклад каждого отдельного писца и оценить их знания и ценность их сведений. Кроме того, количество слов, входящих в словарь, необычайно велико: включен почти целиком словарный материал трех самых важных лексикографических работ славянского мира XVII века. Словарный состав источников сам по себе очень пестрый: там слова церковнославянские, русские, украинские, польские, белорусские и т. д. Пестроту славянского столбца дополняют впоследствии и записи русских переводчиков и Забани, который волевым образом вносил в словарь словацкие черты, и сам Спарвенфельд, делавший свои добавки и исправления на всех этапах работы. Словарь вряд ли можно определить терминами русско-латинский или церковнославянско-латинский, несмотря на то, что большая часть материала в славянском столбце носит скорее всего русско-церковнославянский характер. Лучше всего, кажется, определить словарь общим термином славяно-латинский. В самом деле, славянский столбец отражает мысли Спарвенфельда по проблемам славянских языков и их взаимоотношений. По мнению Спарвенфельда, как он высказался в переписке с Лейбницем, славянские языки очень близки друг к другу. Все они — дети одной и той же матери, то есть церковнославянского языка. Он стремился сделать свой словарь насыщенным за счет слов из разных славянских языков, приблизить его к общеславянскому.

УЛЛА БИРГЕГОРД

Уппсала, Швеция

Рисунок В. Комарова

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ДУБЛЕНКА

«Не шей дубленой шубы: оброка набавят!» — говорили раньше в народе. Наличие «в гардеробе» дубленника, так называли, например, в XVII веке в некоторых местностях России одежду из дублени (дубленой кожи), свидетельствовало в какой-то степени о достатке человека. Рукавицы из дублени назывались дубленицами.

Само просторечно-областное слово дубленка было образовано от основы старого прилагательного дубленный 'изготовленный из дубленой кожи' с помощью суффикса

-ка. Большое его распространение в последнее время в нашей речи связано с модой на шубы и куртки из дубленых овчин.





НАЗВАНИЯ НА ВОРОНЕЖСКОЙ ЗЕМЛЕ

Небольшой южнорусский городок Острогожск, в наши дни — районный центр Воронежской области, был основан в 1652 году. Вначале это была лишь одна из крепостей Белгородской оборонительной черты на малообжитой степной окраине Московского государства. Она надежно прикрывала Россию с юга от набегов крымских татар. Возник Острогожск, как полагают, на старом городище, и уже в 60-е годы XVII века стал центром Острогожского слободского полка, а затем и уездным городом бывшей Воронежской губернии. Его название связано с левым притоком Тихой Сосны — *Острогощей*.

В одной из грамот царя Алексея Михайловича, написанной в 1652 году, говорится о «высылке пицалей и ядер в новый Острогощенский острог» (Материалы по истории г. Острогожска. Воронеж, 1886). В других источниках XVII—XVIII веков мы находим также упоминание об «урочище Острогоще», о заповедном Острогожском лесе (Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894; Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские акты. Т. 1. Воронеж, 1887). Вначале имя города, как и все древние названия городов на *-ск*, имело форму прилагательного и склонялось как прилагательное. Изредка оно сочеталось с утраченными впоследствии словами *город* в значении «крепость» и *острог* — «укрепление из заостренных сверху бревен, а потом и сам укрепленный таким образом стан». В одном и том же документе (1654), относящемся к первым годам основания Острогожска, отмечаются случаи параллельного употребления названия в форме словосочетания «в Острогожском городе» и одиночного прилагательного «в Острогожском». Примеров склонения данного топонима по типу прилагательных в XVII веке мы находим немало: «писал... из Астрагожского» (1668), «пришел в Острогожской и стал в Острогожском» (1670) и др. Эта особенность проявляется в названиях и других казачьих городков

Подонья в этот период. В одном и том же тексте нередко встречается ранняя и вторично развившаяся формы, например, *Ольшанской* и *Ольшанск* — казачье поселение вблизи Острогжска: «в Острогжском... и в Ольшанском», «в Ольшанск» (1670) и др.

К концу XVII — началу XVIII века привычным становится название в форме существительного: «до Острогжска», «Острогжска города старшина и казаки» (1700) и др. Прилагательное, постепенно утратившее связь со словом *город*, само становится существительным. Его суффикс (на фоне многочисленных сложившихся к этому времени названий русских городов с конечным *-(е)ск* *Куреск* — *Курск*, *Мценеск* — *Мценск*, *Брянеск* — *Брянск* и т. д.) утрачивает окончания прилагательного и становится словообразовательным элементом, типичным для городских названий. В этом отличие допонима *Острогжск* от появляющихся в наши дни названий новых городов с суффиксом *-ск*: они используют его как уже сложившийся словообразовательный элемент и сразу «рождаются» на свет как имена существительные (*Ангарск*, *Волжск*, *Амурск*, *Северск* и т. п.). Название города Острогжска возникло в ту пору, когда многие подобные ему топонимы в именительном падеже осмысливались двояко, — то как относительные прилагательные в полной (*Острогжский*) или краткой (*Острогжск*) формах, то как существительные (*Острогжск*).



Там, где волны
Острогжи
В Сосну Тихую
влились...

К. Ф. Рылеев.
Петр Великий
в Острогжске

Гораздо труднее объяснить название реки *Острогоща*. Когда то полноводная, *Острогоща* в документах XVII–XVIII веков ещё нередко именуется речкой или даже рекою: «А от речки Меринка версты с 3 впала в реку Сосну речка *Острогоща...*» (1637); «От *Острогощи* по заповедной *Коротояцкой* лес 2 версты 50 сажен» (1659) и т. п. Но уже с середины прошлого века река пересохла. Уменьшение значения её в жизни местного населения привело к изменению и названия. Оно начинает восприниматься как производное, вторичное по отношению к названию города. Отсюда появление таких вариантов как *Острогощка*, *Острогощца*, *Острогощица* и даже *Острогощск*.

По поводу этимологии названия реки *Острогоща* высказаны разные точки зрения. Допускалась, например, связь его со словом *острог* или личным именем *Острогост* (В. А. Никонов. Краткий топонимический словарь. М., 1966), или с предполагаемым древнерусским словом *гощь* — ‘место торговли’, которое затем совершенно вышло из употребления. По-видимому, правы те, кто в названии реки видит отголосок древнейшего славянского имени (антропонима) *Острогост*. Имен с компонентом *-гост* в нецерковном именовании было немало. Большинство из них дошло до нас в составе антропонимических (образованных от личных имен) географических названий, когда-то имевших притяжательное значение. Последние встречаются главным образом на территориях, издревле населённых славянскими племенами. В Поднепровье это ручьи и реки *Серагоща* (*Сырогоща*), *Дорогощь*, *Угоща*, *Славигощь*, *Милогощь*, *Белогощь*, *Вельгоща*, *Радогощь*, *Воегоща*, *Любегощь* (примечательно, что рядом с *Любегощей* находится другая речка — *Гостиловка*, в названии которой, возможно, содержится тот же элемент — *гост*); см.: П. Л. Маштаков. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913). В Поочье: *Гощь*, *Легоща* (трижды), *Залегощь*, *Любогоща*, *Малогоща*, *Сологощ*, *Велегоща*, *Котогощ* (Г. П. Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976). Встречаются они и в топонимии русского северо-запада — *Негоща*, *Вагоща*, *Видогоща*, *Нугоща* и др. (Р. А. Агеева. Гидронимия Псковских и Новгородских земель в свете истории заселения края. М., 1973).

Заселение Подолия происходило в более позднее время — в период «угасания» антропонимов с компонентом *-гост*. Поэтому в гидронимию Дона попало лишь два притяжательных прилагательных от личных имен этого типа — *Острогоща* и *Излегоща* (левый приток Воронежа в районе его устья). В образованном на основе гидронима личном имени *Острогост* его первая часть, видимо, имела такое же значение, как и компонент *-гост*. Её мы находим так же в имени известного новгородского посадника и воеводы *Остромира*. Древнерусское прилагательное *острый* выступало ещё в 99

ном, утраченном современным русским языком значения — 'быстрый'.

Что касается другого названия на *-гоща* в этом районе Подонья — *Излегощи*, то в такой форме оно регистрируется в одной из воронежских писцовых книг 1615 г. — «на речке Излегощи» (Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Т. 2. Воронеж, 1891), а также в разных письменных и картографических источниках XVII — XIX веков. Другие его варианты *Излегощь*, *Злегощь*, *Залегощ* отражены, например, в Географическо-статистическом словаре Российской империи (сост. П. Семенов, т. 5, СПб., 1885), в «Книге Большому чертежу» — «пала в Воронеж речка Злягощ», в документе 1623 года — «сверх колодезя Залегоща» (Книги разрядные, т. 1, СПб., 1853).

Несколько выше устья реки Излегощи, на левом берегу Воронежа в начале XVII века возникло село *Излегощи*, оно же *Излегоща*, на современных картах — *Излегоще*. В отличие от *Острогощи*, топоним *Излегоща* не выглядит одиноким. В Поочье, например, есть речка, левый приток Зуши, с похожим названием — *Залегощь* (а на ней и село с таким же именем). Деревня *Полевая Излегоща* в 60-е годы прошлого столетия была и в Тамбовской губернии.

Объяснить происхождение названия реки *Излегоща* пока не удалось. Нельзя же считать научным, например, такое его объяснение: древнерусское слово *гощ* — 'куст' (?), а *Излегоща* — это, в сущности, не что иное как стянувшееся в одно слово выражение *Из зла гоща*. Речка якобы вытекала из злого, то есть колючего, куста терновника (П. Черменский. Кто дал тебе имя? — липецкая газета «Ленинское знамя», 19 августа 1967). Это толкование очень напоминает другое: название реки *Печегды* (Ярославская обл.) некоторые объясняют тем, что она будто бы вытекает из-под кряжистой березы, как «из-под печки» («Правда», 5 апреля 1969). Это ложная этимология, малоудачные попытки объяснить истоки старинных географических имен.

В названии *Излегоща* неясна первая часть. Если это *зъл* — 'злой' в предполагаемом личном имени *Зългоствъ*, то как тогда объяснить начальное *и* в современном названии реки и соединительный гласный *е*, чередующийся с *а* в акающих южнорусских говорах? Кроме того, маловероятно объединение в одном слове экспрессивно-возвышенного компонента *-гост* и основы прилагательного с отрицательным значением. Может быть, из *Лъзегоща*, которое, в свою очередь, восходит к незасвидетельствованному имени *Лъзегост*, первая часть которого связана по происхождению с древнеславянским корнем *лъз-/лъз-*? (Ср. древнерусск. *лъга* 'облегчение', *льгота* (*легота*) — 'свобода, удобство, облегчение, льгота',

Легога — крестьянское имя конца XV века и т. д.). Перед начальными *л* и *р* иногда развивался звук *и*.

Так, древнерусский географический термин *рѣжавець* 'ржавое болото, топь' в гидронимии Днепра отразился также и в форме *Иржавец*, а нарицательное слово *рѣжа* в гидронимии Поочья — как *Иржа*. Сравним еще гидроним *Илбанские протоки* в бассейне Северского Донца, правого притока Дона. Это верховье реки Большой Каменки, как об этом свидетельствуют топографические карты прошлого века, начиналось невдалеке от хутора *Лбы*, отсюда и *Лбанские* → *Илбанские*. Возникшая благодаря этому процессу форма *Ильзегоща*, под влиянием многочисленных в русском языке слов с приставкой *из-*, впоследствии могла претерпеть перестановку звуков, давшую современную форму *Иззегоща*. Такое явление можно наблюдать наряду с фонетическими изменениями в слове без вторично развившегося начального *и* (сравните еще: *ржавец* — *иржавец*, *льгота* — украин. диалект. *ильгота* и т. д.), благодаря чему появился отраженный «Книгой Большому чертежу» вариант *Злягощ* (в якающей огласовке).

В ином звуковом виде (*лег-*) первый компонент личного имени *Льзегост* мог отразиться в названиях рек *Легоща*, *Легощъ* (из *Лег-о-гост-ја*, *Лег-о-гост-јь* с утратой одного из одинаковых слогов внутри слова). Известны случаи параллельного употребления названий с соотносительными *гощ* и *гост*, например, *Гощъ* и *Гость* (*Гостья*, *Гостичка*, *Гостижка*); *Любогоща*, *Любогощъ* и *Любогостья*, *Любегостья* и др. (примеры относятся к бассейну Оки).

В одном районе с Острогщей и Иззегощей есть и другой древний гидроним — *Воронѣж*. Исследователи связывают его с исторически незасвидетельствованным антропонимом *Воронѣзь* (сравним: *Миронѣзь*, *Перенѣзь* — имена одного из посадников новгородских и киевского боярина XI века). Вполне вероятно, что перед нами целое «гнездо» нигде пока не зафиксированных имен дохристианского именованника (Острогость, Льзегость// Ильзегость и Воронѣзь), отраженно представленных в речных названиях одной из областей древнейшего заселения Дона. Ведь именно обращение к гидронимии псковских и новгородских земель помогло Р. А. Агеевой восстановить в историческом восточнославянском ономастиконе (именнике) его выпавшие звенья — целый ряд имен и прозвищ типа *Любьяш*, *Плеш*, *Тюня* и др. Топонимия оказывает в таких случаях добрую услугу науке об именах — антропонимике.

Е. С. ОТИН

Донецк

Рисунок В. Толстоногова

ЯЗЫК, КОТОРЫЙ ПОНЯТЕН ВСЕМ

Недавно в Политиздате вышла книга «Решение национально-языковой проблемы в СССР». Автор ее, профессор К. Х. Ханазаров, плодотворно работает в области изучения национальных и языковых отношений в СССР. Его перу принадлежат такие интересные и содержательные монографии, как «Сближение наций и национальные языки в СССР», «Строительство коммунизма и национальные языки», ряд брошюр и статей, посвященных теоретическим вопросам развития национальных языков в нашей стране.

В новой работе, как отмечает сам автор, «сделана попытка подвергнуть анализу те коренные преобразования в языковой жизни народов СССР, которые свершились за годы Советской власти, рассмотреть вопросы развития национальных языков и совершенствования языковой жизни народов СССР на этапе развитого социализма, раскрыть историческую необходимость и прогрессивность» русского языка как средства межнационального общения и «на этой почве — массового двуязычия населения».

В своей книге К. Х. Ханазаров дает общую характеристику языковых процессов в СССР, анализирует политику КПСС в области национальных отношений и, в частности, развитии национальных языков. В книге освещены такие проблемы, как двуязычие — характерная черта наций и народностей развитого социализма; предпосылки превращения русского языка в средство межнационального общения народов; родной язык и язык обучения; родной язык и национальная принадлежность.

Важное место в работе уделяется понятиям сущности и характера языка. В полном соответствии с методологическими определениями, данными классиками марксизма-ленинизма о том, что язык есть важнейшее средство человеческого общения, автор подчеркивает, что «прогресс человеческого об-

щества, рост и совершенствование производства, подъем культуры, обогащение духовной жизни общества властно требует развития языка, обогащения его словарного фонда, создания новых правил и стилей, позволяющих точнее, полней и четче передавать мысли, формулировать их ясней и доходчивей». К. Х. Ханазаров свидетельствует, что ленинская языковая политика КПСС позволила в кратчайшие исторические сроки максимально использовать внутренние потенциальные возможности национальных языков для ускоренного роста грамотности населения, для широкой постановки народного образования, обеспечения подъема культурного уровня, политической и трудовой активности трудящихся всех национальностей.

Одно из несомненных достоинств книги заключается в том, что в ней обстоятельно показана руководящая роль партии в решении национально-языковой проблемы. Для коммунистов, всех советских людей всегда наполнены глубоким общественным смыслом слова В. И. Ленина, ставшие программными в области национально-языкового строительства: «Никаких безусловно привилегий ни одной нации, ни одному языку». Автор убедительно доказывает, что Коммунистическая партия Советского Союза была первой в мире политической партией, которая достижение равноправия и свободного развития национальных языков объявила органической частью своей программы и осуществила это на практике.

Национально-языковая политика КПСС направлена на то, чтобы всемерно содействовать расцвету и сближению наций, народностей нашей страны. Совершенно прав автор, когда утверждает, что забота о свободном развитии национальных языков не тактический ход, а стратегическая линия нашей партии и служит сплочению трудящихся масс всех национальностей вокруг нее. Поэтому КПСС и Советское государство уделяют неослабное внимание национальным языкам, их изучению и совершенствованию.

Много места автор отводит развитию двуязычия в СССР. Двуязычие, то есть знание двух языков и пользование ими, — широко распространенное явление в нашей стране. Двуязычие — глубоко прогрессивное явление в развитии советского общества, и интересы коммунистического строительства требуют дальнейшего всемерного его совершенствования. «Свободное владение всеми гражданами СССР своим национальным

[родным] и межнациональным, русским, языками,— пишет автор,— и есть тот идеал, к которому стремится развитое социалистическое общество. Это первейшая задача в совершенствовании языковой жизни, стоящая перед всеми советскими нациями, народностями».

Подробный и глубокий анализ русского языка как языка межнационального общения, данный в книге К. Х. Ханазарова, вполне понятен и закономерен.

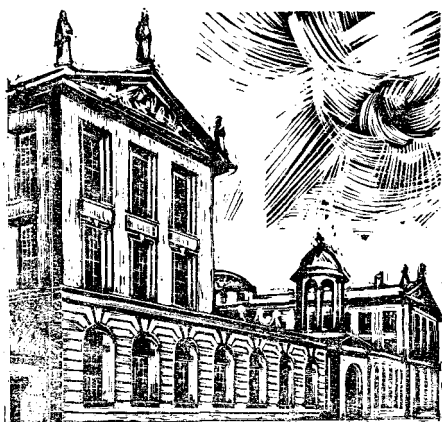
Русский язык приобрел важнейшую общественную функцию как надежное средство общения и укрепления дружбы, сотрудничества всех наций и народностей СССР. Как язык межнационального общения он широко применяется во всех союзных и автономных республиках, областях и округах.

Наряду с рассмотрением проблемы русского языка как языка межнационального общения, К. Х. Ханазаров уделяет внимание и таким сложным вопросам, как определение языка обучения и воспитания детей, значение родного языка для определения национальной принадлежности. Автор еще раз подчеркивает, что на основании Конституции СССР всем трудящимся страны обеспечена полная свобода говорить, воспитывать и обучать своих детей на любом языке.

Глубокий марксистско-ленинский анализ решения национально-языковой проблемы в СССР приводит ученого к выводу о том, что «социализм нашел единственно правильный путь решения национально-языковой проблемы. Это — свободное развитие всех национальных языков на основе равноправия и взаимообогащения при одновременном широком и добровольном использовании одного из равноправных языков, русского, в качестве общего межнационального языка. Социалистический строй не только провозглашает, но и создает реальные условия для претворения равноправия языков в жизнь».

Книга рассчитана на научных работников и широкий круг читателей, интересующихся вопросами национальных отношений. Это ценное пособие для пропагандистов, агитаторов, а также для всех, кто занимается вопросами интернационального и патриотического воспитания молодежи.

Ш. Г. МАГИДОВ



К РАСШИРЕНИЮ СОТРУДНИЧЕСТВА

Истоки изучения русского языка в Великобритании, по мнению ученых, восходят к XVI веку, когда были установлены официальные дипломатические отношения, расширился торговый обмен между двумя странами. В библиотеке Бодлей в Оксфорде сохранилась рукопись, включающая русский словарь и краткий грамматический очерк по русскому языку, написанная в 1599 году английским врачом Марком Ридлеем. В его «Словаре обиходного русского языка» содержится около 6000 слов.

Одной из первых работ, описывающих русский язык в учебных целях, является «Русская грамматика» Генриха Лудольфа, вышедшая в Оксфорде в 1696 году. В этой работе Г. Лудольф сопоставляет старославянские и чисто русские элементы в иностранном языке и описывает русский разговорный язык конца XVII века.

С 1849 года в Оксфордском университете профессор Генри Тритен начинает читать курс для студентов на тему «Язык и литература России». В последующие годы в ряде университетов вводятся курсы лекций по языкам, литературам и истории славянских народов.

В начале XX столетия русский язык уже входит в программы Кембриджского, Лондонского, Манчестерского, Бирмингемского и других университетов Великобритании, а также многих колледжей. В настоящее время русский язык преподается в 35 университетах Великобритании. Несмотря на довольно большую историю существования и преподавания русского языка в этой стране, для простого англичанина, по мнению профессора П. Калхейна из Эссекского университета,

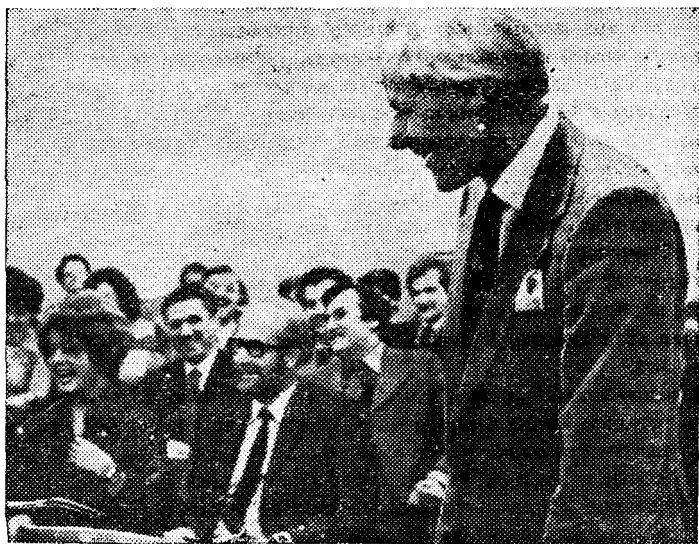
русский язык еще и теперь кажется «экзотичным» из-за чуждости алфавита.

Однако растущий престиж русского языка постепенно рассеивает сомнения англичан, веру в миф о его недоступности. Развенчиванию этой легенды способствует и специальная разъяснительная работа, которую ведут английские ученые и педагоги, органы печати, телевидение.

Большое участие в популяризации русского языка принимает преподаватель школы «Лит Академи» (Шотландия) Харри Милн, который в настоящее время с группой коллег из Оксфорда, Йорка, Лотианской области Шотландии разрабатывает систему программ для различных уровней владения иностранными языками в средней школе.

О необходимости более широкого введения русского языка в систему школьного образования еще в 1962 году говорил Аннан, возглавлявший специальный правительственный комитет по вопросам изучения иностранных языков в школе. Он подчеркивал, что «русский язык — это язык Пушкина, Тургенева, Достоевского, Добролюбова, Толстого, Чехова. Это язык советской науки, которая внесла большой вклад в современную жизнь». В результате его рекомендаций в университетских колледжах Бирмингема, Ливерпуля,

С докладом выступает Х. Милн (Шотландия)



Лондона были открыты интенсивные одногодичные курсы по переподготовке преподавателей латинского, французского, испанского языков в преподавателей русского языка. Каждому из 300 учителей, прошедших эти курсы, предоставлялась одномесячная стажировка по развитию навыков разговорной речи в Советском Союзе. Цель этих курсов — подготовить преподавателей русского языка для средних школ и политехнических колледжей.

По мнению английских русистов, в последние три года русский язык начинает занимать подходящее ему место в школьных программах. В ряде средних школ учащимся предоставляется на выбор возможность изучения нескольких иностранных языков, а сдача экзамена по одному из них.

Новое поколение выпускников славянских факультетов университетов Великобритании получает более высокую квалификацию, чем когда-либо раньше, так как заканчивает специальные методические курсы по преподаванию русского языка.

В 1979 году впервые в Англии намечается введение специального телевизионного курса, создаваемого при сотрудничестве с Гостелерадио СССР и при методическом руководстве Института русского языка им. А. С. Пушкина. Интерес к Советскому Союзу, его достижениям в области освоения космоса, развития культуры, экономики, интерес к Москве, где в 1980 году будут проводиться Олимпийские игры — все это, несомненно, факторы, способствующие росту авторитета нашей страны, нашего народа, русского языка, по праву занимающего достойное место среди мировых языков. Поэтому и не случайно, что британские профессиональные организации преподавателей, в которые входят две национальные ассоциации преподавателей средней и высшей школы: ассоциация учителей русского языка и Британская ассоциация университетских славистов, образовали в 1977 году объединенный постоянный консультативный Комитет для поощрения преподавания русского языка на всех уровнях и во всех возможных формах (включая систему среднего и высшего образования, а также курсы и кружки для взрослого населения).

В ближайшем будущем планируется расширение сотрудничества русистов обеих стран в целях повышения квалификации преподавателей русского языка в Англии. Намечается создание учебников и учебных пособий для школьников и изучающих русский язык по телевидению совместными англо-советскими авторскими коллективами.

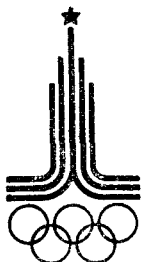
Многие из этих вопросов обсуждались на первом англо-советском семинаре по методике преподавания русского языка в Великобритании, который проходил в сентябре 1978 года в Институте русского языка им. А. С. Пушкина в Москве. Семинар, характер дискуссий, содержание выступлений советских специалистов и английских русистов убедительно продемонстрировали большие возможности к расширению сотрудничества в области преподавания русского языка в Великобритании, к улучшению методов его преподавания, к использованию новых учебников и учебных пособий, созданных в творческом содружестве специалистами двух стран. Этот семинар, по мнению руководителя делегации русистов Великобритании доктора В. Джеймса, должен открыть новую страницу во взаимоотношениях между специалистами двух стран в области преподавания русского языка как иностранного.

А. И. КУДРЯШОВ
Рисунок Б. Захарова

Новый факультет — русского языка — открылся в Педагогическом институте города Хюэ, одном из крупнейших вузов республики. Это стало важным событием не только в жизни института, но и всей высшей школы центральных провинций Вьетнама, где впервые создан факультет, готовящий специалистов в области русского языка.

В большинстве государств созданы курсы и кружки русского языка, его изучение организовано по телевидению и радио.

Активно овладевают русским языком зарубежные юноши и девушки, обучающиеся в Советском Союзе. Большинство из них в первый год учебы осваивают язык на подготовительных факультетах, а затем совершенствуют свои знания в течение всех лет пребывания в нашей стране.



В предыдущих номерах журнала под рубрикой «Олимпийские арены Москвы» рассказывалось о названиях и истории тех мест, где будут проходить соревнования. Но к олимпийским объектам Москвы относятся не только спортивные сооружения.



В этом месте Москвы будет располагаться Главный пресс-центр Олимпиады-80, своеобразный штаб олимпийской прессы.

Само название *Зубовский бульвар* появилось в 1820 году, когда по линии Садового кольца был снесен земляной вал, служивший в XVII веке своеобразной границей Москвы — границей Земляного города (более ранние границы Москвы были в пределах Китай-города, а затем Белого города). На месте земляного вала были устроены бульвары. На протяжении от Крымского моста до Зубовской площади — Зубовский. Его название происходит от фамилии полковника Зубова, который был головой стрелецкого полка, охранявшего в XVII веке Чертольские ворота, находившиеся на месте нынешней Зубовской площади, и часть земляного вала, примыкающую к ним. Вся эта местность так и называлась — Зубово. Здесь же размещалась и стрелецкая слобода, где жили семьи стрельцов и где сами стрельцы в свободное от гарнизонной и караульной службы время занимались ремеслами и мелкой торговлей.

Название *Зубовский* представляет собой имя прилагательное,

образованное при помощи суффикса *-ск-*. Это самая продуктивная модель в наименованиях площадей, улиц и переулков Москвы.

Стрелецкие полки по линии Земляного вала оставили о себе память в виде названий улиц и переулков Москвы, произошедших от фамилий их командиров: *Левшинский, Каковинский, Колобовский переулки, Садовая-Сухаревская улица* (полковник Сухарев) и др. Некоторые места расположения стрелецких слобод и полков впоследствии были названы просто Стрелецкими: улицы *Стрелецкая, Полковая, Стрелецкие проезды*.

Интересны по своим наименованиям и те улицы, площади и переулки, которые находятся поблизости от Zubовского бульвара. Названия *Крымская площадь, Крымский мост* через Москву-реку, *Крымская набережная, улица Крымский Вал* и *Крымский переулок* связаны с находившимся поблизости в XVI веке Крымским двором — местом нахождения посольства крымского хана в Москве. На Крымскую площадь выходит улица Метростроевская. Свое название она получила в 1935 году в связи с тем, что на ней открытым способом строился участок первой линии метро от Парка культуры им. Горького до парка Сокольники. Раньше она называлась *Остоженка* и *Стоженка*. До XVII века местность, где она появилась, именовалась *Остожье*. Все эти названия связаны со словами *стог* (сена) и *остожье* (место, где когда-то стояли стога сена царской конюшенной слободы в Лужниках). В непосредственной близости от Остожья находился царский конюшенный двор и *Старая конюшенная слобода*. Об этом и сейчас свидетельствует название переулка — *Староконюшенный*. Во время революции 1905 года Остоженка была покрыта баррикадами, а в Октябрьские дни на Остоженке шли бои с белогвардейцами. Со стороны Zubовской площади к бульвару подходит Кропоткинская улица. Она получила это название в 1921 году в честь известного борца с самодержавием П. А. Кропоткина, родившегося в одном из прилегающих к ней переулков. Ныне этот переулок тоже называется Кропоткинским. До 1658 года нынешняя Кропоткинская улица носила название *Большая Чертольская*. Так она называлась по ручью *Черторью* или *Чертолью*, мимо которого шла дорога из Кремля в Новодевичий монастырь. В 1658 году по указу царя Алексея Михайловича, ездившего на богомолье в этот монастырь к иконе Пречистой девы — богородицы, предписано было именовать эту улицу Пречистенской. Въездные ворота в конце этой улицы тоже стали называться Пречистенскими. В конце XVIII века и начале XIX на Пречистенской строили себе особняки самые знатные дворяне — Всеволожские, Логухины, Голицыны и др. В настоящее время в них размещаются музеи А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, Дом ученых и различного рода организации.



Не каждый гость столицы (как, впрочем, и не каждый москвич), знает, где расположен *Костянский переулок*. Здесь работает большинство сотрудников Организационного комитета XXII Олимпийских игр. Поэтому, когда работники Оргкомитета объясняют по телефону, как доехать до него, они чаще всего спрашивают собеседника: «Вы знаете район Сретенки?».

Улица Сретенка — одна из древних московских магистралей. В XII веке она являлась частью дороги, которая шла из Киева в Ростов Великий, Суздаль, Кострому, Владимир на Клязьме. Ряд ученых считает, что именно в районе современной Сретенки в то время находилась усадьба одного из первых «москвичей» — богатого боярина Стефана Ивановича Кучки. По летописям хорошо известны его дети — Кучковичи и Петр, «зять Кучков». Долгое время память о роде Кучковичей сохранялась в названии старого московского урочища — *Кучково поле*. Кстати говоря, в Ипатьевской летописи под 1176 годом Москва упоминается и под названием *Кучково*: «...идоша с нимь до Кучкова рекше до Москвы...».

В том месте, где дорога из Москвы в Ростов Великий пересекала границу Белого города, стояли Сретенские ворота. Их название сохранилось до настоящего времени — *площадь Сретенских Ворот*.

Свои названия *Сретенка*, *Сретенские улица* и *ворота* (позднее уже от них были образованы наименования *Сретенский бульвар*, *переулок*, *тупик*) получили по Сретенскому монастырю, который был основан в XIV веке как небольшая крепость. Название свое — *Сретенский* — монастырь получил по церковному празднику сретенья.

На протяжении веков название улицы Сретенки не менялось, хотя встречается оно порой в документах и в таких формах: *Устретенка*, *Встретенка*, *Большая Встретенская улица*.

Названия московских улиц, образованные по той же словообразовательной модели, что и Сретенка (именная основа + праславянский суффикс *-ка*), — самые древние в истории нашего города. К ним относятся *Варварка* (ул. Разина), *Маросейка* (ул. Богдана Хмельницкого), *Солянка*, *Петровка*, *Ленивка*, *Пречистенка* (Кропоткинская ул.), *В. Ордынка*, *Стромынка* и другие.

В живой речи москвичей словообразовательная модель «именная основа + суффикс *-ка*» не исчезла. Порой, например, вместо официальных названий *Пироговская улица*, *Таганская*, *Варшавское шоссе* можно услышать: *Пироговка*, *Таганка*, *Варшавка*. Эта особенность функционирования данного типа названий в устной речи поддерживается общей тенденцией современного русского языка — стяжением, при котором сочетание прилагательного с существительным преобразуется в существительное с суффиксом *-ка* (Третьяковская галерея — *Третьяковка*).

Каждый, кто проходит по Сретенке или Сретенскому бульвару, невольно замедлит шаг перед стоящим в начале бульвара памятником Надежде Константиновне Крупской — замечательному педагогу-марксисту, жене и ближайшему помощнику В. И. Ленина.

Г. П. СМОЛИЦКАЯ, М. В. ГОРВАНЕВСКИЙ

Рисунки В. Комарова

— ЭТО ИНТЕРЕСНО

ШАЛЬ

«Только много и много запомнит эта темно-вишневая шаль», — поется в известном русском романсе.

Шали (и само французское слово *шаль*) появились в России сравнительно недавно. В конце XVIII века мягкие шерстяные платки были завезены из Египта во Францию, где сразу стали любимой принадлежностью модниц. В начале XIX века производство шалей было налажено в России, и они стали составной частью русского женского костюма. Ткались эти большие платки долго: над каждым мастерца работала от шести месяцев до двух с половиной лет, в зависимости от сложности рисунка.

Интересно, что указанное заимствованное слово является омонимом к старинному обла-

стному русскому шаль «низкая цена, дешевизна (Не цена, а шаль)»; «безрассудство, блажь (На грош выпил, на пятак шали своей прибавил)». От русского шаль во втором значении произошли слова *шалевой*, *шалый* и другие.





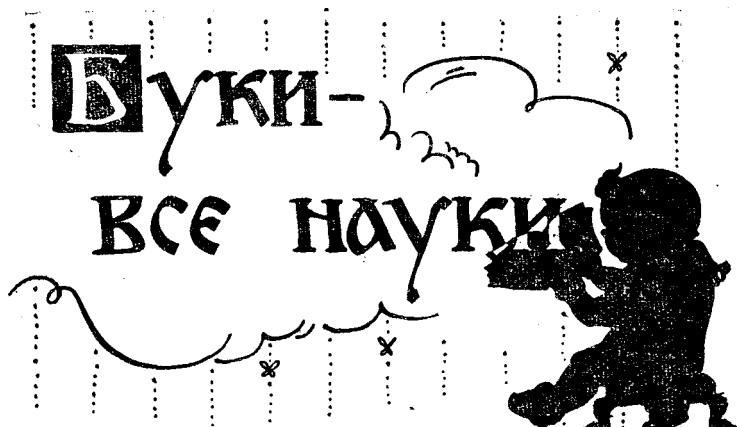
та поговорка, сохранившая старинные названия букв русского алфавита, известна многим.

Само слово *азбука* было образовано от старых названий первых двух букв алфавита. В народе алфавит также называли *абевега*. Начальная его буква — *аз* — употреблялась в переносном, обобщенном значении 'буква вообще'. Вот пример такого употребления в романе И. А. Гончарова «Обломов»: «...он проверил сложение и вычитание у Вани и нашел две ошибки. Маше налиневал тетрадь и написал большие азы...».

О человеке, который ничего не знает, ничего не смыслит в каком-нибудь деле, говорят: *Он аза не знает в глаза*, например: «Сначала матушка отдавала меня к разным доморощенным учителям: старушкам, которые сами не знали ни аза в глаза, но были очень добры; к дьячкам, „набившим руку“ в учении мальчуганов за целковый в год» (Г. И. Успенский. Разоренье).

До наших дней дошло и другое выражение с названием первой буквы алфавита: *Начинать с азов*. Это устойчивое словосочетание имеет значение 'начинать с самого начала, с самых основ'. Вот как использует его писательница А. Коптяева в романе «Иван Иванович»: «Занятия в нейрохирургической клинике Иван Иванович, уже опытный хирург, начал почти с азов, а через три года блестяще защитил кандидатскую диссертацию».

Название второй буквы алфавита — *буки* — использовано в поговорке *Аз да буки — и все науки*. Выражение *твердить азы да буки* находим у М. Ю. Лермонтова:



Из пансона скоро вышел он,
 Наскуча всё твердить азы да буки,
 И наконец, в студенты посвящен,
 Вступил надменно в светлый храм науки.

Сашка

Названия букв *В* — *буки* и *В* — *веди* — было использовано в прибаутке «Буки-букашки, веди-таракашки».

Буква *Г* — *глаголь* — имеет форму круто изогнутой линии. Поэтому совершенно ясен смысл выражения *ходить глаголем*, которое встречаем в диалоге Огудаловой и Ильи в пьесе А. Н. Островского «Бесприданница»: Илья. Один тенор и есть, а то все басы... Не годится в хор — хоть брось... Огудалова. Что же с ним? Илья. Попролам перегнуло набок, совсем углом; так глаголем и ходит...».

Русскому языку известно также выражение *смотреть глаголем*. В. И. Даль так определяет это выражение в «Толковом словаре живого великорусского языка»: «*Смотреть глаголем*, крючком, ябедником, сутягой».

Буква *М* когда-то носила название *мыслете*. Вот пример использования этого слова в рассказе А. П. Чехова «Сельские эскулапы»: «— Черт знает что за перья! — сердится Глеб Глебыч, выводя в большой книге и на маленьких листочках чудовищные мыслете и азы».

А знаете вы, что значит выражение *писать мыслете* (или *выписывать мыслете*)? Оно значит: идти нетвердым шагом, зигза-

гамп', то есть по ломаной линии, которая напоминает букву *М*. Приведем пример: «И всю ночь туда и оттуда неслись лихачи, и порой, выписывая мыслете, беспечно тащились пьяные гуляки...» (В. Г. Короленко. Прохор и студенты).

В русском языке нет выражений со старинным названием буквы *Л* — *люди*. Но при обращении к творчеству А. С. Пушкина мы сталкиваемся с небольшой загадкой, связанной с этой буквой, а также с буквой *Т*, которая называлась словом *твердо*. В ранней редакции «Евгения Онегина» (третья глава) есть такие строки:

В волненье сидя на постеле,
Татьяна чуть могла дышать,
Письма не смея в самом деле
Ни перечесть, ни подписать,
И думала: что скажут люди
И подписала: Т. Л.

Если мы назовем последние буквы по-современному, то допустим ошибку. А. С. Пушкин имел в виду такое прочтение последней строки: *И подписала: Твердо, Люди*.

Название буквы *П* — *покой* — до сих пор живет в языке. Если мы хотим сказать, что предметы расположены в виде буквы *П*, то употребляем слово *покоем*. Помните шахматный турнир, который организовал в Васюках лжегроссмейстер Остап Бендер? «Однако начавшийся сеанс одновременной игры задержал растущее подозрение одноглазого шахматиста. Вместе со всеми он расставлял столы покоем. Всего против гроссмейстера сели играть тридцать любителей» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев).

Буква *Ф* — *ферт* — напоминает по форме подбоченившегося человека. Слово *ферт* приобрело в русском языке переносное значение: 'самодовольный, развязный человек; франт, щеголь'. Отсюда понятен смысл выражений *стоять фертом*, *ходить фертом*. Например: «Грузчик уперся ладонями в бедра и, стоя фертом, стал рассматривать Самгина» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

В. Маяковский писал:

В наших книжках
нет ни яти,
ни фиты, ни ижицы...

Частушки для книгонош

Названные буквы существовали в русском алфавите до 1918 года. Буква *ять* (совпадающая в произношении с буквой *е*) писалась в некоторых словах, которые нужно было знать очень хорошо, твердо. Отсюда в гимназической среде родилось выражение *на ять*, вошедшее в широкий обиход. Сначала оно употреблялось в значении 'очень хорошо, отлично, великолепно', например: «Ра-

бота агитационная была проделана на-ять,— она словно двери распахнула к той гигантской работе, что за годы гражданской войны развернули иваново-вознесенцы» (Д. А. Фурманов. Чапаев). Это выражение употребляется также в значении 'очень хорош, прекрасен по своим качествам', например: «Вы красивая, умная, как говорится, интеллектуально развитая. Вообще женщина на ять» (М. Булгаков. Дни Турбиных).

Фита не имела смысла, поскольку совпадала в произношении с буквой *ферт*. Поэтому понятно, почему человека, не приносящего пользы, называли фитой. Кроме того, так именовали гимназиста или семинариста-грамотея. А среди нерадивых учеников бытовала поговорка: *От фиты подвело животы* (очень трудно было решить, где написать ферт, а где фиту).

Буква *ижича* по форме похожа на римскую цифру V. Н. В. Гоголь использовал название этой буквы в «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» при описании портрета одного из героев: «У Ивана Ивановича большие выразительные глаза табачного цвета и рот несколько похож на букву *ижичу*...».

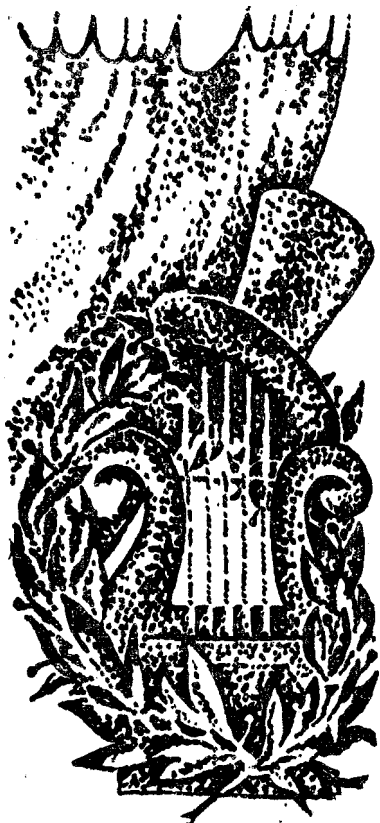
Если раньше хотели сказать: *от самого начала до конца*, то употребляли образное выражение *от аза до ижицы*. Этот же смысл имеет аналогичное сочетание *от альфы до омеги* (альфа — первая, а омега — последняя буква греческого алфавита).

Поскольку ижица являлась последней буквой алфавита, ее название приобрело переносный смысл: 'что-либо, занимающее последнее место, что-либо незначительное, неважное', например: «Почему иные скользят о том, о сём, а в башке пусто? Потому — за ижицу ухватились, „аз-буки“ просмотрели. С фундамента начинай, с основы» (А. И. Эртель. Гарденины).

Самым трудным в старой орфографии считалось написание слов с ятем, фитой и ижицей. За ошибочное их написание гимназистов и бурсаков ожидало наказание по поговорке: *Фита да ижица — к ленивому плеть ближется*. Известное выражение *прописать ижицу* первоначально означало 'выпороть розгами за нерадивость'. В современной же речи оно употребляется в смысле: 'проучить, жестоко наказать кого-либо'. Вот как использовано это выражение С. Н. Сергеевым-Ценским в «Севастопольской страде»: «— Ого! Пускай-ка, пускай их флот сунется к нашим фортам, — ему пропишут ижицу!..».

Старые названия букв не исчезли бесследно. Они используются в переносном смысле, сохранились в составе устойчивых фразеологических оборотов.

В. Н. ВАКУРОВ
Рисунок С. Гавриловой



КАК СОЗДАЮТСЯ ПРОЗВИЩА

...Начало 60-х годов прошлого века. В центре дружеского круга — двадцатипятилетний Милий Балакирев. Возле него — двадцатилетние Модест Мусоргский и Цезарь Кюи. Большие надежды возлагаются на самых юных — Николая Римского-Корсакова и

В современных словарях прозвище определяется как название, данное человеку помимо имени и содержащее в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности этого человека. Прозвища отличаются не только от официально зарегистрированных имен, но и от прозваний, то есть родовых добавочных имен, распространяющихся на всех членов семьи и даже передающихся по наследству. «Прозвания родом ведутся, а прозвища народ даёт», — замечает В. И. Даль.

Вероятно, каждый читатель может привести солидный список семейных, дружеских, школьных, студенческих, солдатских и других прозвищ. Одни из них интимны и тщательно оберегаются от посторонних, другие так и брызжут весельем и молодым задором, третьи фамильярны и даже грубоваты...

Образование прозвищ — это естественная лаборатория, в которой происходит таинственный процесс превращения не имени в имя собственное. Процесс этот капризен, нелегко поддается наблюдению: ведь прозвища нигде не фиксируются, сфера их обращения очень узка, а за ее пределами они просто никому не известны. Единственным видом документов, в котором прозвища отчасти получают свое отражение, является неофициальная (семейная, дружеская) переписка.

Пойдем по следам одной такой переписки.

Аполлона Гуссаковского. Самый старший — Владимир Васильевич Стасов, ему уже больше тридцати. Весь «стасовский клан» — и его братья, и сестра — принимают самое горячее участие в делах балакиревского кружка. Цели кружка — пропаганда русской музыки, поиски подлинно национальных путей развития музыкального творчества — очень близки сестре великого Глинки, Людмиле Ивановне Шестаковой. Несколько позднее в этот круг единомышленников входит и сразу становится всеобщим любимцем Александр Порфирьевич Бородин. Домашние концерты немыслимы без талантливых сестер Пургольд — замечательной певицы Александры Николаевны и пианистки Надежды Николаевны. Создается совершенно особая атмосфера духовной близости, творческого единения, дружбы, почти родственных отношений. Позднее произойдет немало горького: будут и неоправдавшиеся надежды, и преждевременные смерти, и надлом, и идейные расхождения. Но многие традиции «разбойничьей компании», как шутя называли себя ближайшие члены балакиревского кружка, сохранятся и позднее, в окружении Н. А. Римского-Корсакова.

Одна из таких традиций — шуточные прозвища. Их порождает сама атмосфера тесного дружеского круга единомышленников. Идейные противники тоже награждаются прозвищами — насмешливыми, ядовитыми.

Каковы же пути образования прозвищ? Проследить их нам помогают комментарии первых собирателей и издателей переписки членов балакиревского кружка — самого В. В. Стасова, Н. А. Римского-Корсакова, племянницы Стасова В. Д. Комаровой, С. А. Дианина и других.

По-видимому, самым простым и естественным способом создания прозвищ является переименование на основе ассоциации. В этом случае достаточно чисто внешнее сходство человека, получающего прозвище, с каким-то другим, реальным или вымышленным, лицом. Так, В. Д. Комарова сообщает, что прозвище *Бах* было получено В. В. Стасовым от М. И. Глинки «за восторженное его отношение к музыке великого лейпцигского кантора» (Переписка М. А. Балакирева с В. В. Стасовым. М., 1935). А. Н. Пургольд (Молас), певшая в балакиревском кружке обе женские партии оперы «Каменный гость», стала именоваться *Лаурой* или даже *доньей Анной-Лаурой*. В. В. Васильев, певец-любитель, исполнивший партии Тучи и Матуты в опере Римского-Корсакова «Псковитянка», получил прозвище *Туча-Матуга*. «Туча-Матуга, что с Вами? Отчего Вы совсем пропали?» — пишет ему А. Н. Пургольд и подписывается: «*Лаура*».

Переименование могло осуществляться и на основе метафоры, по сходству. Так, Стасов, в период романтического увлечения од-

ной из знакомых дам, получил от друзей насмешливое прозвище *Рамеа* (т. е. *Ромео* в провинциально-актёрском произношении). Маленькая дочь Стасова, Соня, коротко, как мальчик, остриженная во время болезни, именуется друзьями отца *Гришкой*. «Вы так нелепо упрямы... и не имеете настолько любви ни к *Грише*, ни ко мне, чтобы для нас беречь свою жизнь», — горько упрекает Стасова М. А. Балакирев в одном из своих писем. Сам Стасов позднее, уже в 80-х годах, восхищаясь могучим талантом А. К. Глазунова, присваивает ему в качестве прозвища имя легендарного библейского героя *Самсона*.

Устойчивость и степень распространения прозвищ зависела и от условий их возникновения, и от стабильности, существенности признаков, положенных в их основу. Так, прозвище *Гришка* возникло в очень интимной, домашней среде и дальше круга ближайших друзей, естественно, не могло распространиться. Продержалось оно, судя по переписке, недолго — около двух лет. В самом тесном дружеском кругу бытовало и прозвище *Рамеа*. Существовало оно, по-видимому, всего несколько месяцев. Прозвище *Лаура* или *донья Анна-Лаура* было достаточно распространено среди «балакиревцев»: оно встречается в письмах М. П. Мусоргского, В. В. Стасова, его признаёт, как мы уже видели, сама носительница прозвища — А. Н. Пургольд, которая даже десять лет спустя одну из деловых записок А. П. Бородину подписывает: «*Лаура Молис*». Впрочем, и это прозвище оказалось недолговечным. И это понятно: в основу прозвища положен нестабильный, недолговечный признак. Иное дело — прозвище *Бах*. Подхваченное ближайшими друзьями М. И. Глинка и его сестрой — Л. И. Шестаковой, оно получило широкое распространение в балакиревском кружке. Так, в письмах самого Балакирева за 1858—1869 годы обращение «*дорогой Бах*», «*любезнейший Бахинька*» совершенно вытесняет обращение по имени. Постоянно используется это прозвище в письмах Бородина, Мусоргского, семейства Римских-Корсаковых. «...Сегодня придёт к нам *Бах* и принесёт найденные им 2 акта „Саламбо“» — сообщает Римский-Корсаков Балакиреву в 1881 году. «Вы знаете, я *Баха* люблю, его не любить нельзя, но подчиняться его разным выдумкам — тоже нельзя», — пишет Л. И. Шестакова Бородину в 1884 году. Можно уверенно утверждать, что прозвище *Бах* закрепилось за В. В. Стасовым не менее, чем на тридцать лет. Оно стало поистине его вторым именем. По-видимому, прозвище отражало существенные признаки: действительно, любовь к старой классике в противовес «вагнеризму» на первых порах была для членов балакиревского кружка важным объединяющим началом. Кроме того, по своей внутренней форме прозвище хорошо согласовалось с внешним обликом В. В. Стасова — с его богатырской

статью и громовым голосом. Это и обеспечило, по всей вероятности, такую долгую жизнь этому дружескому наименованию.

Более сложным является путь образования прозвищ из нарицательных имен существительных.

Наиболее естественной представляется характеристика человека по роду занятий, по служебному положению, по званию. Для шуточных характеристик точность не обязательна, и потому, например, морской офицер Римский-Корсаков превращается в *адмирала* или в *адмиралтейство*, его жена — в *адмиральшу*, а химик Бородин — в *химического бригадира*, *алхимика* и даже *алхимию*.

Слова-характеристики возникают и на основе сложных ассоциаций. Так, Н. Н. Пургольд (Римская-Корсакова), замечательная пианистка, игравшая «за оркестр» при исполнении опер в балакиревском кружке, соответственно именуется *оркестром* или *оркестровой сестрицей*. Н. В. Шербачёв, один из примыкавших к кружку композиторов, за щегольство, светскость и манерность награждается шуточно-насмешливым эпитетом *флакон* или *флакон с дугами*. М. М. Иванов, музыкальный критик реакционного направления, за характерную внешность презрительно именуется *жирафом*.

Особенностью характеризующих слов является то, что они не могут употребляться для называния конкретного лица без местоименных уточнителей, своего рода «определенных артиклей». Именно такими определителями очень часто сопровождаются слова-характеристики, если они заменяют собой имя собственное. Например: «Ведь он теперь в том доме... пользуясь отсутствием *нашего* любезного *адмирала*, глубокие корни пустил» (Стасов — Н. Н. Римской-Корсаковой); «...значит, пожалуй, и *сама алхимия* скорее оттого двинется» (Стасов — Римскому-Корсакову); «Благодарю очень милый *наш оркестр*» (Мусоргский — А. Н. и Н. Н. Пургольд).

Чаще всего слова-характеристики употребляются в письмах как обращения. Но именно здесь стирается тонкая грань между нарицательным словом и прозвищем. Дело в том, что функция обращения является вполне обычной, естественной и для собственных имён, и для нарицательных. И вот, слово, выступающее как индивидуальная характеристика лица, предстаёт перед нами то как имя собственное, то как нарицательное. Появляются обращения двух типов: *Адмирал*, *наивеликолепнейшее Адмиралтейство*, *наипревосходнейшая госпожа Адмиральша* и — *милейший адмирал*, *милейшее адмиралтейство*, *наипрекраснейшая адмиральша* (все примеры из писем Стасова Римским-Корсаковым).

Нередко слова-характеристики выступают в качестве необособленного приложения к имени собственному. Например: «На

днях был у меня в Библиотеке *жираф-Иванов*» (Стасов — Римскому-Корсакову).

Они могут уточняться обособленным приложением: «Вот он и таскает к себе Милорадовича, Помазанского и даже, как говорят, «*флакон с духами*», т. е. *Шербачёва*» (Бородин — Е. С. Бородиной).

Наконец, они могут выступать в качестве уточняющего приложения, оформленного как вставка, и тогда воспринимаются как добавочное наименование — прозвище, например: «...посадил в „Новое время“ *Иванова (Жирафа)*, чтоб тот исполнял его приказания и писал, что велят» (Стасов — Балакиреву).

Более или менее уверенно можно говорить о сформировавшемся прозвище тогда, когда рассматриваемые слова используются для названия конкретного лица. Однако и в этом случае наблюдаются орфографические колебания, косвенно указывающие на двойственную природу прозвищ, на зыбкость границ, отделяющих их от не имён: «Есть некоторая надежда даже на Милия и *алхимика*» (Стасов — Римскому-Корсакову); «Видел я вчера утром *Алхимию*» (Стасов — Римскому-Корсакову); «Что же Вы ни слова о здоровье и силах *оркестра* милого?» (Мусоргский — А. Н. Пургольд); «*Донья Анне-Лауре* и прелестному *Оркестру* привет» (Мусоргский — А. Н. и Н. П. Пургольд); «Я с удовольствием прочла в Вашем письме сильные эпитеты, которыми Вы наделяете презренного *жирафа*» (Н. Н. Римская-Корсакова — Стасову); «Я хочу ему порекомендовать *Жирафа*» (Стасов — Римскому-Корсакову); «*Флакон* написал превосходный этюд...» (Мусоргский — Стасову); «*У адмирала* сын Миша» (Мусоргский — Стасову); «...кланяюсь *Адмиралу*» (Стасов — Н. Н. Римской-Корсаковой).

Любопытно, что иногда наблюдается стремление обособить прозвище от нарицательного имени, несколько зашифровать его характеризующие свойства. Так, композитор-любитель Н. Н. Лодыженский — «странный, непонятный чудодей», по словам Римского-Корсакова, бывший для балакиревского кружка своего рода мифической личностью, получил прозвище *Фим* (перевернутое *миф*). Одно из шуточных наименований А. П. Бородина — *Дригабир* — представляет собой слово *бригадир* с переставленными согласными. И тем не менее, даже в таком виде прозвища сохраняют свою характеризующую силу. Вот интересный пример, в котором прозвище *Фим* выступает и как чистое имя, и как характеристика: «*Фим* пангрывал мне... свои материалы для „Русалки“, материалы хорошие, а что будет, не знаю, ждать от него много можно, и все-таки он *Фим*» (Римский-Корсаков — Стасову).

О. И. АЛЕКСАНДРОВА

Куйбышев

Рисунок С. Гавриловой

ШИРОКОЕ знакомство русско-го общества с античной мифологией и символикой относится к началу XVIII века. Реформы петровского времени, повернувшие Россию на новый путь развития, стремление во всех сферах жизни, не только экономической, но и общественной и культурной, быть на уровне развитых стран Европы способствовали обращению деятелей русской культуры и искусства к античной литературе и мифологии.

В торжественных проповедях, «словах» известных публицистов и ораторов того времени, например, Феофана Прокоповича, восхваляющих победы русских войск над вра-



гом, деятельность Петра I, наряду с традиционными библейскими сюжетами и образами используются и античные. Так, русские солдаты называются сынами Марса, Петр I сравнивается с Геркулесом, убившим «змия седьмоглавого», а новозаложенный Петербург — с Афинами и т. п. Широко используются античные сюжеты при украшении триумфальных арок (так называемых «врат торжественных»).

Очень распространено было изображение рога, из которого сыпалась плоды, цветы, драгоценности и прочее, то есть рога, символизирующего изобилие и довольство.

Истоки этого символа ведут нас к античному мифу, изложенному римским поэтом Овидием.

Бог Зевс был вскормлен молоком козы Амалфеи. Однажды, зацепившись за дерево, коза отломил рога. Его взяла нимфа, обернула листьями, наполнила плодами и подала Зевсу. Зевс же подарил этот рог воспитавшим его нимфам и обещал им, что все, что бы они ни пожелали, будет изливаться из этого рога. Есть и другой миф о происхождении чудесного рога, рассказанный также Овидием. Речной бог Ахелой, превратившись в быка, сражался с Гераклом. Геракл в схватке отломил у него рога, который нимфы наполнили цветами и сделали неиссякаемым. Однако этот миф оказался впоследствии менее известным, и вся символика, связанная с рогами, дающими изобилие, основывалась на сказании о роге козы Амалфеи.

Одно из первых русских произведений, где употребляется этот символический образ — описание «триумфальных врат», названное «Политиколепная апофеосис достохвалныя храбрости всероссийского Геркулеса... Петра Алексиевича...» и сочиненное в честь «преславной виктории бывшей под Полтавою». Там мы читаем: «На самом верху обелишка [obeliska] поставихом Славу на круже земледовном [на земном шаре] с трубою в единой руке, в другой же рог со всякими фруктами водными и товарами заморскими». В этом же тексте встречаем и непосредственное заимствование из латинского языка *корнукопия* (лат. *cornu copiae* — рог козы) и полуперевод-полузаимствование *рог копии*: «Пятое (изображение) Благоизобилие во образе девы прекрасныя, в правой руке жезл Меркуриев. В другой же руке две корнукопии исполнены всякого изобилия имущая... В левой же руке корнукопии или рог копии полон всяких знамений побед и торжества».

Заимствованное слово *корнукопия* употреблялось до середины XVIII века. Оно встречается в стихах поэта В. Тредиаковского: «Корнукопия везде по дороге цветы, Бросала, которыми богато одеты подбирая меж собой Деточки играли» (Стихи эпиталамические на разные случаи).

В литературе XVIII века встречаем именованья *Амалфеев рог*, *Амалфейский рог*, *рог Амалфеи* (или *Амальтеи*) и просто *рог*. «Между тем из *рогов мифологической козы Амальтеи* льется пиво и мед для шумного собрания...» — так изображает изобильный стол Н. М. Карамзин в «Письме сельского жителя». В сатире Антиоха Кантемира «На зависть и гордость дворян злонаправных» встречаем такую строку: «Обильство сыплет тебе дары полным рогом». Так как образ еще нов и может быть не понят, то писатель дает пояснение: «Стихотворцы изображают обильство в лице жены, ко-

торая держит в руке большой рог, из которого сыплются овощи, деньги, бисеры и прочие вещи, столь человеку желательные».

В это же время появляются в литературе и сочетания *рог богатства*, *рог корыстей* и *рог изобилия*: «Се третья сестра ко Князю притекла... Сия корыстей рог в руке своей держала. В нем злата и сребра приманчивость лежала» (М. Херасков. Владимир); «Помена с рогом изобилия» (Ф. Эмин. Приключения Фемпстокла...).

В пушкинские времена становится привычным сочетание *рог изобилия*. А с середины XIX века на основе крылатого выражения, закрепившегося в форме *рог изобилия*, формируется фразеологический сравнительный оборот *как из рога изобилия* со значением 'в огромном количестве, неисчерпаемо'. Его употребляют в своих произведениях Лесков, Салтыков-Щедрин, Писемский и другие писатели. Например: «Все не было да не было ораторов, как вдруг — Мирабо. А за ним, как из рога изобилия, посыпались: Дантон, Сеп-Жюст, Камилль Демулен, Вернье...» (Салтыков-Щедрин. За рубежом).

В настоящее время выражение *как из рога изобилия* свободно и широко используется как в устной речи, так и в языке художественной литературы.

Е. Э. БИРЖАКОВА
Рисунок Ю. Космынина

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ГИЛЬ

«Да! водевиль есть вещь, а прочее всё гиль», — говорит один из персонажей «Горя от ума», болтун и хвастун Репетиллов.

Гиль — старое русское слово. Оно имело такие значения: 'вздор, чепуха, нелепость' и 'смута, буйство'. В первом и употребил его Репетиллов. Во втором значении встречаем гиль, например, в документе XVII века: «И учинили шум великий и битье... И я, холоп твой, за то им учинил наказание, бил ботаги, для того, чтоб впредь бунта и гили не заводили». Кетати, слово *ботаг* (чаще *ба то г*) означало 'палка, трость; наказание, кара; властия, брусок, прут'. А *ба т о ж и н и к а м и* называли тогда

служителей с палками, освобождавших дорогу от народа: «Куды те воеводы поедут, и перед ними бежат батожинок з дватцать». Буяны же, смутьяны и драчуны назывались в то время гилевщиками.



ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—3

Савин. Первоначально — отчество от канонических мужских имен Сава и Савва (от *сааба* — ‘старец, друг’ из уже исчезнувшего арамейского языка) или от краткой формы мужского имени Савватий.

Савкин. Отчество от уничижительной формы Савка из канонических мужских имен Сава, Савва, Савватий, по также и от Севастиан (в русском употреблении чаще была форма Савастьян) и Савелий.

Савоськин. Фамилия часто встречается в Среднем Потоке — по земской переписи 1910 года в бывших Белевском и Алексинском уездах (архив Тульской обл.). Первоначально — отчество от уничижительной формы Савоська из канонического мужского имени Севастиан (см. Севастьянов).

Саврасов. Отчество от прозвища из нарицательного *саврасый* или *саврас* ‘сероватый, седоватый’ (в переносном значении стало кличкой лошади по масти, а затем получило и оценочное значение с оттенком осуждения — «осится, как саврас без узды»).

Саламатин. В основе — нарицательное *саламата* ‘жидкая пища из крупы или муки с жиром и солью’ (предполагают, что слово заимствовано из тюркских языков, но это вызывает возражения: там оно заимствовано из русского). Возможно, что фамилия объяснена своим происхождением

не этому значению, а вторичному, производному: в некоторых русских говорах *саламата* ‘пустомеля, болтун’, отчество от этого прозвища и могло стать фамилией. Фамилия часто встречается и в форме Соломатин.

Сазонов. Написание *Сазонов* ошибочное, (правильное — *Созонов*, см. далее), объясняется акающим русским литературным произношением.

Самойлов. Отчество от общепотребительной в прошлом у русских формы Самойло от канонического мужского имени Самул (как Михайло, Гаврило из Михаил, Гавриил).

Самокрутов. В основе фамилии — *самокруты* (из местоимения *сам* и глагола *окрутиться* ‘пожениться’), так в старину называли поженившихся самовольно, без разрешения родителей.

Самолетов. Фамилия не связана с авиацией. Она существовала до появления слова *самолет* в его современном значении. В 1916 году, например, 31 человек с этой фамилией записан в Марковской волости Волоколамского уезда Московской губернии (Центральный исторический архив, Ленинград). Разные значения у слова *самолет* возникали не раз, независимо одно от другого, обозначая различные технические устройства, некоторые из них приведены в словаре В. И. Даля: речной пере-

воз, переносимый течением; челнок в ткацком станке, бросаемый не с руки, а «погонялкой» и другие.

Самотин. Отчество от прозвища из диалектного *самотя* «себялюбивый, эгоист».

Самохин, Самошин. Отчества от производных форм Самоха, Самошин из общепотребительных русских форм Самойло, Самойла из канонического мужского имени Самуил. Чередование *x/ш* в истории русского языка известно (*слух* — *слушать*, *грех* — *грешить*).

Самылкин. Отчество от уничижительной формы Самылка из канонического мужского имени Самуил.

Сапрыгин, Сапрыкин. Читателей интересует этимология этих фамилий, нередких в разных частях страны — и в центральных областях, и в Поволжье, и за Уралом. «Экстерриториальность» подтверждает, что фамилия обязана каноническому личному имени. Очевидно, это — Софрон (каноническая форма — Софроний). Замена *о/а* обусловлена акающим произношением, согласный *ф* в русском языке отсутствовал, при передаче иноязычных имен его часто заменял губной согласный *п* (в украинском языке *Сопрон* — основная литературная форма этого личного имени). Фамилии Павлыгин, Петрыкин и другие доказывают возможность производных форм с суффиксом *-ыг-, -ык-* от канонических мужских имен. Коледание *к/г* тоже не вызывает сомнений: парны фамилии Ломакин и Ломагин, Зворыкин и Зворыгин и другие. Видимо, это лишь фонетические варианты (десятки фамилий Сапрыгин и Сапрыкин, нанесенные на карту, пока не обнаружили никакой территориаль-

ной закономерности их различия). Менее вероятно, но не вполне исключено возникновение этих фамилий из диалектного слова, приведенного В. И. Далем: *сапрон* «невежа, грубый».

Сартаков. В. П. Тимофеев в статье «Русские фамилии с архаическими (диалектными) корнями» в сборнике «Ономастика» (М., 1969) выводит эту фамилию из татарского слова *сартак* со значением «морковь». Но в татарском и башкирском языках морковь — *кишер*; нет слова *сартак* и в диалектных словарях этих языков. Может быть, В. П. Тимофеев встретил его в речи сибирских татар? [В. П. Тимофеев, помогая нам ответить на вопрос, пишет: «Слово *сартак* «морковь» есть, например, у В. П. Бирюкова в его книге „Урал в его живом слове“ (Свердловск, 1953, с. 206–207), где автор приводит пример: „Сартаков — в гор. Кунгур, а оттуда в гор. Шадринск. Сартак на наречии татар бывшей Тобольской губернии — морковь“. Слово *сартак*, — пишет далее В. П. Тимофеев, — я слышал у ичкинских татар теперешнего Шадринского района Курганской обл. — село Ичкино (теперь Юлдуз). Ичкинские татары считают, что этим словом они отличаются от уфимских»].

Сарычев. Отчество от прозвища из русского архаичного слова *сарыч* «коршун». Фамилия документирована в селе Урваново Меленковского уезда Владимирской губернии 1897 г. (архив Владимирской обл.) и в Обвальской волости Чембарского уезда Пензенской губернии, 1916 г. (архив Пензенской обл.).

Саушкин. Отчество от уменьшительной формы Саушка из канонических имен Сава, Сав-

ва, Савватий с выпадением согласного *в*, слабого в этом положении.

Саянов. Фамилия, вероятнее всего, связана не с названием Саянского хребта, а с названием этнографической группы, народности — *саяны* (в бывш. Курской губернии). *Саянов сын*, то есть 'сын саяна', сын человека, принадлежавшего к этой группе, местоимение *себя* саяны произносили как *сая*.

Сбитнев. Возможны два источника происхождения фамилии: 1 — *сбитень*, *сбитный* ('питанный, плотный, крепкий'); 2 — *сбитень*, в прошлом самый любимый напиток русских (из меда и пряностей).

Свечников, Свешников. Отчество от именованя отца по профессии: *свечник* (в повседневной речи стало *свешник*) 'изготовитель свечей' или 'торговец свечами'.

Свиридов. Отчество от формы Свирид из канонического мужского имени Спиридон.

Свирин. Отчество от краткой формы Свирия из Свирид.

Севостьянов. Отчество от канонического мужского имени Севестиан (Себастиан от *себастос*, что в древнегреческом означало 'священный, почитаемый'). Смена *б* → *в* произошла еще в среднегреческом языке Византии, откуда имя принесено в древнюю Русь христианством. У русских эта форма сохранилась только в церковнославянском языке, часто встречается написание Савастьян, Савастьян — по диалектному произношению.

Севергин. Отчество от прозвища из диалектного слова *северга* 'торопыга, нетерпеливый' (по В. И. Далю — псковское).

Секретарев. Фамилия в XIX веке бытовала у крестьян различных местностей. Название должности *секретарь* установ-

лено в России лишь в XVIII веке, занимали эту должность дворяне, которые к тому времени уже имели фамилии. Поэтому фамилия Секретарев (в противоположность многим другим, имеющим в основе обозначение должности — Бурмистров, Старостин и др.) возникла не из отчества «секретарев сын», так как сын секретаря наследовал фамилию отца; *секретарев* означало — 'принадлежащий секретарю'. Менее вероятно отчество от иронического прозвища Секретарь — не настолько широко тогда был знаком народной речи этот термин.

Селиванов. Отчество от канонического мужского имени Селиван (из латин. *silvanus* — 'бог лесов'). От различных производных форм этого имени возникли фамилии Селиванкин, Селивантьев, Селиванхин, Селивашкин, из производных форм следующих степеней (то есть производных из производных же) — Селиванцев, Селивановский и др.

Селиверстов. Отчество от канонического мужского имени Сильвестр (латин. *silvestris* 'лесной'). В русском языке оно оказалось этимологически «безродным», непонятым, поэтому переосмыслено по частям, близким в произношении к знакомым словам *селиться*, *верста*. В некоторых случаях искажения пошли дальше: например, у русских (с. Ефаево, Мордовской АССР) записана фамилия Сливверсткин. В Списке абонентов Московской городской сети 1972 года среди владельцев личных телефонов 154 Селиверстовых и только 14 Сильверстовых, семь — Сильверстовых, есть также Сильверстович, Сильвестов и другие.

Семибратов. Отчество от прозвища Семибрат — из *сель*

и брат. Числу семь многие народы суеверно придавали мистическое значение (объяснение этому ученые искали и в неделимости, и в зависимости от количества дней недели — фаза лунного цикла). Интерес людей к этому числу отражают и поговорки: «семь бед — один ответ», «семь раз отмерь — один раз отрежь», «один с сошкой — семеро с ложкой», где *семь* означает «много» (а не точный счет количества). Нет фамилий Двубратов, Шестибратов, зато есть Семиврагов (*враг*, вероятно, не в значении «противник», а «овраг»), Семиглазов, Семидевкин, Семижонов, Семикозов, Семиколенных, Семилетников, Семилетов, Семиноженко, Семихатов, Семичастнов, Семичастный и другие, у Чехова — Семирылов. Аналогично и в топонимии: с. Семилуки, с. Семиозерное и многие другие.

Сенофонов. (Синофонов). Фамилия записана в деревне Егрево Меленковского уезда Владимирской губернии в 1897 году (архив Владимирской, обл.), в деревне Сабурово, Епифанского уезда Тульской губернии в 1900 году (архив Тульской обл.). Искажение фамилии Ксенофонов, возникшей из отчества от канонического мужского имени Ксенофонт (древнегреч.) — корень этого имени мог иметь значения «чужой, чужестранец, иноземец» или «гостеприимство, радушный прием».

Серебренников, Серебрянников. Широко документированы оба написания. Которое правильно? Это — две фамилии, самостоятельно образованные, основы которых различны.

Древнее русское слово *серебренник* (в написании часто с одним *н*) служило наименованием мелкой серебряной монеты, затем возникло точно такое же (внешне) слово, которое обозначало крестьянина, попавшего в крепостную зависимость за полученную ссуду — серебро (XIV—XVI вв.). А *серебрянник* (нередко ошибочное написание с одним *н*) — мастер по чеканке серебра, по серебреню различных изделий (равнозначно — *серебряк*). Различение почти стерлось и сохраняется пережиточно, тем более, что два первых значения отмерли полностью, третье почти полностью вытеснено словом *ювелир*. Фамилия Серебренников чаще встречается, чем Серебрянников (нередко написание с одним *н* этимологически ошибочное, но документация обязательна в точном соответствии с актом записи о рождении).

Силаев. Отчество от канонического мужского имени Сила или от внешне совпадающей с ним краткой формы канонических мужских имен Силац, Силван (Силуан). Этимологии имен Силван, Силуан не вызывают сомнений (см. Силуанов), имя же Сила остается неразъясненным. Оно принесено на Русь христианством, в Передней Азии известно было с I века н.э. (к русскому слову *сила* никакого отношения не имеет). Фамилия наиболее часто встречается в полосе от Тульской области до Пензенской, реже — в Куйбышевском Заволжье.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

■ ОШИБКИ — ОНИ БЫВАЮТ РАЗНЫЕ...

И. Р. Погорелов из Сунженского района Чечено-Ингушетии просит высказать суждение о довольно распространенной в современной устной речи конструкции, в которой «неправильно», по его мнению, используются личные местоимения рядом с существительными. Предложения типа «Советская литература — она достойно служит своему народу» звучат по телевидению, радио, со сцены, в лекциях. Их употребляют ученые-филологи, писатели, комментаторы, дикторы. Читатель обеспокоен степенью распространения этой «ошибки» в устной речи и высказывает удовлетворение тем, что на письме ничего подобного не встретишь...

Придется «разочаровать» нашего корреспондента: письменная речь изобилует такими построениями. И вряд ли это можно считать ошибкой, да еще грубой. В настоящее время довольно ощутимо влияние норм разговорной речи на речь письменную. И поскольку синтаксическое своеобразие разговорной речи связано с ее основным признаком — непосредственностью общения, — то естественна, в частности, активизация таких форм предложений, в которых особо выделяются, усиливаются нужные части высказывания. К таким построениям относится и так называемый именительный темы, издавна известный классической русской литературе, например: «Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось!» (А. С. Пушкин).

Своеобразной разновидностью предложений с именительным темы является наша спорная конструкция с личным местоимением при существительном. Когда именительный темы предваряет высказывание и отделяется паузой от последующего сообщения, он, собственно, ничем не отличается от двучленных построений с выдвинутой за пределы основного предложения частью высказывания. Эта часть называет тему последующего сообщения или вопроса: «Человек, идущий в завтра... Он немислим без широты взгляда на жизнь» («Правда», 1 января 1964). Такая «ступенчатость» очень ярко передает момент раздумья, поиска формы для выражения мысли. Это своеобразный прием: «Сперва выставляется напоказ изолированный предмет, и слушателям известно только, что про этот предмет сейчас будет что-то сказано и что пока этот предмет надо наблюдать; в следующий момент высказывается самая мысль» (А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении). Однако наиболее «разговорны» конструкции с именительным, не отделенным паузой от следующего далее местоимения (на письме обычно ставится типе или

даже запятая). Такой именительный А. М. Пешковский назвал «лекторским», подчеркнув тем самым непосредственность его «рождения» в потоке устной речи. На письме он используется как прием экспрессивного синтаксиса, имитирующий сам процесс говорения. Именно поэтому такая форма подачи мысли обычно свойственна речи персонажей художественных произведений: «У каждого свое занятие и своя столовка. Природа, она никого не обижает, сынок, и все для нее равны» (Б. Васильев); «Животные, они понимают... Вот мы иногда не все смыслим» (И. Соколов-Микитов); «Лука: Смерть — она все успокаивает» (М. Горький). Подобные построения наблюдаем даже в поэтической речи: «Дорога в дождь — она не сладость, дорога в дождь — она беда» (Е. Евтушенко); «Любовь — она бывает разной. Бывает отблеском на льду. Бывает болью неотвязной. Бывает яблоней в цвету» (О. Высоцкая). Художественная проза допускает такие построения и в речи авторской, особенно когда та строится как непосредственный, интимный, душевный разговор: «Прославленный Донбатушка, он казался не таким уж широким» (В. Тендряков); «Путешествия — они обладают волшебным свойством, они удивительно удлиняют жизнь» (М. Алигер). И даже такой пример: «Пулемет, закопанный под скирдой, тачанка, отведенная в крестьянскую клуню, — они перестают быть боевыми единицами» (И. Бабель).

В настоящее время можно отметить общий рост употребительности разговорных выражений, в результате чего значительно расширяется стилистическая сфера их распространения. Так, интересующие нас построения обильно представлены в газетно-публицистических стилях. Это, естественно, в первую очередь свойственно таким жанрам, как очерк, фельетон, репортаж, корреспонденция, то есть жанрам, не очень «строгим» относительно использования речевых средств. Можно встретить рассматриваемые конструкции и в критических статьях, рецензиях и т. д. Вот некоторые примеры из газет: «Современные люди, они отдыхать тихо не умеют» («Литературная газета», 8 января 1969); «А халат — он всегда белый» («Правда», 4 декабря 1967); «Детские игры — они порой нам кажутся просто бессмысленными» («Неделя», 18—24 декабря 1978); «А жизнь, она давно упрямо не укладывается даже в самые испытанные театральные „ампула“» («Литературная газета», 14 марта 1973); «Осень. Она, как и лето, в этом году не балует москвичей солнечной погодой» («Правда», 2 октября 1978); «Трудности, беды, гонения — не они формируют личность, они лишь обнаруживают, удостоверяют существующие, но скрытые до поры черты характера» («Советская культура», 11 июля 1978); «Транспортный корабль и орбитальная станция — они и в этом зале стоят

рядом» («Правда», 26 февраля 1979). В том же стилевом ключе строятся и конструкции с вопросительной второй частью: «Сегодняшний комсомол — в чем он сходен с Вашей юностью и чем отличается от нее?» («Комсомольская правда», 28 сентября 1978). Местоимение может стоять и в косвенных падежах. И в этой форме оно осуществляет семантическую связь с именительным, как бы отсылая к нему и тем самым усиливая его значимость: «Желтый недуг — его и доктор может вылечить» (М. Горький); «Снежинки... Их можно поймать, так медленны они на лету» (С. Щипачев); «Губы, губы! Он стиснул их до крови» (Б. Пастернак); «Только успевай подбивать да разносить, а цифры, где уж тут вдумываться в них» («Литературная газета», 12 июля 1966).

Итак, как видим, письменная речь уже не устояла перед натиском разговорных форм, непринужденных, живых интонаций. Стили, допускающие возможность отступления от строгих синтаксических норм языка, от «интеллектуально» оправданных конструкций, которые, естественно, представляются несколько обременительными и слишком отточенными при имитации живой устной речи, — такие стили допускают применение легких в произношении, расчлененных высказываний с выделенной темой. Причина распространения именительных с «подхватывающим» местоимением в художественной литературе и периодической печати очевидна: задача эмоционального воздействия на читателя здесь имеет не меньшее значение, чем задача сообщения определенной информации. Такие конструкции отсутствуют в произведениях научной литературы и тем более деловой, функциональное назначение которых совсем иного плана. В таком случае непринужденное общение с читателем недопустимо, как противоречащее закономерностям построения текстов «строгих» жанров.

Н. С. Валгина

■ ВОЛОГОДЧИНА, ТУРЕТЧИНА, ОДЕСЩИНА

С. Б. Никольский из г. Валдая пишет, что слова типа *Новгородчина*, *Смоленщина* «начинают прочно входить в русский язык» и что «с точки зрения смысла законов словообразования эти слова, может быть, и правильны, но звучат они некрасиво... А ведь это тоже имеет значение при определении права того или иного слова на существование». Москвич Л. П. Кистанов просит ответить на вопросы, связанные с написанием подобных названий.

Интересующие читателей слова известны русскому языку а также украинскому давно. Действительно, употребительность и

в нашей речи в последние десятилетия возросла. Появилось много новообразований, созданных по модели: географическое название (топоним) плюс суффикс *-щина(а)/-чина(а)*. Нужно ли и можно ли вести с ними борьбу, как предлагает С. Б. Никольский?

Право на существование того или иного слова из числа неологизмов или устаревших, но вновь возрожденных в языке, определяется многими условиями. Главными из них являются: социальная потребность в слове; свойство самого слова, удовлетворяющее этой потребности по значению и по звучанию; коллективная привычка к этому слову. Таким образом, звучание — далеко не единственное основание, определяющее «право слова на существование». Кроме того, приведенные условия не выступают в качестве самостоятельных, а подчинены некоторым более общим особенностям фонетического строя русского слова. Если слово фонетически не соответствует законам русского языка, то его просто никогда в языке не будет, оно не воспримется им, но момент «благозвучия», несомненно, имеет место при выборе имени или какого-либо названия.

В какой степени соответствуют интересующие нас слова типа *Смоленщина, Тамбовщина, Краснодарщина* перечисленным условиям?

Смоленщина, Тамбовщина, Краснодарщина по своему содержанию совпадают с наименованием административно-территориальных единиц (области, края): *Смоленская область, Тамбовская область, Краснодарский край*. Однако совпадение это не полное. Различия заключаются в эмоциональных и стилистических оттенках соотносительных наименований. Одни из них — официальные названия административных подразделений, другие — неофициальные обозначения, связанные с представлениями о людских судьбах, истории, природе области, края. *Смоленская область* в нашем представлении связана с границами своего распространения, *Смоленщина* — со всем тем, что на этой земле растет, живет, строится, производится, с историей области. Слова типа *Смоленщина* призваны выразить эмоциональное отношение к земле не как к административному, а как к географическому, природному понятию. Нужно сказать, что такая потребность существовала и в древности. В древнерусском языке эмоциональные наименования могли совпадать с официальными. Например, в таких обозначениях как *Русская земля, Суздальская земля, Черниговская земля, Рязанская земля* и т. д. сливались оба оттенка — представление и о границах (разумеется, менее четких и определенных), и о природе, людях данных земель и т. д. В известной степени *Смоленщина, Рязанщина* — синонимы сочетаний *земля смоленская, земля рязанская*, где *земля* выступает в устаревшем значении «страна,

государство, сторона'. Потребность в однословных наименованиях, соотносительных с сочетаниями, существовала в языке издавна. Известно, например, слово *Московия* («ждет от него и из Московия о наемных денгах переводных писем». Вести-куранты. 1642—1644 гг.), которое по значению равно сочетанию *земля московская*. А вот интересный пример из языка XVIII века: «В лето 7007 [1499] Великий князь Иван Васильевич послал Воевод своих с войском, с Устюжанами, Двинянами, Вычагжанами и с Вятчины на Угорскую землю» (Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен). Встречаются интересующие нас слова в литературе XIX века: «Из Аравии так в самую *Туретчину* пришли» (Солюгоуб. Тарантас); «Не он первый, не он последний воротился из *неметчины* на святую Русь скоморохом» (Пушкин. Арап Петра Великого).

Оттенок неофициальности, лиризма, который отчетливо ощущается в рассматриваемых словах, ограничивает сферу их употребления публицистическими жанрами, стихотворной речью (например, начало известного стихотворения К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги *Смоленщины*...»).

Значение интересующих нас слов не вызывает сомнений, так как сама их внутренняя форма прозрачна: в основе — географическое или этническое название и суффикс *-щин(а) / -чин(а)*.

Следует отметить, что в последнее время словообразовательная модель с этим суффиксом стала широкоупотребительной и отличается высокой продуктивностью.

Рассматриваемые слова все чаще встречаются в периодической печати. Однако пока они как имена собственные не регистрируются современными словарями литературного языка и административно-территориальными справочниками, их написание не регулируется действующими орфографическими правилами.

Группа этих слов неоднородна, в некоторых случаях возникают трудности при их орфографическом оформлении. Поэтому представляется существенным сформулировать некоторые орфографические рекомендации. Это касается написания конечной согласной основы и написания суффикса.

**Как правильно: Рязаньщина или Рязанщина?
Сколько с следует писать в образованиях типа Одесщина,
Черкасщина? В каких случаях пишется -щина и в
каких-чина?**

Ответы на первые два вопроса определяет то, что интересующие нас наименования образуются от основ прилагательных: *Орловщина* (от *Орловский*), *Горьковщина* (от *Горьковский*), *Бел*

Вологодчина (от *Вологодский*), *Пензенщина* (от *Пензенский*), *Гродненщина* (от *Гродненский*) и другие. При образовании наименований с суффиксом *-щин(а) / -чин(а)* отсекается суффикс *-ск-* и тогда, когда это суффикс прилагательного (*Орловский*), и тогда, когда он входит в состав суффикса *-енск/-инск-* (*Пензенский*), и тогда, когда имеет место явление «наложения» (*Курский — Курщина*, *Архангельский — Архангельщина*).

1. Правило (§ 74, п. 1 «Правил русской орфографии и пунктуации»), в соответствии с которым буква *ъ* не пишется в прилагательных с суффиксом *-ск-*, образованных от существительных на *ь*, распространяется и на рассматриваемые нами случаи. Следует писать *Рязанщина*, *Казанщина* и т. д.

2. В наименовании *Одесщина*, образованном от прилагательного *одесский*, (и подобных) написание одной согласной определяется § 67 «Правил»: не пишется более двух одинаковых согласных подряд, хотя бы это и требовалось составом слова: *одесский* (*одесс+ский*).

3. Сложным представляется во многих случаях написание суффикса: *-чин(а)* или *-щин(а)*? Исходя из правил русского словообразования и орфографии после согласных *д* и *т* следует писать суффикс *-чин(а)*: *Вологодчина*, *Новгородчина*, *Карпатчина*. Этот суффикс пишется и в образованиях *Туретчина*, *Донетчина*, *Немецчина* (старые наименования), *Виннитчина* и др. Данные наименования в основном заимствованы из украинского языка, где по правилам правописания группа согласных *-цьк-* переходит в *-чч-* при образовании существительных с суффиксом *-ин(а)*: *Туретчина*, *Німецьчина*, *Вінницьчина*. Правила русской орфографии (§ 51) рекомендуют писать букву *т* перед *ч* в случаях, когда суффикс *-чин(а)* присоединяется к основе, оканчивающейся на *-к*, *-ц*, *-ч* (*Туретчина*, *Виннитчина* и др.).

Сложным представляется выбор суффикса в образованиях типа *Одесщина*, *Черкасщина*. Очевидно, более правильным, отвечающим русской традиции, следует считать написание *Одесчина*. Однако в орфографической практике, как правило, встречаются написания *Одесщина*, *Черкасщина*, и нам представляется неизбежным ломать уже сложившуюся практику.

В. Н. Хохлачева, В. З. Бужчина

■ ДЕСАНТ СТРОИТЕЛЕЙ

Читательница Э. И. Слабковская из Якутска пишет, что в газетах последнего времени появились необычные, по ее мнению, употребления слова *десант*, например: *десант строителей*, *теат-*

ральный десант. Автора письма интересует, выступает ли здесь это слово в новом значении или же мы имеем дело с другим языковым явлением.

Слово *десант* (от франц. *descente* 'высадка, спуск') впервые было зафиксировано в «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» Н. Яновского (1803) и в середине XIX века прочно вошло в состав русского языка. Об этом свидетельствует фиксация его Толковым словарем В. И. Даля (как известно, В. И. Даль выступал против широкого употребления иностранных слов и делал исключение лишь наиболее закрепившимся в русском языке).

Толковые словари современного русского языка (например, 17-томный «Словарь современного русского литературного языка») отмечают только два значения слова *десант*: 'высадка войск с самолетов или кораблей на территории противника для совершения военных действий' и 'войска, высаженные на территории противника'.

В военной терминологии слово *десант* стилистически нейтрально. Употребляясь в газетах для обозначения «мирных» явлений, оно становится как бы «выдернутым» из обычной сферы употребления, вступает в связи со словами общелитературного языка. Так появляется возможность его образного использования.

Само значение слова *десант* предполагает возможность такого переосмысления. Ведь цель десанта состоит в том, чтобы высадить большой отряд (в данном случае морской или «крылатой» пехоты), который вступает в бой и ведет его до тех пор, пока не выполнит боевую задачу. «Мирный» десант имеет сходство с военным. Здесь также большой отряд людей сразу же после прибытия на место начинает выполнять свою трудовую задачу.

Говорить о новом значении слова *десант* на современном этапе развития языка не приходится, поскольку образность рассматриваемого нами употребления определяется непосредственной связью с военной тематикой. Только когда эта связь утратится, мы сможем утверждать, что у слова *десант* появилось новое значение.

Поэтому в выражениях *десант строителей*, *театральный десант*, *поэтический десант* мы имеем дело не с новым «мирным» значением, а с образно-метафорическим употреблением. Метафоричность достигается за счет перехода слова из военной терминологии в общелитературный язык.

С. В. Редькин

РУССКИЕ ИМЕНА

Едва появившись на свет, человек получает имя. Но что такое имя? Как возникли личные имена у различных народов и что они означают? Ответы на эти вопросы, постоянно волнующие каждого из нас, представляют большой познавательный и культурно-исторический интерес.

Происхождение русских имен относится к глубокой древности, а их появление на Руси тесно связано с нашим историческим прошлым (крещение Руси, войны со скандинавами и др.). Некоторые из имен — исконно славянского происхождения (*Вячеслав, Святослав, Борис, Людмила, Светлана* и др.), некоторые же возникли в связи с появлением христианства на Руси и восходят либо к греческим, либо к библейским именам. Многие собственные имена означают благородство, красоту, силу, храбрость, ум или славу, которые родители хотели бы видеть в своих детях, или содержат указания на определенных животных (лошадь, лев, волк и др.), быстроту и силу которых желали новорожденным или, наоборот, от которых хотели уберечь.

До Октябрьской революции в России имена давали обычно по религиозным или сословным признакам: крестьянские, «мужичкие» — *Лука, Фекла, Акулина*; «благородные» — *Евгений, Лев, Владимир, Олег*; имена служителей церкви — *Пимен, Ферапонт, Фотий*. В наши дни в ряде случаев родители отдают предпочтение внешнему благозвучию имени (*Артур, Роберт, Жанна, Регина* и т. д.); а многие имена стали настолько популярны, что приобрели своеобразную шаблонность (*Наташа, Лена, Дима, Катя* и др.). Великая Октябрьская социалистическая революция, огромные социальные преобразования нашего общества способствовали возникновению целого ряда новых имен: *Марлен, Ким, Октябрина, Владлен, Ноябрьна* и др.

Выполняя многочисленные просьбы наших читателей, мы предлагаем их вниманию краткие сведения о наиболее распространенных в нашей стране русских именах.

Александр. Происходит от греческого (aleksein «защищать» и anēr, род. пад. andros «человек, мужчина») — «защитник людей».

Алексей. Имя греческого происхождения, восходящее к древнегреческому aleksein «защищать»; буквально означает «защитник».

Андрей. От греческого прилагательного andreios «мужественный», образованного от существительного anēr, род. пад. andros «человек, мужчина».

Анастасия. От греческого anastasis (приставка ana- «вверх» и istanaí «заставлять вставать») — «воскресение».

Анатолий. Имя греческого происхождения (приставка ana- «вверх» и глагол tellein «заканчивать, совершать, подниматься») — буквально «восход солнца, восток».

Анна. Буквально — «милость, благосклонность». Имя было очень распространено в Византийской империи и попало в Россию после брака в 988 г. Анны, дочери императора Романа, с Владимиром, князем киевским. Ее внучка Анна вышла замуж за Генриха I Французского (1031—1060), и таким образом имя попало на Запад. В Англии оно впервые встречается в начале XIII века.

Антон. Восходит к греческому antos «цветок».

Афанасий. Имя греческого происхождения (отрицательная приставка a- и thanatos «смерть») — «бессмертный».

Василий. Соотносится с греческим basileios «царственный» (basileus «царь»).

Виктор. Из латинского victor «победитель».

Виталий. От латинского vitalis «жизненный, олицетворяющий жизнь».

Галина. Это имя обычно относят к греческому galéné — «тишина». Более вероятно, однако, что оно восходит к древневерхненемецкому слову gelil «(безудержно) веселый» и связано с такими женскими именами, как Gailin, Keiline, Geluni, Geilane.

Георгий (Егор, Юрий). Из греческого georgos «земледелец» (ge, geo «земля» и ergon «работа, обработка»).

Герасим. Греческое gerasimos «почтенный».

Глеб. Имя скандинавского происхождения; буквально — «продолжатель борьбы».

Григорий. От греческого gregoros «бдительный» (глагол egeirein «пробуждать»).

М. М. МАКОВСКИЙ

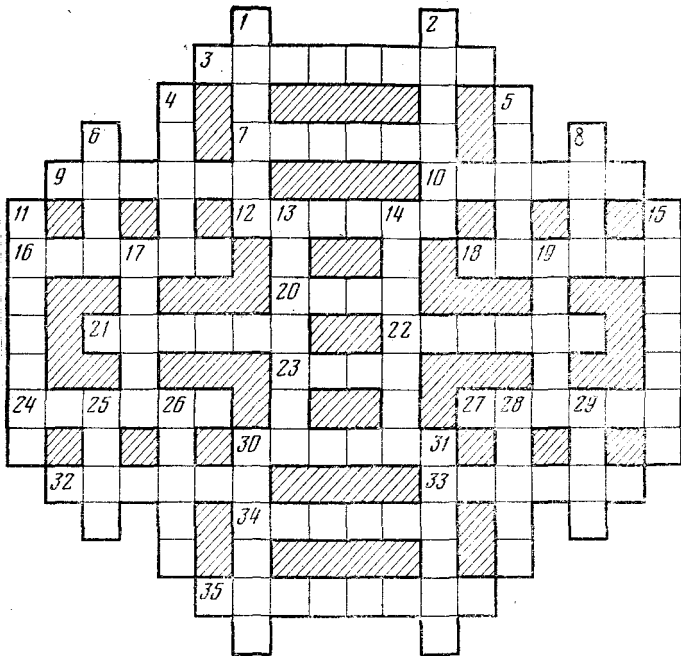
Продолжение следует

Где можно найти рекомендательные списки имен?

В выборе имени вам поможет следующая литература:
А. В. Суперанская «Как вас зовут? Где вы живете?» М., 1964;
Н. А. Петровский «Словарь русских личных имен» М., 1966;
Лев Успенский «Ты и твое имя. Имя дома твоего» Л., 1972;
А. В. Сулова и А. В. Суперанская «О русских именах» Л., 1978.

В этих книгах представлено большое количество личных имен с толкованием их первоначального смысла.

КРОССВОРД



По горизонтали: 3. Язык древней и средневековой индийской литературы. 7. Повесть М. Ю. Лермонтова. 9. Древнегреческая богиня правосудия. 10. Русский советский поэт, детский писатель, переводчик. 12. Рисунок, вырезанный на золоте или серебре и заполненный чернью. 16. Герой «Сказки о царе Салтане». 18. Девушка из сказки А. Н. Островского «Снегурочка». 20. Род сюртука. 21. Словосочетание. 22. Имя царя из сказки А. С. Пушкина. 23. Ткань защитного цвета. 24. Глиняный горшок для молока. 27. Отец деда или бабушки. 30. Южное растение, а также его плод. 32. Деталь костюма. 33. Героиня поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». 34. Длинный и широкий старинный плащ. 35. Языковое окружение, условия или особенности употребления данной языковой единицы.

По вертикали: 1. Русская старинная мужская долгополая

верхняя одежда. 2. Система графических знаков для передачи, заимствования речи. 4. Языковое название солнца. 5. Город в Эстонии. 6. Старое название третьей буквы русского алфавита. 8. Самка павлина. 11. Шлифовка ювелирных камней. 13. Город в Иране. 14. Словарный состав языка или диалекта. 15. Фрегат, на котором путешествовал И. А. Гончаров. 17. Персонаж «Сказки о золотом петушке». 19. Столица социалистического государства. 25. Страна в Азии. 26. Старинная шелковая узорчатая ткань. 28. Художественное произведение со сложным сюжетом. 29. Женское имя тайфуна. 30. Растение семейства лютиковых. 31. Стихотворение, каждая строфа которого представляет собой законченное синтаксическое целое.

Ответы на кроссворд будут даны в следующем номере

ЖЕМЧУГ

«На теплом, синем море у острова Гурмыза... водолазов я посылал на дно... возьми бесценный жемчуг, а мне любовь отдай!» — поет Мизгирь в опере Римского-Корсакова «Снегурочка». Он предлагает Снегурочке морской жемчуг, добываемый в Персидском заливе. Этот жемчуг назывался гурмышским (гурмыцким), бурмицким, ормузским и считался самым лучшим, а поэтому был дорогим и редким.

На Руси же с давних времен был широко распространен жемчуг речной. В бассейне Онежского озера и Заонежья, на Волге около Ярославля, в притоках Амура и в других местах добывали его искатели жемчужники. Крупный, круглый, ровный жемчуг называли скатым. В народном языке существовал глагол жемчужиться. «Она жемчужится», — так говорили о самовлюбленной спесивой девушке.

Жемчуг шел на съёмные украшения — серьги, булавки, ожерелья из нескольких нитей ожерелок. В XVI—XVII веках в России было широко распространено искусство шить жемчугом, низать сетки-обнизи, которыми заканчивались женские головные уборы — кички и кокошники.



На обложке рисунок Б. Захарова

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Рукописи не возвращаются

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры В. В. Беляев, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12. 4. 1979 Подписано к печати 13/VI 1979 Т-11442

Формат бумаги 84×108/32. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4 Уч.-изд. л. 9,6

Бум. л. 2,5 Тираж 60200 экз. Зак. 1747

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25

2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10